

**Дневник Алтайской школы политических исследований. №7.
Роль парламента в демократическом государстве /** Под ред. проф.
Ю.Г. Чернышова. Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 1999. 226 с.

***Редакционная коллегия:** доктор исторических наук, профессор Чернышов Ю.Г. (отв. редактор), кандидат исторических наук, профессор Глушков А.Е., кандидат исторических наук, доцент Бетмакаев А.М., Кацаева М.В. (отв. секретарь).*

Очередной выпуск «Дневника АШПИ» посвящен материалам научно-практической конференции, проходившей в санатории-профилактории «Станкостроитель» 30-31 июля 1999 г. Это уже шестая подобная конференция, проведенная на Алтае. Ее непосредственным организатором стала Алтайская школа политических исследований, получившая поддержку Алтайского государственного университета, Алтайского отделения Западносибирского центра германских исследований, Алтайского филиала фонда «Российский общественно-политический центр», Российского представительства Фонда им. Фридриха Эберта, движений «Наш дом – Россия» и «Конгресс интеллигенции Алтайского края».

В канун начала избирательной кампании участники конференции обсудили актуальные вопросы истории и теории парламентаризма, а также различные аспекты темы парламентских выборов. В дискуссии приняли участие известные отечественные и зарубежные ученые, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Стенограмма конференции дополнена статьями и тезисами, а также справочными материалами по теме сборника.

Издание предназначено не только для специалистов (историков, политологов, юристов), но и для всех, кто интересуется политикой.

ISBN

© АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (первый день)

Чернышов Ю.Г.
***ПАРЛАМЕНТ И ДЕМОКРАТИЯ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ***

Вступление

Уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас на нашей очередной, уже шестой по счету конференции, которая традиционно проводится на Алтае в июле. С каждым разом нас становится все больше, состав участников становится все более представительным. Обратите внимание: два года назад мы проводили конференцию в этом же санатории, но в малом зале, в котором едва поместилась бы половина нынешних участников. Сейчас здесь присутствует около 80 человек, среди них более 20 докторов и кандидатов наук, известные общественные деятели, представители власти, предприниматели, журналисты.

Я хотел бы персонально приветствовать и представить уважаемых гостей конференции – наших немецких коллег профессора Петера Шульце и профессора Петера Лёше, москвичей – Игоря Михайловича Бунина, Олега Николаевича Барабанова, Лилию Александровну Галкину, а также кемеровчан Юрия Владимировича Галактионова, Лидию Николаевну Корневу. Хочется также поблагодарить за участие нашего известного земляка Владимира Александровича Рыжкова, который сделал очень много для того, чтобы традиция проведения таких конференций на Алтае продолжалась.

Тему нынешней конференции нам подсказала сама жизнь. Если ничего непредвиденного не случится, через 142 дня состоятся выборы. Страна входит в тревожную полосу предвыборной кампании, и нужно сделать все, чтобы выборы депутатов Государственной Думы прошли цивилизованно, в полном соответствии с законом. Мы считаем, что именно сейчас крайне необходима просветительская деятельность, прояснение хотя бы самых важных вопросов: что такое парламент, для

чего выбирают депутатов, какую роль должен играть парламент в демократическом государстве.

Мой доклад носит вступительный характер: я хотел бы лишь вкратце коснуться содержания ключевых понятий, проследить этапы развития парламентаризма и обозначить те наиболее актуальные проблемы, которые предлагаются для обсуждения¹.

1. Историческая роль парламентов

А. История на Западе

Итак, можно начать с главного вопроса: «Что такое **парламент?**». Больших расхождений в энциклопедиях и справочниках на этот счет нет. В основном все отмечают то, что слово «парламент» в буквальном переводе с французского может означать «говорильня». Именно в таком упрощенном виде и представляют парламент многие наши соотечественники. Однако функции парламента отнюдь не сводятся к тому, чтобы что-то обсуждать. Современный парламент – это общенациональное представительное учреждение, осуществляющее законодательные функции. Полномочия современного парламента – это прежде всего законотворчество, принятие бюджета, контроль за деятельностью правительства, определение направлений во внешней политике. Кроме того, парламента выполняют функции легитимации режима; парламента – важнейшие органы представительства; во многом благодаря парламентам происходит рекрутирование и социализация элит.

---

¹ Среди доступных исследований по данной тематике можно отметить следующие: Бейме Клаус фон. Будущее парламентской демократии // Мир политики. М., 1992; Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. М., 1996; Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. М., 1960; Керимов А.Д. Парламентские представительства как средство контроля за исполнительной властью (Пятая Французская республика) // Государство и право. 1992. № 8; Парламентаризм в России: опыт и перспективы. М., 1994; Парламентаризм в России. Федеральное собрание 1993-1995 г. V Государственная Дума, Совет Федерации. М., 1996 (электронная версия в Интернете – http://www.duma.gov.ru/Found/book/0_book.htm); Романов Р.М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление // Полис. 1998. № 2.

Чтобы понять суть какого-либо общественного явления, всегда полезно заглянуть в его историю. Опыт всемирной истории показывает, что представительные и законодательные органы играли сколько-нибудь существенную роль только в тех странах, в которых были развиты элементы гражданского общества. Напротив, в государствах авторитарно-тоталитарного типа парламенты либо отсутствовали вообще, либо выполняли чисто декоративные функции.

Принято считать, что парламент как институт политической власти впервые появился в 1265 (или в 1295) году в Англии, однако эту дату нетрудно оспорить. Своеобразные «протопарламенты» существовали еще в античности, причем наибольшую роль в общественной жизни они играли тогда, когда античная демократия переживала эпоху расцвета. Я всегда стараюсь обращать внимание студентов на комедию Аристофана «Женщины в народном собрании» (варианты перевода названия – «Заседательница», или «Парламентарки»): там содержится великолепная пародия на худшие проявления парламентаризма (вера в магическую силу голосования, утопический волюнтаризм, нежелание считаться с объективной реальностью и т.д.). Это лишь один из множества примеров, показывающих, что возникновение парламента – не единовременный акт, это длительный процесс, продолжавшийся не годы и не десятилетия, а многие столетия.

Лишь с середины XIV века в английском парламенте в противовес палате лордов появилась палата общин, в которой заседали представители рыцарства и городов. Двухпалатный парламент возник в Англии как соединение принципов сословного и общедемократического принципов представительства. Позднее в парламентах многих федеративных государств верхняя палата стала органом представительства регионов.

И в Англии, и во многих других европейских странах парламенты превратились в высшие законодательные органы лишь после буржуазных революций XVII, XVIII и XIX веков. Именно с этого времени можно говорить о **парламентаризме** как системе государственного руководства обществом, которая характеризуется четким распределением законодательных и исполнительных функций с признанием приоритетной роли парламента.

Наиболее характерным для парламентской системы является то, что парламентское большинство само формирует состав правительства, и это правительство несет ответственность не только перед парламентом, но и перед своей партией или перед коалицией партий. Такого рода система принята в Великобритании, Италии, Канаде, Японии и ряде других стран.

Президентская система предполагает, что правительство формирует Президент как глава государства. Фактически первой страной, где зародился институт президентства, были США; в середине XIX века должность Президента как главы государства была введена во Франции и Швейцарии; сейчас подавляющее большинство стран – членов ООН (в том числе почти все страны бывшего социалистического лагеря) имеют пост Президента. Однако полномочия Президентов различны. Это определяется и традициями (в частности, степенью развития традиций парламентаризма), и типом политической культуры, и соотношением политических сил в момент принятия конституции. Считается, что в современной России сложилась смешанная, президентско-парламентская республика, однако совершенно очевидно, что доминирующую роль у нас играет президентская власть.

Мы почему-то всегда изучали отечественную историю в отрыве от истории зарубежных стран. Между тем, например, сопоставление истории российского парламентаризма с историей парламентаризма на Западе может быть весьма поучительным. Такое сопоставление показывает, что наше общество в целом движется в направлении развития всей цивилизации, но ему еще предстоит довольно долгое «привыкание» к тому, что парламент может и должен играть весомую роль в политике государства.

Б. История в России

Некоторые историки утверждают, что истоки парламентаризма в России восходят еще к вечевым собраниям древней и средневековой Руси. Однако в реальности на вече принимались не законы, а лишь решения по конкретным вопросам. Несколько большую роль в условиях сословно-представительной монархии играли Боярская дума (как законосовещательный орган) и Земские соборы, которые созывались примерно в течение ста двадцати лет (с середины 60-х годов XVI в. по середину 80-х годов XVII в.). Как известно, в 1649 г. Земский собор

утвердил Соборное уложение. Однако в дальнейшем по мере укрепления самодержавного строя эти органы прекращают существование.

Лишь при Екатерине II появляются институты представительства сословий: сначала дворянства, затем купечества. Весьма интересный проект учреждения законодательного органа в виде парламента был выдвинут М.М.Сперанским при императоре Александре I. Предлагалось сформировать не только Государственный совет (как высшую палату парламента), но и учредить Государственную думу. В ходе реформ Александра II возникло земство как всесословное представительство на уровне уездов и губерний; формируются и органы городского самоуправления.

В течение всего XIX века идея создания парламента привлекала многих либерально настроенных противников царизма. Этой идее впервые было суждено осуществиться лишь после манифеста 17 октября 1905 года. Однако Первая Государственная дума, едва начав работать, была распущена 9 июля 1906 года под тем предлогом, что депутаты «уклонились в непринадлежавшую им область». Не лучшая участь ожидала и Вторую Думу. Царское правительство постоянно пренебрегало диалогом, демонстрировало нежелание идти на компромиссы с Думой, пыталось низвести ее до роли законосовещательного представительного органа. Довольно характерен такой исторический эпизод: когда в 1908 г. в Государственной Думе П.Н.Милоков предложил создать «парламентскую комиссию для обследования положения железнодорожного хозяйства», министр финансов В.Н.Коковцов ему возразил: «У нас, слава Богу, еще нет парламента» (т.е. Дума есть, а *парламента* нет). Пользуясь случаем, я хочу задать вопрос Владимиру Александровичу Рьжкову: не сохраняет ли свою актуальность крылатая фраза Коковцова?

Не прошло и десяти лет после произнесения этой фразы, как царизм пал, а вскоре прекратила существование и Дума, так и не ставшая тогда полноценным российским парламентом.

Большевики, разогнавшие негодное им Учредительное собрание, продемонстрировали полное презрение к таким «буржуазным» ценностям, как парламентаризм, свобода слова, многопартийность, демократичные выборы. В условиях однопартийной диктатуры получил развитие новый тип народного представительства – Советы, отвергавшие принцип разделения властей. Роль Советов в истории

отечественного парламентаризма противоречива. С одной стороны, они лишь создавали идеологическую фикцию «подлинного народовластия», поскольку голосовать можно было только за тех кандидатов в депутаты, кандидатуры которых были одобрены партией. Выборы были безальтернативными. К тому же Советы не имели реального правового потенциала для того, чтобы играть самостоятельную роль в государстве. За период с 1938 по 1988 г. Верховный Совет СССР принял менее 1% всех действовавших законов: он лишь утверждал списком законодательные акты, утвержденные указами Президиума Верховного Совета СССР.

С другой стороны, Советы все же способствовали развитию традиций представительной власти в нашей стране. Не случайно то, что в эпоху «перестройки» возрождение парламентаризма началось с возрождения и переосмысления лозунга «Вся власть Советам!». Съезды народных депутатов СССР в 1989 г. и РСФСР в 1990 г. во многом подготовили переход к современному российскому парламенту.

В самый острый момент перехода от одной системы к другой нашей стране пришлось на горьком опыте убедиться, что идея всевластного и безответственного парламента может быть не менее опасна, чем идея всевластного диктатора. Трагические события осени 1993 г. – косвенное тому подтверждение. По мнению многих аналитиков, в России, где традиционно сильны авторитарно-тоталитарные традиции, где все еще весьма низок уровень правовой культуры, попытка введения парламентаризма в его крайних формах была бы обречена на провал и лишь в очередной раз подтолкнула бы страну к анархии.

Датой рождения современного российского парламента можно считать 11 января 1994 г., когда на свое первое заседание собрались депутаты обеих палат Федерального Собрания. С тех пор накоплен огромный опыт, начала работать система сдержек и противовесов (в частности, благодаря верхней палате – Совету Федерации). Не в полной мере, но все же наметилось сбалансированное разделение полномочий между органами исполнительной и законодательной ветвей власти. В чем-то мы даже сумели опередить Европу: далеко не везде, например, существует нечто подобное нашему виртуальному «Интернет-парламенту», где простые граждане оживленно обсуждают самые

разнообразные аспекты парламентской работы (см.: <http://www.elections.ru/>).

2. Парламент в современной России: вопросы для обсуждения

Итак, даже самый краткий экскурс в историю показывает, что парламентаризм развивался одновременно с демократией. Конечно, не стоит идеализировать и абсолютизировать роль парламента: в ней тоже бывают свои теневые стороны.

К сожалению, в последнее время образ депутата все чаще ассоциируется с некомпетентностью, коррупцией и политиканством. Сами депутаты делают немало для закрепления этого имиджа, периодически устраивая публичные потасовки, импульсивно голосуя за смену Государственного Гимна или за восстановление памятника одному из организаторов массового террора. В ходе социологических опросов эксперты Алтайской школы политических исследований неоднократно убеждались в том, что большинство избирателей, устав слушать партийных демагогов, хотело бы видеть в числе депутатов просто честных и порядочных людей. Это подтверждают и данные Независимого Агентства региональных Политических Исследований (АРПИ), опросившего недавно 1 500 респондентов из более чем 80 населенных пунктов Российской Федерации. Нетрудно заметить, что рейтинг качеств «идеального депутата» отражает как раз те стороны депутатского имиджа, которые в наибольшей степени подверглись компрометации в СМИ¹:

Честность	43,5%
Порядочность	13,4%
Ум	4,8%
Профессионализм	3,3%
Справедливость	3,3%
Компетентность	2,2%
Патриотизм	1,9%
Забота о людях	1,7%
Принципиальность	1,6%
Совесть	1,5%

---

¹ См.: <http://www.elections.ru./biblio/arpi4.htm>.

Ответственность	1,3%
Бескорыстие	1,1%

И все же вряд ли будет преувеличением сказать, что полноценный парламент – это важнейший элемент демократического государства. Именно парламент является важнейшим гарантом соблюдения конституции, именно парламент является препятствием для проявлений тоталитаризма. Образно говоря, парламент – это сердце демократии. И если это «сердце» страдает недостаточностью, плохо от этого бывает всему государственному организму.

Нашей стране нужен здоровый парламент. Однако при нынешней социально-экономической ситуации получить такой парламент очень трудно. Профессор Сэмюэл Хантингтон очень верно заметил: «Если вам нужна демократия, обеспечьте экономический рост»¹. В парламенте, как в зеркале, отражаются важнейшие общественные процессы. Но парламент не только отражает эти процессы, он играет активную политическую роль. И от того, какой окажется VII Государственная Дума, во многом зависит дальнейшая политика государства.

Поэтому мы и решили посвятить нашу конференцию проблемам, связанным с формированием и работой нижней палаты парламента.

Сегодня, в первый день, нам предстоит уделить внимание изучению отечественного и зарубежного опыта парламентаризма. У нас сейчас есть прекрасная возможность послушать и действующего депутата Государственной Думы Владимира Александровича Рыжкова, и немецких экспертов, в деталях представляющих особенности парламентских институтов в России и Германии. Можно надеяться, что сопоставление опыта наших двух стран окажется весьма интересным.

Второй день будет посвящен парламентским выборам. Нам предстоит обсудить избирательное законодательство, попытаться прогнозировать итоги выборов. Хотелось бы, чтобы в результате обсуждения мы попробовали ответить на вопросы: Как повысить правовую культуру избирателей? Как привлечь избирателей на выборы? Как противодействовать «грязным» избирательным технологиям? Как не допустить во власть экстремистов и криминальные элементы? Главная цель нашей дискуссии: попытаться найти способы сделать эти

---

¹ Хантингтон С.Ф. Двадцать лет спустя: будущее третьей волны // Русский Журнал. 29.12.1997.

выборы более честными, более законными и отражающими интересы избирателей.

Заключение

В заключение – несколько замечаний по работе конференции. Как всегда, мы ведем стенографическую запись, чтобы вскоре опубликовать материалы конференции в виде очередного – седьмого по счету – «Дневника АШПИ». Текст этого выпуска будет выставлен в информационной сети Интернет. Помимо основных докладчиков преимущественное право выступить имеют содокладчики. С тезисами, которые они представили, можно ознакомиться уже сейчас. Участвовать в обсуждении («круглом столе») могут также все присутствующие (просим при этом представляться, по возможности не выходить за рамки разумного регламента и говорить в микрофон). Давайте попробуем на нашей конференции продемонстрировать образцы парламентского обсуждения проблемы парламентаризма! Благодарю всех за внимание!

Рыжков В.А.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Я хочу сказать несколько слов по поводу нашего традиционного семинара. Вообще, мне кажется, что для России всегда было важно поддерживать традиции и я очень рад, что новая Россия уже имеет некоторые традиции. Мы в шестой раз проводим этот семинар, и я не вижу никаких препятствий, чтобы провести его еще раз шестьдесят. Пусть это будет наша добрая хорошая традиция.

Политический процесс многообразен, каждый год он будет предоставлять новые поводы для обсуждений. Следующий июль, уверяю вас, будет более чем захватывающим зрелищем.

Первое, что я хотел бы сделать, это поблагодарить всех, кто принял участие в подготовке нашего семинара. Я хочу поблагодарить всех гостей, прежде всего Петера Шульце, вместе с которым мы проводили уже несколько семинаров на Алтае, который всегда откликается на предложение приехать, поучаствовать, помочь в организации семинара и тем самым вносит важный вклад в развитие устойчивых институтов гражданского общества в России и здесь у нас на Алтае.

Я хочу поблагодарить профессора Лёше, который приехал из Геттингена для того, чтобы принять участие в нашей конференции, и всех наших коллег из Кемерово и других городов. Особенно я хочу поблагодарить своего близкого друга Игоря Михайловича Бунина, который по всем рейтингам, опросам входит в тройку ведущих политологов страны. Возглавляемый им Центр политических технологий является на сегодняшний день лучшим в России центром политического консультирования, он пользуется огромным уважением у нас в стране.

Я надеюсь, что счастливая возможность пообщаться с Игорем Михайловичем в Барнауле нами будет активно использована. И всех, всех, всех еще раз хочу поблагодарить за то, что откликнулись, хочу поблагодарить аудиторию, где собралось так много замечательных людей. Мне особенно приятно, что эта аудитория с годами, с одной стороны, не меняется, и у нас есть костяк постоянных участников семинара, и в то же время мы видим каждый год новые лица. Это показывает важность такого института гражданского общества, который представляет собой Алтайская школа политических исследований Юрия Георгиевича Чернышова. Сказав эти слова, идущие от сердца, я хотел бы перейти к теме своего выступления.

Вы знаете, Юрий Георгиевич совершил невероятное. Он в течение десяти минут проследил судьбу парламентаризма от Аристофана до Илюхина и сделал это достаточно квалифицированно, ярко и с изрядной долей чувства юмора, что показывает, что наш исторический факультет Алтайского госуниверситета продолжает работать в направлении развития демократии в нашей стране и изучения демократии. Мне мало что остается добавить, и тем не менее я начну с некоторых исторических ремарок, которые необходимо сделать в качестве вводных уже к моему выступлению.

Действительно, Сперанский мечтал о государственной Думе и, как это часто бывает в нашей неспешной стране, ровно через сто лет после того, как он написал свои проекты для Александра I, эти проекты воплотились в жизнь. Обстоятельства рождения Государственной Думы были, как вы знаете, драматическими. Это революционные события 1905 года, поражение в русско-японской войне, глубокий моральный кризис монархии Романовых. Все это побудило царизм пойти на определенные уступки.

Я до сих пор нахожусь под впечатлением от замечательного события, одним из организаторов которого я был в апреле этого года. В Москве на одном из старинных кладбищ у могилы Сергея Александровича Муромцева, первого председателя первой Государственной Думы, московского юриста, профессора Московского университета мы возложили цветы и почтили тем самым 93-ю годовщину со дня открытия первой Государственной Думы, которое состоялось в Петербурге 24 апреля 1906 года. Пожалуй, именно этот день стоит считать днем рождения российского парламента. Сейчас мы с моими коллегами внесли в Государственную Думу законопроект о введении дня российского парламентаризма, который как раз будет приурочен к этой дате. 24 апреля 1906 года – день открытия первой Государственной Думы. Это был день, когда царь в Зимнем дворце принял депутатов Государственной Думы, увидел это многолюдное, пестрое и очень странное собрание людей, где профессора Московского университета соседствовали с заводчиками, с крестьянами в зипунах и ярко начищенных сапогах.

В этот день впервые российская монархия лицом к лицу столкнулась с тем, чего она боялась больше всего многие века: с собственным парламентом. Здесь Юрий Георгиевич вспомнил слова Кокцовца, что «Слава Богу, парламента у нас еще нет». Это не просто оговорка, это точное, афористичное выражение замысла, который был положен в основу первой Государственной Думы. Она и задумывалась таким образом, чтобы не могла быть парламентом.

Известен также случай, который произошел между царем и Столыпиным. Столыпин незадолго до своей смерти внес в Государственную Думу проект земской реформы для Западных губерний. Он хотел в украинских и западнороссийских губерниях ввести земство, которого там до этого не было. Речь шла о шестнадцати губерниях. Госсовет, тогдашняя верхняя палата парламента, некий такой аналог современного Совета Федерации, отклонил этот закон, причем отклонил в классической манере. Несколько старых аристократов, приятелей царской семьи, сбегали тайком от Столыпина к царю, сказали, что «это ужасный законопроект, разрушающий Российскую империю». Царь сказал: «Да Вы что?! Безобразие какое»!!! И дал санкцию на то, чтобы Госсовет отклонил этот законопроект, уже принятый Государственной Думой. Рассвирепевший Столыпин, узнав,

что за его спиной аристократия сговорилась с царем об отклонении закона, немедленно поехал к царю, поставил ему ультиматум: «Или Вы, Государь, вводите этот закон, или я уйду в отставку».

К этому времени Столыпин уже более четырех лет был премьер-министром России. Его авторитет личный и государственный был непререкаем. Царь, который был слабым человеком, склонным к изменению своего мнения, подверженным влиянию, не хотел разрыва со Столыпиным, и сказал: «Ну, хорошо, а какой выход? Нижняя палата приняла, верхняя палата отклонила, что делать»? Столыпин напомнил ему о 92 статье законов Российской империи от марта 1906 года, где было сказано, что в том случае, если Государственная Дума не принимает какой – то закон, государь вправе распустить Государственную Думу и издать этот закон в особом порядке, в обход парламента. Что и было сделано. Государственная Дума была распущена ровно на семь дней, в эти семь дней государь издал соответствующими декретами все эти законы, после чего Государственная Дума собралась вновь.

Эта практика была общепринятой в тот период, когда происходил закат Российской империи, когда работали первые четыре Государственные Думы. Общий принцип был следующий. Во-первых, вносить в Государственную Думу можно меньше законопроектов с тем, чтобы она не мешала. А когда Государственная Дума того периода пыталась настоять на своих правах, ее просто распускали. Поэтому за тот период с 1906 по 1917 гг. было четыре Государственные Думы, причем только одна из них, третья, по-моему, дожила до своего естественного срока полномочий. Остальные были пресечены досрочно; первые две были распущены, а четвертая прекратилась из-за революции.

Поэтому, видимо, надо признать, что Коковцов, который не был сведущим в политической науке глубоким исследователем парламентаризма, в свойственной ему простой манере верно сформулировал роль и место первых четырех Государственных Дум в политической системе последнего периода Российской монархии. Он сказал: «Слава Богу, парламента у нас нет», – что являлось чистой правдой. Дума была законосовещательным органом с очень ограниченными полномочиями. А дальше вы знаете: революция, Государственная Дума в условиях полного вакуума власти в Петрограде создала временное правительство и самоликвидировалась.

Я хочу воспроизвести очень важную мысль Алексея Михайловича Салмина, участника нашего прошлого семинара, мысль, которую он здесь на Алтае в своем докладе произнес, о том, что сама судьба республики в России весьма сомнительна. События в 1917 году развивались следующим образом: Николай II, когда он отрекся на станции Дно, отрекся в пользу брата своего Михаила. Михаил, как известно, процарствовал ровно один день, и на исходе этого дня он также отрекся, но очень важно то, как он отрекся. В его акте об отречении было сказано примерно следующее, что во имя интересов Отечества, нации, государства и его будущего, следуя заповедям Бога и нравственному закону, он отрекается от престола и вверяет судьбу монархии в руки Учредительного собрания, которое должно быть избрано всеобщими, равными, тайными голосованиями и т.д. Михаил вовсе не предрешал, каким путем пойдет дальше Россия. Он вовсе не прекратил историческую судьбу российской монархии. Он лишь вручил судьбу монархии в руки Учредительного собрания. Современники очень хорошо понимали этот нюанс. Поэтому правительство было временным правительством. До своих последних дней оно стремилось провести выборы в Учредительное собрание. Именно оно, как некий аналог Земского собора 1613 года, должно было принять решение о дальнейшей судьбе монархии в России и о дальнейшей судьбе парламентаризма. Керенский успел сделать только одно: в сентябре 1917 была создана комиссия, которая готовила проект основных законов для России, для Учредительного собрания.

Но Керенский совершил один поступок, который до сих пор не оценен нашей нацией. Первого сентября 1917 года, подавив Корниловский мятеж, находясь под впечатлением от попытки переворота правых, Керенский издал декрет о введении республики в России. Этот декрет грубо попирает легитимность, потому что, не дожидаясь Учредительного собрания, Временное правительство вдруг прекратило монархическую историю и ввело республику в России. Это та дата, которую можно считать датой рождения Российской республики. После этого Керенский создал комиссию, предпарламент, который начал готовить проекты основных законов для новой Российской республики. Ну, что было дальше, вы знаете: большевики не стали дожидаться января.

Ситуация для них была, так сказать, выгодная. Взяли власть, совершили переворот, который сами потом долго называли Октябрьским переворотом. С 25 октября 1917 года, об этом говорил Юрий Георгиевич, мы вправе говорить о второй Российской республике, потому что это уж точно была не монархия. Это была, безусловно, республика, хотя и своеобразная: однопартийная, с декоративной ролью представительных органов, с декоративной ролью депутатов, с весьма своеобразным способом принятия законов.

Еще один любопытный эпизод. Когда пали Романовы, весной 1917 года в России начали активно обсуждать вопрос о введении президентства. «А не ввести ли нам Президента» – говорили некоторые политические деятели. Как только этот разговор прошел, по всей стране прокатилась стихийная волна митингов и собраний, особенно много их было на фронтах. Солдатские комитеты проводили собрания под одним лозунгом: «Нет посту Президента!» Потому что тогдашнему российскому обществу казалось, что вот только кровавый тиран свергнут, а на горизонте уже маячит фигура следующего кровавого тирана. Поэтому в 1917 году российское общество напрочь отвергло идею Президентства, которую спустя почти 80 лет с радостью восприняло и подавляющим большинством поддержало на референдуме весной 1991 года.

Вторая республика кончила тем, что демократизация второй половины 80-х годов проходила под одним лозунгом: «Долой 6-ю статью Конституции!» Вы помните, многие из здесь присутствующих принимали активное участие в поддержке этих лозунгов. Именно 6-я статья Конституции была стержнем второй республики, именно она символизировала однопартийную систему. Эта республика имела одну политическую природу: однопартийный режим, господство партаппарата, господство партийных комитетов, недемократичность режима, тоталитарный строй, подавление свободы и так далее.

6-я статья была отменена в 1990 году Съездом народных депутатов РСФСР, когда принималась Декларация о суверенитете РСФСР. Декларация была принята 12 июня 1990 года, а 13-14 июня была отменена 6-я статья Конституции. Фактически, середину июня 1990 года мы можем считать концом второй республики. Это был фактически конец Советского Союза: принятие Декларации о суверенитете России, отмена 6-й статьи Конституции, фиксация первых

многопартийных выборов в России, и многое, многое другое. Потом был введен пост Президента России. Дальше пошел процесс системного распада второй республики.

Третья республика запомнилась нам введением поста Президента, августовским путчем, распадом СССР, конфронтацией Верховного Совета и Президента, которая привела к событиям сентября – октября 1993 года. Она прожила очень недолго. Если первая республика прожила полтора месяца, вторая республика прожила с 25 октября 1917 по 12 июня 1990 года, то третья республика прожила с 12 июня 1990 года по 12 декабря 1993 года, когда на референдуме была принята Конституция новой, четвертой республики, которая призвана была преодолеть главное противоречие третьей республики.

Главное противоречие третьей, Ельцинско–Хасбулатовской республики было в том, что в ней было два органа высшей государственной власти с примерно одинаковой легитимностью. Был всенародно избранный съезд, который по Конституции имел право принять к рассмотрению любой вопрос. И был всенародно избранный Президент, который набрал большинство голосов в первом же туре, и который тоже обладал невероятной легитимностью в глазах народа как лидер нации, разрушитель коммунизма, лидер реформ и так далее. Они начали выяснять между собой вопрос: «Кто же все-таки лидер нации, легитимный парламент с неограниченными полномочиями или легитимный Президент, тоже с неограниченными полномочиями»? Выясняли примерно полтора года. Закончилось это событиями в Москве, когда легитимный Президент расстрелял легитимный парламент.

И вот победитель получил возможность написать такую Конституцию, которую он хотел. Это был любопытный период октября 1993 года, когда победители не имели перед своим лицом никакого соперника. Пожалуй, единственным соперником того времени были региональные лидеры, которые по-своему сдерживали Ельцина и диктовали ему свои правила построения Федерации, но политического противника в Москве в тот период не было. Коммунисты были разгромлены, Верховный Совет был разгромлен, была серьезная возможность запретить вообще компартию, но Ельцин решил разрешить ее и позволил ей участвовать в выборах.

Ельцин стремился решить три задачи. Первая – преодолеть дуализм власти, характерный для третьей республики. Ельцин понимал, что еще раз он этого не переживет, поэтому он стремился сделать так, чтобы никакого дуализма власти не было.

Вторая задача, к которой стремился Ельцин, – получить монополию на проведение социально-экономической политики. Потому что главное впечатление от третьей республики для Ельцина, для Гайдара и для команды осталось то, что любой шаг встречал дикое сопротивление в Верховном Совете и на съезде. И в основном их силы уходили на изнуряющую борьбу друг с другом

И третья задача, которую стремился решить Ельцин, – это собрать страну. Во время третьей республики Россия «де-факто» стала конфедерацией. Достаточно вспомнить федеративный договор марта 1992 года. Субъекты федерации как бы договорились с центром: ладно, так и быть, мы согласны пока тут вместе пожить, в одной стране, но это все на договорной основе.

Все эти три задачи полностью отражены в Конституции, по которой мы живем по сегодняшний день, по Конституции четвертой республики. Для того, чтобы преодолеть дуализм власти, Ельцин все полномочия, которые только возможны, закрепил за собой. Простое, нехитрое решение. Кто назначает премьер-министра? Я назначаю. Кто назначает вице-премьера? Я назначаю. Кто назначает министров? Я назначаю. Кто руководит внешней политикой? Я руковожу. Кто главнокомандующий? Я. Кто руководит МВД? Я, и безопасностью – тоже я. Все практически полномочия он сосредоточил в своих руках.

Что он оставил парламенту? Очень немного. Согласование кандидатуры премьер-министра, трехкратное голосование, но и то, как он оставил? Три раза не согласились, ну и Бог с вами. Я вас распускаю, а сам назначаю. То есть, согласие парламента на кандидата в премьер-министры превратилось в чистую формальность. Причем, еще одна забавная вещь: откройте нашу Конституцию, как вы думаете, если мы три раза отклонили Кириенко, Президент обязан назначать Кириенко, или кого-либо другого? Нет ответа. Теоретически и юридически он может три раза внести Кириенко, распустить парламент, а назначить Черномырдина. Без всяких последствий для себя. Такова Конституция.

Что он еще оставил парламенту? Он оставил парламенту назначение председателя Центрального банка. Это важно. Но я не

думаю, что в 1993 году это казалось ему важным. Это сейчас мы понимаем, как важен Центральный банк. И то, председатель Центрального банка назначается Думой по внесению Президентом. Что еще? Уполномоченный по правам человека? Но что такое тогда было уполномоченный по правам человека и что такое эта должность сейчас? Да ничего. И четвертое, что он дал Государственной Думе, это Счетная палата. Тогда не было ни закона о Счетной палате, ни самой Счетной палаты.

Что было отдано Верхней палате? Верхней палате, Совету Федераций, было отдано гораздо больше. Назначение Генерального прокурора, назначение всех судей Верховного суда, назначение судей Высшего арбитражного суда, вопросы войны и мира, ратификация их, дача согласия на использование вооруженных сил за пределами России и т.д. Но вспомните, в 1993 году Совет Федерации был качественно иным. И в Конституции четвертой республики он тоже заложен качественно иным. Половина представляет исполнительные органы власти субъектов Федерации, половина – законодательные. В конкретном контексте 1993 года, кроме президентов республик, все губернаторы назначались. И, значит, Президент и здесь подстраховался. Он заведомо был уверен, что Совет Федерации будет лоялен Президенту и, значит, в кадровых проблемах и в вопросах о «вето» по законам, принимаемым Нижней палатой, не будет никаких проблем.

Борясь с дуализмом власти и имея горький опыт двух вице-президентств, Янаева и Руцкого, Президент просто взял и ликвидировал пост вице-президента, чтобы не было третьей попытки. Что еще? Хасбулатов, как вы помните, был председателем Верховного Совета. Он был единственным председателем двухпалатного парламента. Ельцин ликвидировал эту практику и записал в Конституции, что палаты Федерального собрания заседают раздельно. Это комплекс 1993 года. Единственный случай, когда мы можем собраться вместе, как арестанты на прогулке, это заслушивание ежегодного послания Президента, и то, оно не обсуждается. Пришли в Кремль, заслушали и разошлись.

Таким образом, через концентрацию всех полномочий в своих руках, через ослабление полномочий Госдумы, через лояльность Верхней палаты, через запрет совместных заседаний, через ликвидацию поста вице-президента, через полный контроль над правительством,

через разделение палат Ельцин создал конструкцию, преодолевающую дуализм власти.

Вторая задача – получить монополию на проведение социально-экономических преобразований. В чем была проблема Ельцина в «третьей республике»? Он говорил: «Мне, понимаешь, не дают работать», (антиреформаторские силы на Съезде и в Верховном Совете). В итоге в России была воспроизведена уникальная схема начала века. Схема конкурирующего законодателя. У нас Президент, по Конституции «четвертой республики», имеет право издавать указы, имеющие силу закона. И парламент, Государственная Дума, имеет право издавать законы, носящие общеобязательный характер.

Тем самым Конституция «четвертой республики» создала уникальную ситуацию двух источников законодательства. Причем, авторы Конституции и сам Президент, рассуждали так; пока Дума соберется, пока изберет председателя, пока изберет комитеты, пока научится работать, мы напринимаем 200 указов, которыми все урегулируем. Дальше, когда Дума начнет принимать законы, мы ее тормозим, через «вето» Совета Федерации и через «вето» Президента. А пока не будет законов, Конституция нам дает право принимать указы. То есть, была логика такая: Думу мы задавим, мы не дадим ей возможности принимать законы, а сами будем регулировать экономику указами Президента. Тем самым Президент через такой хитрый механизм застолбил за собой возможность на монопольное проведение социально-экономической политики.

И, наконец, третье – как Президент решил проблему собирания страны. Здесь ему низкий поклон. Потому что Ельцину удалось в Конституции четвертой республики укрепить федеративное государство. По сравнению с федеративным договором 1992 года это был большой шаг вперед. Там было заявлено: единое экономическое пространство, единое правовое пространство, запрет таможенных границ внутри страны, запрет на вывоз продукции (хотя мы знаем, как это на самом деле происходит, в том числе и в Алтайском крае), равенство субъектов Федерации и т.д. Хотя некоторые рудименты Конфедерации, некоторые элементы асимметричной Федерации сохранились: особый статус республик, особые права, договоры с республиками.

Итак, вот три задачи, вот тот замысел, который закладывался Президентом и его командой в конструкцию ныне действующей четвертой республики. Что произошло дальше?

Первое, выяснилось, что даже те небольшие полномочия, которые получила Государственная Дума и Совет Федерации по кадровым вопросам, позволяют Думе и Совету Федерации оказывать колоссальное воздействие на политический процесс. Например, классический пример – сентябрь 1998 года. Первая попытка проголосовать Черномырдина – провал, вторая попытка проголосовать Черномырдина – провал. Кремль встает перед выбором: или в условиях тяжелейшего экономического кризиса, глубочайшего разочарования нации властью, шока от «дефолта» 17 августа пойти на разгон государственной Думы и на неконтролируемое развитие событий, или пойти на компромисс с парламентом, внося более приемлемую кандидатуру. Давление Думы, давление Совета Федерации закончилось их победой. Была внесена кандидатура Примакова, более приемлемая для обеих палат парламента. То есть, Президент, имея формально возможность назначить «кого хочю», вынужден был назначить того, кого хотело общество и две палаты парламента.

Второй пример – злополучные генеральные прокуроры. Они злополучные в нашей стране потому что, перефразируя Гоголя, редкий генеральный прокурор утверждается Советом Федерации с первой попытки. По крайней мере, единственный случай, наверное, был со Скуратовым, когда его утверждали, а сейчас его снять не могут по той же самой причине, что Совет Федерации проявляет совершенно не ту лояльность, на которую рассчитывали авторы Конституции в 1993 году. И, вообще, после того, как в 1996-97 годах губернаторы были избраны, ситуация в Совете Федераций резко изменилась. Вспомните скандал вокруг реституции, когда Совет Федерации пошел вопреки воле Президента. Посмотрите, как Совет Федерации ведет себя в ситуации с Генеральным прокурором. Посмотрите, как Совет Федерации ведет себя еще во многих случаях. Он давно уже не является тем лояльным органом, на который рассчитывали авторы «четвертой республики» поздней осенью 1993 года.

Еще одна любопытная вещь – конкурирующее законодательство. Я сообщаю вам, что Президент безнадежно проиграл соревнование в области законодательства. На сегодняшний день осталась только одна

крупная сфера правовых взаимоотношений, где до сих пор Госдума не приняла основополагающего законодательства – земельные отношения. Только благодаря тому, что Госдума до сих пор не приняла Земельный кодекс, у Президента пока остается возможность регулировать сферу земельных отношений своими указами.

Все остальное – гражданское право, налоговые отношения, таможенные отношения, внешнеэкономические отношения, вся социальная политика, вся бюджетная политика, отношения собственности, банковское законодательство, законодательство о ценных бумагах, о природных ресурсах и т.д. Все это за прошедшие шесть лет четвертой республики уже урегулировано федеральным законом, принятым Государственной Думой и подписанным самим Президентом.

Я провел специальное исследование динамики принятия нормативных указов и законов. По годам 1994, 1995, 1996, 1997, 1998. Видна очень интересная тенденция: 1994 – гигантское преобладание Президента и его указов. Еще весной 1994 года Президент издавал указы о бюджете Российской Федерации. Вы можете себе такое представить?! Уже со второй половины 1994 года бюджет формируется и утверждается только на основании закона. Еще в 1994 году были десятки указов Президента по налоговым вопросам. В 1995 году это стало невозможным.

Еще в 1995 году были десятки указов по социальным вопросам. Президент повышал пенсии, повышал зарплаты, устанавливал льготы, отменял льготы. Сегодня это уже в принципе невозможно. Все это уже урегулировано федеральным законом. Знаете, сколько нормативных указов, имеющих статус закона, издал Борис Николаевич в 1998 году? Три. А сколько законов общеобязательных приняла Государственная Дума? Двести. Происходит снижение законодательной активности Президента и рост законодательной активности парламента.

Поэтому, Юрий Георгиевич, на Ваш вопрос в связи с суждением Коковцова («Слава Богу, у нас нет парламента») я отвечаю, в Российской Федерации есть парламент. Потому что 99,9% правового регулирования страны осуществляют Государственная Дума и Совет Федерации. За шесть лет существования парламент принял около 2500 тысяч нормативных актов, из которых значительная часть – кодифицированные нормативные акты, гражданский кодекс, уголовный

кодекс, уголовно – процессуальный кодекс. Сейчас мы принимаем новый административный кодекс, налоговый кодекс и т.д., которые кодифицировали и урегулировали основные сферы экономических, правовых взаимоотношений в Российской Федерации.

Таким образом, в этой части Президент получил монополию на проведение социально – экономической политики лишь на очень короткий период, фактически это 1994 год и первая половина 1995 года. Потом он уже вынужден был считаться с парламентом и не мог проводить политику без парламента.

Я проиллюстрирую могущество парламента некоторыми примерами. Я уже показал это на политических примерах, на истории с Черномырдиным и Скуратовым, теперь покажу на экономических примерах. Правительство Кириенко в апреле-мае прошлого года пыталось получить кредит МВФ, МВФ поставило условие – проведите проект законов через парламента, тогда дадим кредит. Кириенко не проводит проект законов через парламента, МВФ в последний раз дает кредит, поверив на слово, 17 августа происходит «дефолт». Приходит Примаков. Примаков приходит под лозунгом: «Долой МВФ, хватит нам падать в ноги, хватит нам кланяться, хватит нам идти на поводу». Проходит три месяца, Примаков приходит в Государственную Думу и говорит: «Примите, пожалуйста, пакет законов, согласованных с МВФ, потому что иначе нам не дадут кредитов». Государственная Дума ждет этот пакет, в декабре он поступает, мы начинаем над ним работать, в марте снимают Примакова.

Первое, что делает Степашин – приходит в Государственную Думу и говорит: «Вот тут Евгений Максимович в январе-феврале внес пакет, согласованный с МВФ, вы его, пожалуйста, примите, я в нем не буду менять ни одной запятой». В апреле, мае, июне Государственная Дума принимает этот пакет из 30 законов. А 29 июля 1999 года МВФ принимает решение – выделить кредит. Наши средства массовой информации говорят: «великий успех правительства Степашина». А я, как профессионал, говорю: «Причем здесь правительство Степашина»? Этот самый пакет был внесен еще Кириенко год назад, потом в чуть-чуть переработанном виде подтвержден Примаковым, потом Степашиным. Получило кредит правительство Степашина, а могло получить другое.

Этот пример с пакетом антикризисных законов показывает, что в современной России невозможно никакому правительству и никакому президенту проведение самостоятельной социально-экономической политики без поддержки Государственной Думы. Я это утверждаю, невозможно, кто бы ни был Президентом, кто бы ни был премьер-министром. Можно создавать правительство технократов, можно создавать правительство коммунистов, можно создавать коалиционное правительство, но без поддержки парламента невозможно. Потому что вы не измените ни на копейку ни один налог, ни пенсию, ни таможенный тариф, ничего вы не измените без принятия соответствующего закона.

Система, которая сложилась в «четвертой республике», со временем показала свою высокую абсурдность. Абсурдность ее заключается, прежде всего, в том, что парламент, который заведомо конструировался как слабый и безответственный, со временем, в жестокой борьбе с Президентом и правительством, набрал колоссальное могущество. С другой стороны, в силу того, что парламент не формирует правительство, он не обязан этому правительству ничем.

Парламент может, в принципе, не поддерживать его вовсе. Все это приводит к тому, что правительство, кто бы его ни возглавлял, Черномырдин, Кириенко, Примаков, или Степашин, является самым слабым звеном в системе власти четвертой республики. Если правительство слишком начинает дружить с оппозиционным парламентом, это вызывает раздражение у Президента и кончается отставкой (Примаков). Если правительство слишком игнорирует парламент и слишком любит Президента (как правительство Кириенко), это тоже кончается плохо, потому что парламент отказывается поддерживать такое правительство и принимать необходимые для него законы, это тоже кончается «дефолтом» и отставкой правительства.

Если правительство начинает проводить равноудаленную политику, как сейчас пытается проводить Сергей Владимирович Степашин, это вызывает раздражение с обеих сторон. И разговор идет по типу: «так ты, парень, определяйся, с кем ты». Таким образом, по конструкции четвертой республики правительство оказывается между молотом и наковальней. Любишь одних, получаешь удар от другого. Слишком приближаешься к другому, получаешь удар от первого.

В этом смысле, правительство – всегда первая жертва любого политического кризиса. «Четвертая республика» к завершению 6-го года своего существования выявила очень интересную вещь. Мы имеем политически безответственный, но очень могущественный парламент. Мы имеем политически беспомощное и очень слабое правительство. Мы имеем политически могучего Президента, который ничего не может сделать, потому что все его полномочия оказываются бессмысленными. Все его пушки, ракеты, танки и гаубицы, которыми он себя вооружил осенью 1993 года, оказываются ненужными в этой войне. Они не позволяют ему решать проблемы, встающие перед страной.

Поэтому сейчас, на мой взгляд, на повестке дня стоит один ключевой вопрос, – вопрос глубокой реформы четвертой республики, реформы ее системы власти. Или это будет четвертая республика, но реформированная, или это будет пятая Российская республика. Но, тем не менее, мы сейчас стоим перед неизбежностью глубокой реформы. Мы должны повысить политическую ответственность парламента, иначе его могущество уже начинает играть опасную роль. Мы должны повысить самостоятельность и устойчивость правительства, иначе его слабость, неустойчивость, постоянная кадровая чехарда тоже становятся опасными для нашей страны. Мы должны ограничить полномочия Президента, потому что его вооруженность до зубов при невозможности что – либо изменить по существу тоже становится опасной для страны.

Может, это будет нескромно выглядеть, тем не менее, это правда, 2-3 года назад я сформулировал программу реформирования четвертой республики, заявив о том, что в будущей России правительство должно опираться на парламентское большинство (либо на партию парламентского большинства, либо на коалицию парламентского большинства). Меня очень радует, что сегодня все больше и больше игроков российской политики разделяют эту точку зрения. В частности, об этом заявил уже Примаков, что он разделяет идею большей опоры на парламентское большинство. «Вся Россия» устами своих лидеров Шаймиева и Олега Морозова постоянно поддерживает и развивает этот тезис.

Я полагаю, что у нас есть все возможности по итогам парламентских и президентских выборов ограничить полномочия Президента. Даже не обязательно для этого вносить изменения в Конституцию, текстовые изменения, хотя лучше их внести. Достаточно

изменить политическую практику. Так же, как в пятой Французской республике, можно при том же самом тексте довольно существенно поменять баланс властей и правила политической игры в рамках нашего государства. Я очень рассчитываю на то, что в оставшиеся полгода до парламентских выборов и в оставшийся год до президентских выборов мы будем продолжать эту общественную дискуссию. И мы придем к тому, что в следующей российской модели власти Президент, я считаю эту модель оптимальной, сохранится как глава государства, гарант прав человека, безопасности и правового порядка, как человек, контролирующий вопросы внешней политики, обороны, безопасности и правопорядка. Как человек, который в условиях политических кризисов имеет право распустить парламент, назначить досрочные парламентские выборы и даже назначить техническое правительство до парламентских выборов. Но при этом социально-экономическая политика, реформы, должны быть отданы в руки парламента и правительства. Правительство должно формироваться с опорой на парламентское большинство. Партии парламентского большинства должны отвечать за работу правительства перед избирателями, политически отвечать, а правительство должно отвечать перед этими партиями парламентского большинства.

И последнее, на чем я хочу закончить. Это партийная проблема. За 6 лет существования четвертой республики у нас создалась очень своеобразная партийная система. У нас получили приоритет партии, работающие по принципу театральных трупп, или шоу-групп. Так как парламент безответственен и при этом могущественен, то главная мотивация для любой парламентской партии – популярность, популярность и ничего, кроме популярности. Поэтому у нас, если говорить о парламентских партиях, существуют две наиболее театрализованные постановки – это «Яблоко» и ЛДПР. Это партии, которые не имеют внятной идеологии, не имеют никакой программы, я вас уверяю, никаких устойчивых взглядов. Они действуют исключительно конъюнктурно в каждой ситуации. Популярен Ельцин – поддерживаем Ельцина, не популярен Ельцин – голосуем за импичмент. Популярен повышение пенсий, даже если нет денег на это, голосуем за повышение.

Я описываю реальную модель поведения «Яблока» и ЛДПР в Государственной Думе. Но, главное – красивое шоу, хорошая постановка

театральная. Зрителям должно быть весело, должно нравиться, должно быть необычно, ярко и т.д. Две классические театральные труппы, ЛДПР и «Яблоко», абсолютно не состоялись бы, если бы в России была иная модель власти. Модель, когда партия формирует правительство и несет ответственность за правительственный курс. В этих условиях партии как театральные труппы невозможны, потому что это совершенно другой стиль, стиль ответственной конструктивной политики.

Коммунисты – это отдельный разговор. Коммунисты – это, конечно, не театральная труппа, это не театр миниатюр. Коммунисты – это целый сегмент нашего общества, который ностальгирует по Советскому режиму и который составляет закрытую часть общества с совершенно своими представлениями о том, что такое капитализм, коммунизм, собственность, приватизация, земля. У них свой мир, поэтому они не нуждаются в театральной постановке. Главный смысл существования – это сохранение того, что есть.

НДР в этом смысле была прообразом немецкой партии. Партии, ответственной за то, что она говорит и делает. Мы действительно, я это говорю совершенно честно, за четыре года ни разу не поддались на популизм. Так же, как и ДВР в прошлом парламенте, мы четыре года ни разу не голосовали ни за один популистский закон. Мы не поддерживали крайности. Мы не занимались театральными постановками. Поэтому мы так непопулярны. Народ требует зрелищ, он говорит: «Да, вы ни за что не отвечаете, но хоть зрелища нам дайте». А мы пытались играть роль ответственной парламентской партии.

Сейчас мы находимся на переломе от «четвертой» к «пятой» парламентской республике. Пока модель власти не изменена, и мы будем избирать тот самый парламент, где требуются театральные постановки. И может получиться такое противоречие, что мы создадим парламент, где будут преобладать шоу – группы, а через полгода жизнь востребует ответственный парламент. Тогда этим шоу – группам придется брать на себя ответственность за формирование правительства. Как разрешить эту проблему, как осуществить этот переход, я пока не знаю.

Но я хотел бы, чтобы мы вместе над этим задумались. И я бы очень хотел, чтобы в парламент попали те партии, которые в состоянии взять на себя ответственность за реальный курс, экономический и

социальный. Если партия берет на себя ответственность, она не может делать только то, что нравится, она должна делать все, что нужно для нации, все, что нужно для страны.

Поэтому, завершая свое выступление, я хочу сказать, что парламентаризм в России существует. За XX век мы, пройдя через трагедии, потрясения, через Советскую систему, через ГУЛАГ и все остальное, тем не менее, шли вперед по направлению к демократии и парламентаризму. Сейчас у нас уже есть 6 лет парламентаризма, 6 лет в рамках четвертой республики. Мы накопили огромный опыт, мы накопили опыт парламентской процедуры, парламентских дебатов. Юрий Георгиевич говорил, что парламент – это говорильня. Да, но какая говорильня! Это же театр, прекрасный театр, где играют прекрасные актеры! Это само по себе зрелище, и это тоже важный опыт. Мы накопили опыт партийной борьбы, столкновений, принятия законов, процедуры.

Сейчас мы нуждаемся в переходе на качественно новую ступень. На ступень такого государства, где будет политически ответственный парламент, политически стабильная и ответственная исполнительная власть и политически ответственная, сбалансированная роль главы государства – Президента. Я очень надеюсь, что мы в течение ближайшего года переживем или начнем эту трансформацию. Но как мы ее пройдем, какие формы примет пятая Российская республика, какие формы примет парламентаризм, какие формы примет правительственная власть, какие формы примет президентская власть? Это зависит от меня, от Чернышова, во многом от Бунина и во многом, во многом от каждого из нас.

Вопросы и выступления

Герасимов А.С. – Один из законов, который я вывел для себя, созерцая нашу грешную жизнь, гласит: «Всякий пуп земли в России стремится к полному опупению». Поэтому я являюсь сторонником парламентской республики. Я с удовольствием выслушал Владимира Александровича, его похвальное слово парламентаризму, но я с трудом могу себе представить, что Ельцин сам придумал и написал эту Конституцию. Кто же были те серые кардиналы, которые помогали ему? И вопрос второй. Как Вы сегодня оцениваете свою роль в активной поддержке нынешней Конституции?

Рыжков В.А. – Я специально изучал вопрос, но здесь есть люди более компетентные в этом вопросе. Здесь есть Владимир Федорович Райфикешт, с которым мы работали в тот период. Он знает, как этот делалось. Есть Николай Михайлович Шуба, который был тогда депутатом Съезда народных депутатов. Вот он бы смог рассказать, что такое третья республика, гораздо лучше, чем я.

Шуба Н.М. – Мы много тогда напринали, теперь разобраться не можем.

Рыжков В.А. – Да, да. Вот Николай Михайлович Шуба, Лев Александрович Коршунов, тоже депутат Съезда народных депутатов, Владимир Федорович Райфикешт – вот три парламентария третьей республики. Депутаты Съезда народных депутатов, которые принимали Декларацию 12 июня, которые принимали отмену 6-й статьи Конституции, которые проводили референдум о введении поста Президента. Это наша живая история, и здесь есть люди, которые ее творили и творят до сегодняшнего дня.

Кто писал Конституцию «четвертой республики»? Это известный факт. Там было три участника. Во-первых, писали юристы, и благодаря этому мы имеем довольно приличный текст. Не все политики успели испортить, там есть блестящие разделы по судебной системе и т.д. Это, прежде всего, по-моему, Сергей Алексеев писал, доктор наук, который является крупнейшим специалистом по конституционному праву. И, конечно же, он внес огромный позитивный вклад в этот текст. Все лучшее там – от юристов, все худшее – от политиков.

Второй автор Конституции – это сам Борис Николаевич и его ближайшие помощники: Шахрай, Котенков и другие. Вот от них идет ликвидация поста вице-президента, раздельное заседание палат, ограничение полномочий парламента, расширение полномочий Президента и т.д. Это те люди, которые непосредственно находились под впечатлением от событий октября-ноября 1993 года и внесли с Ельциным рефлексировали. Вообще, если Конституцию читать через эту призму – это Агата Кристи, это роман. Потому что в юридических формулировках видна кровь 1993 года и видны живые люди, которые это записали. Фраза: «Палаты заседают раздельно» – не имеет юридического содержания. Это исключительно личностная запись людей, ушибленных событиями 1993 года. Или, например, такая вещь: в переходных статьях Конституции записано, что министры

правительства могут быть одновременно депутатами первого состава Думы. Чисто личностная запись: Гайдара, Чубайса, Шахрая, Шохина. Там было пять-шесть человек, которые были министрами, и одновременно хотели быть депутатами. Так и записали – «хотим быть депутатами». То есть, документ проникнут страстями конкретных, живых людей. Так же как Американская Конституция проникнута страстями «отцов основателей», и там любой специалист Вам может показать руку Джефферсона и т.д.

И третий автор Конституции – политические партии. Был такой период, была создана Конституционная комиссия, собирались и политические партии, авторы нашей избирательной системы. Ельцину было глубоко наплевать, какая будет избирательная система: мажоритарная в два тура, чисто пропорциональная, смешанная. А вот тогдашним московским демократическим партиям было далеко не безразлично, какая будет избирательная система. Они сели и спросили себя: «Как нам лучше всего? – Давай сделаем так: пусть половина депутатов избирается по спискам, мы-то все будем в этих списках», – рассуждали они, – «а вторую половину пускай люди выбирают на местах».

Что касается моей личной ответственности, то я не стал бы ее преувеличивать, так же как ответственность Владимира Федоровича Райфикешта, Шубы Николая Михайловича и Льва Александровича Коршунова. Мы, конечно, участвовали в этом, но на региональном уровне. Так же как и Вы, Алексей Сергеевич. И мы не можем считать себя непосредственными участниками. Я думаю, что все-таки взгляд «отсюда» сильно отличался от взгляда тех людей, которые были в Москве и это дело творили. Я считал тогда и сейчас считаю, что Конституция «четвертой республики» – огромный шаг вперед по сравнению с тем, что у нас было в третьей республике, по сравнению с конфронтацией Съезда и Президента, по сравнению с распадом России на фактически конфедеративные куски. Это огромный шаг вперед.

Давайте скажем прямо, что мы спасли государство в тот период. Мы его стабилизировали, стабилизировали власть, стабилизировали федеративные отношения. Сегодня это уже тормоз. Сегодня надо идти дальше, извлекая уроки из опыта последних 6 лет. Поэтому, я не думаю, что мы сильно кривили душой, когда поддерживали Конституцию.

Но сегодня нужно идти вперед, как идет любая нация. Поправки к своей Конституции принимали и немцы, и американцы, и французы. Если общество требует перемен, если ситуация требует перемен, надо не бояться их и идти вперед. Надо при этом быть прагматичными, сильными, разумными, конструктивными. Не надо ничего бояться.

Козулин В.Н. – Как вы оцениваете имидж нынешней Государственной Думы, созданный в СМИ и общественном мнении, насколько он соответствует реальности?

Рыжков В.А. – Я так понимаю, что имидж нынешней Думы следующий: дерутся, ругаются матом, голосуют друг за друга, безответственные, популисты, привилегии... Значит, все это правда, все до единого пункта. Деремся, безответственные, популисты и приняли закон о привилегиях. Хотя я сам лично голосовал против, но это факт. В то же самое время, другая сторона – 2500 законов, при этом есть законы, о которых в принципе нельзя подумать, что их приняла нынешняя Дума. Например, Гражданский кодекс, который дает гарантии частной собственности в России, широчайшие, полнейшие гарантии. Налоговый кодекс и т.д. и т.п., закон о приватизации, закон о банкротстве. Таким образом, есть две стороны: есть страшное лицо, есть светлое лицо. Проблема заключается в том, что сегодня эти два лица вошли в неразрешимое противоречие. Каким путем пойдет российский парламент? Либо путем все большей безответственности, либо путем все большей ответственности. Сделать его более ответственным, я убежден, можно только в одном случае, вменив ему в обязанность формирование исполнительной власти, поручив ответственность за все, что происходит в стране, в социально-экономической области. Тогда популизма, мата, драки будет меньше, а конструктива, ответственности и серьезности будет больше. Я смотрю на своих коллег депутатов и считаю, что сегодня мы готовы к более ответственному поведению, чем раньше.

Вопрос в письменном виде. Каково Ваше отношение к 5% барьеру?

Рыжков В.А. – Я положительно отношусь к 5% барьеру. Я считаю, что благодаря этому общество у нас побуждается к укрупнению партийной системы. Мы должны сохранить его на всю ближайшую перспективу. Это позволит нам, при условии, если мы начнем формировать правительство с опорой на большинство, получить реальную 4-5-ти-партийную систему, скажем, как в Германии или во

Франции, и реально структурировать наше политическое пространство на современной основе. Я с ужасом представляю, если бы не было этого барьера, что собой представляла бы Государственная Дума: 12-15 амбициозных, вечно грызущихся фракций, из которых половина ничем не отличается друг от друга, кроме как физиономиями своих лидеров.

Бунин И.М. – Как историк российского парламентаризма, расскажу один эпизод, который мало кто знает. Я не писал Конституцию, никоим образом не участвовал в этом процессе, ни я, ни мои друзья. Но сразу после событий 3 – 4 октября в фонде Горбачева собрались Салмин, Урнов, Капелюшников и Бунин и разговаривали друг с другом. Оказывается, власть после столь блестящей победы была абсолютно деморализована, она просто не знала, что делать, она не представляла, какой должен быть следующий шаг. Я вспомнил, что делала в таких случаях Франция, она просто на референдум отправляла Конституцию. Мы сказали: «надо срочно на референдуме принимать Конституцию». Марк Урнов пришел к Саше Лившицу, поскольку никаких связей с государственной властью тогда не было, и сказал: «срочно надо готовить Конституцию и отправлять ее на референдум». На следующий день, осознав, что власть полностью делегитимизирована, они приняли единственно возможное решение, подготовить Конституцию, и она просто была отправлена на референдум. Таким образом, власть восстановила свою легитимность. Я думаю, что к этому пришли бы в любом случае, невозможно было бы не придти, другого выхода не было. Могли придти через неделю, когда некий темп был бы потерян. Это так, в качестве анекдота.

И второе, по поводу проблемы. На самом деле в блестящем эссе, которое сделал Володя, есть одно очень сложное противоречие: ведь парламентские и президентские выборы подчиняются совершенно разной логике. Президентские выборы для россиян – это всегда выборы своей судьбы. Известно, что в такие судьбоносные периоды за власть, за реформы голосуют больше 50% (52-58, по разным подсчетам, против 34-43%). Парламентские выборы – это психологически другой тип выборов, когда люди могут позволить себе всяческую оппозиционность. На парламентских выборах соотношение совершенно другое, ядерный электорат и соотношение 40 против 27%. Поэтому в любом случае, по логике самих выборов, парламент всегда будет более оппозиционным к реформам, чем президент. Это первое.

Второе: выборы идут по смешанной системе. Это имеет тоже некоторую политологическую логику. Она очень простая. На самом деле, когда мы делаем список, когда мы голосуем за список, мы предоставляем право лидеру списка полностью контролировать весь процесс. Он тут же дистанцируется, сначала от собственных избирателей, потом от депутатов. Мы вступаем в систему постоянного сговора партийных лидеров с властью. Это и хорошо, кстати. Наряду с театрализованностью у Жириновского существует тот же самый сговор. Это просто позволяет договариваться разным группам и в конце концов проводить те же самые 2500 законов. Иначе бы они просто не прошли, если бы не было этой олигархической системы отрыва от избирателей и потом от депутатов (с установлением контроля над этими депутатами). Поэтому, на самом деле, очень правильная мысль, что дело не в Конституции, не в тексте, дело в практике. И когда в 1986 году Миттеран встал перед этой проблемой, когда он потерял власть над парламентом, он не контролировал уже парламент, он просто пошел на существование, на coexistence, изменив, тем самым, систему взаимодействия. Такой Президент, как Ельцин, изменить взаимодействие с парламентом может только в конфронтации, такой конфронтации, которая была в сентябре 1998 года. Думаю, что Президент другого типа, скажем, Примаков, может на практике изменить взаимодействие с парламентом и на практике установить новый тип отношений между парламентской и президентской республикой.

Рыжков В.А. – Спасибо, Игорь Михайлович за дополнение. Две реплики по поводу Вашего выступления. Во-первых, это замечательная картинка: власть, разгромив врага, действительно не знала, что ей делать дальше. Политологи, которые просто хорошо знают мировую практику, подсказали: «ребята, что вы сидите, быстрее пишите Конституцию, выносите на референдум, а то будет поздно». Действительно, непонятно, как бы дальше пошли события.

Потому что в условиях гораздо менее жесткого кризиса 1958 года, когда Де Голль был вызван со своей дачи для спасения французской нации, была точно такая же ситуация: быстро написали Конституцию 5-ой республики, быстро провели референдум – 80% проголосовало, и с тех пор они живут по этой Конституции уже сорок с лишним лет.

Что же касается противоречия – да, действительно, для основной массы нашего народа выборы Президента – это по-прежнему психологически выборы царя. Причем наш народ интуитивно понимает, что Дума – это хорошо, что она должна быть, что без нее будет хуже, страшно, – нельзя одному отдавать все в руки. Но в то же время народ психологически не воспринимает, что Дума – это что-то действительно центральное. Как, скажем, Бундестаг в Германии, где каждый немец знает, что, Президент – это хорошо, конечно, это уважаемый человек, но реальная власть выбирается на выборах Бундестага.

А во Франции правые с левыми научились сосуществовать. Там все-таки нация понимает, что парламентские выборы – это ключевой момент, что парламентские выборы – это, фактически, выборы правительства. У нас такой практики нет. За всю нашу тысячелетнюю историю никогда выборы парламента не означали реально выборы правительства. И именно в этом, я еще раз повторю и себя, и Игоря Михайловича, именно в этом парадокс декабрьских выборов: мы по-прежнему выбираем всего лишь Думу, но может так оказаться, что через полгода эта Дума начнет формировать правительство. И неосознание этого факта – главное противоречие этих выборов, потому что кандидаты в Президенты, по крайней мере, некоторые из них – Степашин, Примаков, уже готовы к этому. Значительная часть «Яблока» (хотя Явлинский и не будет Президентом) тоже готова к этому. Лужков пока молчит. Мы не знаем взгляды Лужкова на этот предмет. Но не исключено, что он через месяц-полтора вынужден будет сказать: «Да, если я стану Президентом, я ограничу свои полномочия и отдам правительство парламенту».

Что мы в этом случае будем делать, если мы выберем опять театральные труппы по принципу оппозиционности, а через полгода эти театральные труппы, по принципу оппозиционности сформированные, будут формировать правительство? Я этот вопрос оставляю для обсуждения и надеюсь, что Игорь Михайлович, когда сегодня будет выступать со своим докладом, попытается дать свой ответ. И, я думаю, нам очень интересно будет послушать и наших немецких коллег, потому что у них – чисто парламентская модель, и важно будет послушать их мнение.

Шульце П.
РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И СРАВНЕНИЕ ЕЕ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ ГЕРМАНИИ¹

Большое спасибо за приглашение на очередную конференцию в Барнаул. Это уже стало хорошей традицией, а хорошие традиции надо продолжать. Я хотел бы сконцентрироваться на роли определенного посредника после такого страстного и познавательного доклада господина Рыжкова и перед тем, что последует в докладе моего коллеги господина Лёше из Геттингена. Может быть, выполнить роль преобразователя между двумя мирами. Между тем, что я наблюдаю в политическом развитии России с 1993 года, и тем, что мы можем наблюдать в условиях образования демократии и парламентаризма в Германии, начиная с 1949 года.

Однако прежде, чем я начну свое выступление, я хотел бы сделать два предварительных замечания. Я не знаю, читали ли Вы достаточно провокационную статью в «Независимой газете», которая была опубликована около двух недель назад. Мы, как Фонд Фридриха Эберта, были обвинены в том, что вмешиваемся во внутреннюю политику России, в предвыборную борьбу и с помощью «Яблока» пытаемся контролировать политические процессы в России. Я могу дать ответ на эту статью следующим образом. У нас есть другие проблемы. И такие глупости мы бы никогда себе не простили, если бы думали в этом направлении. Если Вы посмотрите на традицию того, что мы делаем в течение последних 6-ти лет, с того времени, когда я возглавил представительство фонда в Москве, то в этой статье лишь одно может быть правильное – мы способствуем развитию активного диалога. И я считаю, что этот диалог имеет крайне важное значение, так как в Европе сегодня ситуация развивается не в рамках национального государства и не в рамках национальной политики, а в других, несколько иных рамках.

И второе замечание, которое я хотел бы сделать. Я думаю, что мы должны бы на Западе воздержаться от того, чтобы, используя определенные теории и делая определенные высказывания, применять

---

¹ Перевод выступлений немецких ученых был выполнен С. Виноградовым и Р. Кокаревым (г. Москва).

эти теории применительно к российской практике. Многие из наших теорий и категорий, которыми мы пользуемся у себя дома, или не могут быть в прямом виде перенесены на российскую реальность, или в ходе научной и политической дискуссии не воспринимаются в России (или воспринимаются несколько иначе).

У нас достаточно негативный и достаточно сложный опыт общения с общественными феноменами, которые возникли в России. Например, когда мы проводили исследования российской функциональной элиты, первоначально было трудно вообще дать определение понятию «элита», были огромные разногласия и разночтения в том, что мы понимаем под этим понятием «элита» и что понимается под этим в России. Даже в таких вопросах, как идентичность, самоидентификация, были сложности. Мы имеем совершенно иной исторический, культурный, общественный контекст и отражаем этот контекст в каталоге вопросов, в отличие от того, что имеется с вашей стороны. Здесь мы научились тому, чтобы подходить осторожно к этим вопросам. Поэтому высказывания, которые делаются интеллектуалами, экспертами, которых мы пытаемся пригласить в Россию, для того, чтобы интенсифицировать обмен мнениями и опытом, эти высказывания должны восприниматься, как определенные стимулы к размышлению, а не как готовый инструмент решения тех конкретных проблем, с которыми вы сталкиваетесь в России. Я лично, например, считаю по итогам анализа и наблюдения политических и общественных процессов, которые развивались здесь, начиная с «перестройки», что в России формируется своеобразное политическое и общественное устройство.

Оно в своих структурах, в своих процедурах значительно отличается от того, что мы имеем в Западной Европе. Оно основывается на других источниках, в отличие от центрально-европейских общественных образцов, которые существуют в Германии, Голландии, Швейцарии, Англии, Австрии. Это несколько странный, своеобразный тип общественных структур, которые, с одной стороны, пользуются корпоративизмом, как одним из элементов Азиатско-Тихоокеанского пространства, пользуются возможностями Южноамериканских образцов, может быть, даже не сознательно пользуются, например, в сфере партийного устройства, партийных систем, руководства партийными структурами, роли государства в обществе.

Здесь мы абсолютно беспомощны, хотя мы пытаемся работать с моделями. Зачастую мы можем лишь объяснять недостатки и необходимость того, что мы хотели бы видеть. Так, например, понятие «гражданское общество», которое обсуждается здесь, я считаю, заводит нас в тупик по нескольким причинам. Я бы не хотел углубляться в рассмотрение этих причин, но само понятие «партия», которое мы используем, для российского контекста тоже, так сказать, сбивчиво.

Таким образом, я подошел к теме своего доклада. Я хотел бы кратко представить свои тезисы. Историки знают об этой дискуссии. В условиях возникновения российской демократии после 1991 – 1993 годов постоянно возникало сравнение с Веймарской республикой, и в последнее время существует сравнение с образованием ФРГ после 1949 года. Я считаю, что оба этих сравнения на уровне проявления имеют определенное основание, но, однако, ни Веймарская республика в Германии, ни развитие событий после 1949 года не могут быть непосредственно отождествлены с тем, что происходит в вашем обществе. Различия слишком велики. Я хотел бы продемонстрировать это на некоторых конкретных примерах, а затем перейти к тому, как я расцениваю развитие событий в России с 1993 года.

Если проанализировать развитие Веймарской республики с 1919-1920 до 1932-1933 годов и рассмотреть первый период существования России после 1993 года, то на поверхности мы имеем дело с аналогичными проявлениями. Оба общества появились в результате системного кризиса, развала предыдущих политических систем, оба общества структурированы и характеризуются глубочайшим экономическим кризисом, в обоих обществах большая часть населения подвержена огромным экономическим и социальным лишениям. И здесь, пожалуй, возможности для сравнения исчерпываются, по крайней мере, с Веймарской республикой.

В Веймарской республике мы никогда не имели дела с согласием правящей элиты, с новым развитием. В то время, как в период развития «перестройки» для создания нового демократического общества в России носителем этого процесса выступала сама элита. Под элитой мы подразумеваем функциональную элиту государства, политическую, административную и экономическую элиту государства, в крайне узких рамках ее функционирования. Нормативная элита, политическая элита была против новой динамики, против парламентского развития, по

крайней мере, большая часть этой элиты. В России она выступает в поддержку. И в этом состоит большое противоречие.

Аналогии не существует и в рамочных, общих условиях, в рамках, в которых развивается весь этот процесс. Веймарская республика развивалась в условиях европейской системы государств, и эта система характеризовалась, прежде всего, национальными интересами. Подходы, международные механизмы не существовали, или через небольшой промежуток времени прекратили свое функционирование. Таким образом, не существовало поддержки демократического, парламентского развития, или поддержки в создании «гражданского общества». Эти факторы не способствовали такому развитию Веймарской республики.

В России в начале 1990-х годов этой ситуации не существовало. У нас была совершенно иная ситуация. Здесь я подхожу к переходу, я хочу тезисно представить то, где существует гораздо больше аналогий: развитие Германии после 1949 года. Развитие Германии после 1949 года – это ситуация более адекватная к ситуации российской после 1991 года. Например, возьмем внешние, рамочные условия. В обоих случаях происходит процесс демократического преобразования общества, в отличие от Веймарской республики в 1920-е годы, развитие осуществляется не только за счет национальных, государственных критериев, а этот процесс сопровождается и благоприятными внешними условиями. В начале существования ФРГ был контроль союзников, который закончился лишь вследствие объединения Германии, в 1990 году. Союзники заставили провести политику демилитаризации, затем ремилитаризации, но уже в условиях международного контроля, в рамках НАТО. Никогда не существовало национальной немецкой армии, и до настоящего момента нет такой национальной немецкой армии. Союзники заставили и сделали Германию не способной вести самостоятельно войну. В этом состоял смысл договоров, заключенных в Риме.

В этом состоял смысл соглашения об угле и стали. Предпосылками для ведения войны является тяжелая промышленность, а эта промышленность основывалась в то время на угле и стали. Было сделано так, что отсутствовали какие-либо предпосылки для создания собственной военной промышленности. Таким образом, Германия была не в состоянии вести новую войну. Это происходило в условиях

жесткого международного контроля после 1949 года. Германия была введена сначала на предстadium вступления в Европейское мировое сообщество, затем стала членом Европейского мирового сообщества, затем последовало заключение Римских договоров 1958 года. Затем Европейское сообщество стало таким, каким мы его сегодня знаем – Европейский союз. Происходили интернационализация, процесс демократического развития, процессы социально – экономического развития в Германии после 1949 года.

С одной стороны, военные структуры Германии были интегрированы в рамки международных военных организаций, в НАТО, затем в меньшую организацию – Западноевропейский Союз, а экономические и социальные и политические структуры были интегрированы в развивающийся процесс европейской интеграции. Сюда же следует причислить и третий элемент, так называемый «кик старт» экономического развития в Германии. Инициатором этого развития стали международные структуры, реализация «плана Маршалла» и фонд Маршалла, соответствующие структуры были созданы в Германии.

Вот такая была ситуация. Она не может быть перенесена на то, что происходит в России. Но существуют определенные аналогии в области международного мониторинга того, что происходило в экономическом и социальном процессе реконструкции России. И это включая, в том числе, контроль и мониторинг общественных и политических процессов в России. Нельзя рассматривать МВФ и не следует рассматривать МВФ лишь в негативном контексте. Мы знаем, что у МВФ большие проблемы, эти проблемы привели и к возникновению проблем в России. Потому что в России проводилась очень недальновидная политика, основанная, в большей мере, на монетарном развитии. С другой стороны, эта односторонняя финансовая политика привела к противоречию.

В конечном итоге, за счет этого новая финансово-экономическая элита ориентировалась на факторы, обеспечивающие стабилизацию, которая сегодня повсюду требуется в мире. Критерии конвергенции, критерии стабильности, то есть снижение уровня инфляции, стабильная валюта, сокращение государственной задолженности и т.д. и т.п. То есть, здесь существуют определенные рамочные условия для развития рыночной демократии. В экономической и финансово-экономической

сфере на это оказывалось влияние со стороны международных финансовых организаций, аналогичное тому, что мы имели в Германии, начиная с 1949 года. Здесь существуют определенные аналогии, может быть на совершенно ином качественном уровне, в совершенно иной исторической обстановке, но имеются определенные аналогии.

И я считаю, что воздействие международных факторов, как в данном случае с Германией, воздействие этих факторов нельзя расценивать лишь негативно. Кроме этого, в сфере безопасности также существует интенсивная попытка не интеграции, не вступления в международные структуры, учитывая размеры России и традицию России – это сложно реализуемый процесс. Но, тем не менее, существуют подходы, которые обеспечивали бы существующие образцы мышления в сфере безопасности и интернационализации. Это сложные вопросы, которые сейчас обсуждаются в связи с созданием, расширением НАТО на Восток, созданием совета по сотрудничеству и консультационного совета между Россией и НАТО. Это договорная дипломатия, которая успешно развивается в Вене и т.д. Здесь мы имеем дело также с менее выраженными подходами, но, тем не менее, это подходы, которые позволили бы внешнеполитическую ориентацию интернационализировать, адаптировать к международным, существующим, или возникающим международным рамкам, в которых существуют международные организации.

Таким образом, то развитие, которое мы наблюдаем с 1991-1993 годов, это развитие похоже на то, что мы имели в Германии после 1949 года. Здесь гораздо больше сходства, чем с Веймарской республикой, в рамках которой не существовало таких международных механизмов сопровождения данного процесса, что принципиально различно. Я думаю, здесь надо применять определенную осторожность, проводя сравнение. Это общественные условия. В России, в том числе в новой России, не существовало буржуазии. Общественное развитие в Германии могло опираться на гражданское буржуазное общество, которое возникло в рамках процесса индустриализации, в условиях монархии в середине XIX века. В условиях Веймарской республики это общество испытало свое развитие, может быть в крайне поляризованных формах, и такая динамика была прервана в условия фашизма с 1933 по 1945 год.

То, что мы видим в Германии в 1949 году, – это дифференцированное гражданское общество, которое предприняло новое начало в своем развитии, которое создало институты под руководством и при консультировании международных институтов, для того, чтобы создать принципиально новое германское общество. Это коренным образом отличается от того, что мы видим в России. У вас нет гражданского общества, у вас нет ярко выраженных групп гражданского общества. Начиная с 1991-1993 года, эти структуры должны были появиться в рамках достаточно сложного процесса. Вы знаете достаточно негативные понятия «новый русский», «олигарх», «мафиозные структуры». Это приводит к дискриминации любой экономической активности. Может быть, это приводит, в конечном итоге, к возникновению организованной преступности. Но, тем не менее, это было негативно окрашенное понятие, а не динамический процесс, который родился в условиях смутного периода 1991-1993 годов. Развитие такого общественного, экономического носителя, таких агентов гражданского класса, гражданского общества начинается с 1990-х годов. В Германии в 1949 году такой класс уже существовал.

Существует еще второе очень серьезное структурное различие, которое крайне важно и которое разделяет наши пути развития и делает их отличными друг от друга. У нас всегда существовало государство. В России не было государства, как такового, начиная с 1917 года. Может, вас сейчас удивит мое высказывание. У вас было государство, но это государство, за 70 лет своего существования, коммунистической ориентации, это государство имело одну главную функцию. Это функция репрессий. Государство не было тем, что мы обычно подразумеваем под этим, и я хотел бы сейчас использовать марксистское, боевое понятие. Когда власть сосредоточилась в руках буржуазии, возник управляющий комитет буржуазии, который регулировал экономическое и политическое действие буржуазии и который регулировал решение экономических конфликтов буржуазии, – вот такого государства у вас не было.

Мне кажется, что именно здесь заключается одна из основных проблем, связанных с процессом реформ в России 1991-1993 годов, которая на международном уровне создавала большие сложности. Мы не видели таких проблем у нас в Германии. Мы на Западе исходили из представления о том, что в России существует суперсильное

государство, однако, данного государства не было. У вас не было правовой системы, у вас не было никаких институтов, которые непосредственно занимались бы решением экономических вопросов. У вас были институты, которые знали, как решать какие-то проблемы в рамках плановой экономики, но у вас не было институтов, которые могли бы работать в рамках рыночной экономики. У вас не было бюрократии в министерствах, которые бы решали специфические вопросы, будь то в сфере экономики, налоговой политике, социальной сфере. В любых вопросах.

И это была не только проблема национального государства, это была, прежде всего, проблема региональных образований. Эти образования возникли в рамках новой Федерации – Российской, где на федеральном уровне, в областях, в регионах, имелась компетентная элита, способная принимать решения. Такую элиту надо было создать сначала. Это огромный структурный дефицит в развитии российской демократии. Это очень мало учитывается. У нас такой проблемы не было.

Наша бюрократия, может быть, была идеологически деформирована в результате 13-ти летнего господства национал-социализма. Но, как любая бюрократия, она была способна перекраситься, приспособиться к любой схеме руководства, потому что они имели знания. Фактически, любой бюрократ способен сменить свою одежду, но продолжать выполнять свои основные функции. То есть наше государство, которое, в общем-то, строилось на федеративном уровне, на коммунальном и на земельном уровне, располагало компетентной, хорошо обученной, профессиональной бюрократией, работавшей в органах управления. Это облегчало создание нового государства, и это облегчало, прежде всего, внедрение этих специалистов в политическую жизнь.

Есть другая проблема. Национализм и элементы милитаристского мышления в 1949 году были практически полностью уничтожены в германском обществе. Это не означает, что национал-социализм и тоталитарное мышление были сразу преодолены в Германии. Но в германской истории до сегодняшнего дня, по крайней мере, больше нет места для тоталитарных или националистических решений.

Если вы посмотрите дискуссию, которая ведется сейчас в Германии, о нормальности, или идентичности, о применении военных

сил Германии за пределами Германии, даже под мандатом ООН, или без мандата ООН, на Балканах или в других регионах, то вы поймете, какие последствия имело для сознания немцев поражение в 1945 году. Национализм или реваншизм в Германии, возвращение к той ситуации, когда Германия играла бы особую роль в Европе, практически невозможны.

И эта политика не найдет поддержки в нашем обществе. В России ситуация совсем иная. Мне кажется, что вы обогнули нас только в одном вопросе. И здесь также есть некоторая общность между нами. Вы сегодня более радикально, чем мы в свое время, выступаете против применения военной силы в решении каких-либо социальных или политических проблем. Я не хочу более останавливаться на этом вопросе. Я просто высказываю такое предположение, что акция НАТО в Косово привела к дискуссиям в вашем обществе и была обозначена как «агрессия», были слышны голоса в поддержку югославского народа. И это понятно. Скорее всего, одним из мотивов здесь был страх перед тем, что применение военной силы в Европе может привести к процессу, который выйдет из-под контроля и повернется в сторону решения проблем на Востоке и, конкретно, в России. Мне кажется, что такая позиция также разделяется большей частью населения Германии, в большей мере на востоке Германии, чем на западе. Мне кажется, что эта позиция и создает некоторую общность между нашими народами.

Есть еще много моментов, которые, может быть, совпадают с Россией, которую мы знаем после эпохи «перестройки». Германское общество после 1949 года, как общество в России, потеряло определенную политическую идентичность. И поэтому общество находилось в поисках новой идентичности. У вас этот процесс активно начался два года назад, для этого были общественные и политические причины. Мы нашли относительно простое решение этого вопроса. Мы заменили национализм идеей «единой Европы» и интеграцией в Западную Европу. Это стало, так сказать, эрзац-идентичностью, или эрзац-идеологией. И сегодня, в конце 1990-х годов, мы находимся в другой ситуации. Сегодня мы начинаем сомневаться в идеологии интеграции в «единую Европу», но это является проблемой не только для Германии, но и для всей Европы. Это означает, что сегодня, после объединения Германии, мы попали в ситуацию, когда нам приходится

очень активно оперировать понятием национального единства и искать новую идентичность в рамках европейской интеграции.

У вас дискуссия происходит несколько иначе. Вы ищите национальную идентичность. Я хочу задать вопрос: возможно ли в конце XX века заниматься вопросами национальной идентичности? Те тенденции, которые сегодня намечаются и проявляются в ходе такой дискуссии, с моей точки зрения, могут представлять опасность. Европейский процесс направлен на интеграцию и идентичность национальных государств, при этом образуется совершенно иная общность национальных государств. У меня возникает вопрос: может ли такая страна, как Россия, с более чем 150 миллионным населением, имеющая ядерное оружие, являющаяся важным экономическим и политическим фактором в рамках Европы, пойти иным, собственным путем. Это же может привести к конфликтам с Европой, которая интегрируется.

Те тенденции, которые сегодня наблюдаются в вашей дискуссии о национальной идентичности, о национальной идее, – очень тревожны. Это дискуссия об особом русском (евроазиатском) пути развития. Когда немцы задумывались об особом пути и развивали здесь свои фантазии, такая дискуссия всегда приводила к национальной катастрофе, не только для Германии, но и для всей Европы. Поэтому, мне кажется, что такую дискуссию стоило бы вести более открыто, более откровенно и привлекать, может быть, и международные силы к этой дискуссии.

Позвольте мне теперь сказать, что я с восхищением отмечаю в развитии России после 1993 года. Во-первых, как сказал уже Владимир Рыжков, развитие российской демократии является очень стабильным и необратимым процессом. Я считаю, что те институты, которые сегодня созданы в России (здесь я полностью согласен с оценкой Думы, которую высказал Владимир Рыжков), более стабильны, чем это зачастую описывается в средствах массовой информации стран Запада. Только по вопросу парламентских выборов: мы дважды видели выборы, которые полностью отвечают общепринятым европейским нормам проведения демократических, свободных выборов.

Принесли ли эти выборы те результаты, которые кое-кто ожидал? Это совершенно другой вопрос. Решение было принято российским народом, но главное, что институты власти устояли. Они создали собственные структуры. В России это привело к возникновению

определенной политической культуры, в очень сложных политических и экономических условиях. Я также считаю, что Дума проводит разумную работу, если уж говорить о каких-либо политических оценках. После 23 марта 1998 года, мне кажется, Дума – единственный политический элемент, политический орган стабильности и преемственности в этой стране. Я полностью согласен с Владимиром Рыжковым в отношении того, что в настоящий момент именно правительство является наиболее слабым элементом конституционного строя в России. Сотрудничество между Думой и Советом Федерации, которое мы можем наблюдать, налаживается все больше и больше.

Совет Федерации, по крайней мере с декабря 1996 года или с весны 1997 года, представляет собой орган, где представлены люди, избранные на основе демократического процесса. Этот орган выходит из тени Президента, выражает свои собственные интересы. Это вполне нормальное развитие любой парламентской системы. Мы можем это очень хорошо оценивать, потому что у нас в Германии существует достаточно хорошо развитая система региональных отношений. Наверное, этап подготовки, выработки законов, законодательных актов должен быть более интенсивным, но в целом я считаю, что здесь, благодаря более интенсивным контактам, которые существуют между Советом Федерации и, скажем, Бундесратом в Германии, этот процесс развивается по правильному пути.

Второй момент – кризис в августе прошлого года. Мне кажется, что этот кризис явился своеобразным очищением. Это кризис полностью прекратил существование той экономической модели, которая образовалась после 1994 года. Может быть, он не совсем прекратил ее развитие, но показал, что таким путем в будущем идти нельзя. Без правительства, которое опирается на большинство в Думе, на какую-то фракцию большинства в Думе, не может быть нормального существования государства и работы правительства. По крайней мере, это тот опыт, который имеем мы на Западе, опираясь, конечно, на опыт парламентских государств. Если эта тенденция, которая наметилась с приходом правительства Примакова, победит, то все остальные вопросы, связанные с этим, можно будет решить на конституционной основе. Это будет длительный процесс. Необходимо добиться согласия в обществе, консенсуса в обществе по этим вопросам. Но, я думаю, что эти идеи давно уже стали неотъемлемой частью политической культуры

и мышления в рамках политических фракций, политических партий, которые заинтересованы в нормальном развитии. Я не имею в виду одну из тех театральных партий, которую назвал Владимир Рыжков (другую я бы исключил из этого списка). Этот процесс сегодня находится в своем развитии.

И третье замечание, которое я хотел бы здесь сделать. В этом процессе происходит развитие наименее развитых элементов российской политической системы – политических партий. Когда Государственная Дума имеет лишь ограниченные полномочия, и партии рассматриваются народом именно в условиях этой ограниченности полномочий, то вполне понятно, что население соответственно и относится к этим партиям.

Мне кажется, что в конечном итоге такое развитие событий было не наилучшим для России. Одним из факторов развала Веймарской республики являлась огромная политическая поляризация. Но это явление было просто проявлением радикализации, которая происходила в обществе. И поэтому развитие в направлении создания активных политических партий, оказывающих непосредственное влияние на развитие общества, может быть не так желательно. Может быть, более спокойное, бескровное развитие политической структуры, как оно происходило в России после 1993 года, было проявлением недифференцированности общества, которое не раскололось на четкие группы, выражающие свои узкие групповые интересы. И, во-вторых, возможно, это было связано с определенной индифферентностью, апатией со стороны населения, которое должно было свыкнуться с новой ситуацией.

Мне кажется, что в результате очищающего эффекта кризиса августа 1993 года многие вопросы просто потеряли свой смысл. Вы можете это назвать олигархией, корпоративной группировкой, как хотите. Но, Россия сегодня в условиях ослабленного влияния этих группировок на политический процесс находится перед новым этапом своего развития. Мне кажется, что на следующих выборах в Думу и на выборах Президента, учитывая тот опыт, который вы накопили с осени прошлого года на примере правительства Примакова, с сотрудничеством между фракциями, крупными фракциями, партиями и правительством и т.д., вы получите процесс усиления роли партий и роли парламента в вашем обществе. И мне кажется, что вы в Европе будете находиться в хорошем обществе.

Вопросы и выступления

Барабанов О.Н. – Я, прежде всего, хотел бы поблагодарить профессора Шульце за очень интересный доклад и за беспристрастный и доброжелательный анализ ситуации в России и перспектив нашего развития, что редко бывает со стороны иностранных экспертов. Но вопрос у меня будет не о России, а о Германии, и он обращен к Вам, как к представителю Фонда социал-демократической партии Германии, которая работает в России. В связи с Вашими тезисами о дискуссии об идентичности в Германии, которая активизировалась в ходе событий в Югославии, как Вы оцениваете политические последствия этой дискуссии? В частности, возможен ли распад коалиции социал-демократии и «зеленых», и более широкий вопрос: есть ли какие-то различия в понимании этой новой идентичности между социал-демократами и «зелеными»?

Шульце В.П. – Я не вижу проблем в отношении югославской проблематики, я считаю, что то развитие, которое протекает сейчас в Югославии и Сербии – это, может быть, наиболее желательная из моделей, которую мы могли представить, что этот преступный режим будет сметен демократическим развитием. Здесь нет различия между «зелеными» и социал-демократами. Различия существуют в подходах, о продолжении военной операции или прерывании. Новая идентичность, вот это я не совсем понимаю, существует ли аналогичная с тем, как у социал-либералов с 1972 по 1982 г., существует ли «социально-зеленая» идентичность, что Вы имеете в виду?

Барабанов О.Н. – Я имел в виду вот что. Дискуссия об идентичности в Германии, поиски новой немецкой идентичности в рамках объединяющейся Европы, есть ли какие то нюансы со стороны социал-демократов и «зеленых»?

Шульце П. – Что касается социал-демократии, Петер Лёше может поправить меня, потому что он ближе к этой ситуации, чем я. У социал-демократии достаточно сложное отношение к Европе. С одной стороны, она была согласна с новой моделью Европы и участвовала в парламентских структурах, работающих в данном направлении. Однако я не знаю ни одной концепции, где бы мы сделали долгосрочные концепции, каким образом должна выглядеть Европа в будущем, долгосрочной перспективе. То есть, мы пассивно ехали на поезде европейской интеграции, а дискуссия о том, как должна выглядеть

Европа в будущем, эта дискуссия не развивалась в рамках отдельных партий и в конкретных странах Европы, в том числе и в Германии. За исключением ранней стадии 1950 – 60-х годов, но после этого процесс европейской интеграции превратился в достаточно технократичный процесс. Мы, прежде всего, думали в категориях рынка: освобождение капитала, процесса модернизации экономики, рынка сельскохозяйственной продукции. Однако политических, социальных, культурных и нормативных представлений о Европе, вот таких представлений у нас не было сформировано. Я считаю, что, может быть, хорошо, что этого не произошло, и в ближайшем будущем этого не произойдет. Потому что сама мысль об этом породила бы множество больших рвов в Европе. Я думаю, что и французы понимают эту мысль иначе, чем англичане и голландцы, подразумевают совсем другое, чем немцы. Большая дискуссия о вопросах конфедерации, сообщества, или федеративного государства – эта дискуссия отошла на второй план, она возникла после заключения договоров в Маастрихте. Однако после заключения договоров в Амстердаме в 1998 году эта тема не играет доминирующую роль. Я считаю, что, если рассматривать теории интеграции, то это является процессом, в котором реальность создает определенное качество, а не нормативная концепция создает определенную реальность. Этим путем мы не пойдем.

Лёше П. – Я хотел бы сказать по поводу «красно-зеленой коалиции». В немецкой партийной системе существует один пункт разлома. Эта линия проходит между традиционалистами и модернизаторами, которые следуют неолиберальным концепциям. Этот разлом проходит через все партии, в том числе и через правящую коалицию. Традиционалистами в настоящей коалиции считаются старые социал-демократы, ориентирующиеся на профсоюзы, они против фундаментальных реформ социального государства. У «зеленых» это те, кто рассматриваются в качестве экологических фундаменталистов. С другой стороны, модернизаторы в рамках СДПГ – это, прежде всего, сам канцлер и другие, которые, проводят неолиберальную политику в условиях давления со стороны глобализации. Это не является собственно концепцией, теоремой, идеологией, которая способствовала бы возникновению новых действий. Поэтому Европа объединяется определенной протекционистской моделью, то есть европейские общества используют наднациональные рамки для того, чтобы защитить

себя от мирового рынка и одновременно с этим в данных рамках необходимо происходит процесс модернизации. Однако защитную функцию должны выполнять совместные границы. Это достаточно выигрышная модель, но, однако, центральный вопрос социальной политики – вопрос безработицы – остается неразрешенным. Эта концепция не помогла решить этот вопрос, невозможно изолироваться от внешнего мира. Внешний мир пробивает и эти протекционистские границы.

Черченко Э.А. – Петер, я хочу поздравить Вас с победой социал-демократов в Германии, так как вы так долго шли к этой победе. И теперь вопрос. В 1949 году в ФРГ, как Вы сказали, большую роль сыграли Ваши союзники. Пытались ли в 1991 году президенты и канцлеры союзников, я имею в виду Клинтона, Ширака и Коля, оказать такую же поддержку нашему Президенту Ельцину, или, натолкнувшись на его «обкомовскую» дремучесть, бросили это занятие, и мы в результате вот так неуклюже развиваемся?

Шульце П. – Я думаю, что это вопрос, на который трудно дать ответ. Я большой сторонник противоречивого развития в исторических рамках, поэтому, я уже сказал, что российское развитие нельзя рассматривать в качестве внутреннего национального процесса. Россия является членом всех международных организаций. Это не те институты, которые проявляют индифферентную позицию. Посмотрите на процесс выборов, например. В 1993 году очень сильно, в 1995 году слабее, потому что ослабло доверие, большое количество международных наблюдателей, которые представляли Европейский союз, ОБСЕ и т.д., участвовало в этих выборах. Это достаточно прозрачный и хорошо контролируемый процесс выборов, и это была своего рода проверка. Проверка была хорошо пройдена. В области экономики были разработаны стратегические направления развития. С одной стороны, они были позитивны, с другой – оказали негативное влияние, потому что они были слишком близоруки, рассчитаны на слишком короткий промежуток времени.

В отношении сотрудничества в области безопасности: несмотря на Балканскую войну, Россия по-прежнему продолжает сотрудничество в рамках соглашения «Партнерство во имя мира». Данная работа рассматривается в качестве инструмента, с одной стороны, чтобы критиковать и проявлять недовольство, с другой, чтобы заявить о своей

готовности к диалогу с Западом и международными институтами Запада. И он не должен быть прекращен. Я считаю, что многие международные структуры настолько глубоко связаны с политическими, и экономическими процессами в России, что сегодня мысль о самостоятельном пути развития, полностью самобытном пути – это чистая идеология.

После августовского кризиса 1998 года вы сами увидели, что потребительские товары импортного производства стали недоступны по цене. Местное производство во многих сферах выросло. Вы теперь покупаете сыр, который производится в вашем регионе. Следствием для международных производителей стал стимул производить именно здесь свои товары. Посмотрите, например, на сферу молочного производства. Сыр, йогурт, кефир и т.д., мы стали свидетелями жесткой конкурентной борьбы между российскими и совместными предприятиями и западными компаниями. Кто в выигрыше от этого? Прежде всего, потребитель, потому что цены снижаются на продукцию.

Следующая сфера, где будет наблюдаться такая же конкуренция, – автомобильная. Западный автомобиль не может стоить 3,5 тыс. долларов, как продаются здесь «Лада», или «Жигули». Следствием этого станет факт, что западные производители автомобилей пойдут на российский рынок, если они захотят укрепиться на этом рынке и будут производить в России. Безусловно, в сфере роскошных автомобилей «Мерседес» всегда найдет покупателя. Однако есть интересы среднего покупателя, такой покупатель возникает в России. Согласно нашим опросам, средний класс до августа 1998 года составлял порядка 35%, в конце 1998 года 10%, а в апреле-мае этого года средний класс стабилизировался на уровне 25%. Средний класс является покупателем, потребителем таких изделий. Покупательная способность ограничена, поэтому на рынок необходимо предложить такие изделия, которые соответствовали бы покупательной способности. Это заставляет проводить экономические преобразования.

Другой проблемой, которая появилась в ходе кризиса, я об этом еще не говорил, стало то, что с 1993 по 1998 гг. процесс макроэкономической стабилизации закончился. Что предстоит сегодня, так это промышленная политика, инфраструктурная политика, и здесь возникают проблемы, о которых я уже говорил. То есть, проблемы могут быть решены только в рамках взаимодействия между крупной

промышленностью, надежными финансовыми институтами и политической администрацией, правительством, земельными правительствами, которые бы размышляли о том, в какой сфере Россия в будущем будет играть роль на мировом рынке. До 1998 года никто себе не задавал такого вопроса. В российской экономической политике не существовало такой концепции. Нужна ли вам самостоятельная авиационная промышленность? Если нужна, то с кем вы будете сотрудничать? Нужна ли вам собственная автомобильная промышленность? Если да, то, с кем? Машиностроение, судостроение и т.д.

Все эти вопросы задает себе любая западноевропейская страна, каждый конкретный европейский регион. Потому что все эти страны и регионы испытали на себе за последние 20 лет структурные экономические кризисы. За время возникновения новой политической системы с 1993 года по 1998 год эти вопросы оставались за рамками рассмотрения. Вот сейчас эти вопросы занимают самое первое место в повестке дня. Если посмотреть на программные документы политических действующих лиц, речь идет об «Отечестве», НДР, «Яблоко», или о коммунистической партии, то сейчас впервые акцент делается на этих вопросах.

Мы должны решить вопрос о месте России в мировой экономической системе в будущем. Речь не может идти только о газе, нефти и других сырьевых материалах, золоте и т.д. Вы слишком зависимы в этой сфере экономического развития. Кризис заставил политиков обратить внимание на необходимость внутреннего развития. Будущее России обеспечено только в случае создания широкой экономической базы, выходя за рамки использования энергетических ресурсов. Это абсолютно радикальное отличие от развития в прошлые годы. Возникнет новая элита политических и экономических кадров. Это будет способствовать более широкому обмену мнениями в международном масштабе. Нужно будет познакомиться с опытом США, европейских регионов, как эти страны справились с экономическими кризисами. Я абсолютно уверен, что мы будем проводить квалифицированный профессиональный диалог между национальной элитой России и других стран Запада. Мы отойдем от деформирующих, эмоционально окрашенных дискуссий о нормативной позиции в рамках процесса развития в будущем, которые ни к чему не приводят.

Глушков А.Е. – Уважаемый господин Шульце, я хотел бы уточнить некоторые сюжеты Вашего интересного сообщения. Известно, что один из основателей ФРГ Конрад Аденауэр считал, что объединение страны возможно лишь на пути интеграции в западное общество. Теперь эта проблема решена, – Германия едина. Означает ли это, что теперь немцев меньше всего интересуют проблемы «единой» Европы, а на первом плане стоят идеи национального самоопределения, немецкого национального самосознания?

Шульце П. – Первое правильно абсолютно, второе совершенно не так. Оживление национального государственного мышления абсолютно не наблюдается, или, может быть, среди небольшой части населения существует, но в государственном масштабе эта тенденция значения не имеет. Снижение восхищения в отношении Европы имеет место, но я считаю, что это является выражением более жестких экономических условий, в которых оказалась сейчас не только Германия, но и все европейские государства. В Германии впервые производятся расчеты, сколько будет стоить «единая Европа». Мы являемся крупнейшим финансовым источником. Эти средства направляются, прежде всего, в Восточную Германию. И, учитывая сложную экономическую ситуацию, которая сложилась в последнее время, особенно в социальной сфере (у нас 4 млн. безработных и они, безусловно, сконцентрированы в разных регионах Германии) и в условиях жесткой конкурентной борьбы на мировом рынке и высокой государственной задолженности, безусловно, проводятся расчеты, каким образом наша поддержка создания «единой Европы» может окупиться. Это не является принципиальным отрицанием «единой Европы», но мы думаем о том, что мы получаем слишком мало за те деньги, которые мы вносим. Говоря иначе, те, кто пользовались плодами «единой Европы», например, англичане, должны больше платить для создания «единой Европы».

Корнева Л.Н. – Я хотела бы спросить, все-таки после объединения 1990 года, это новая республика в Германии, или все-таки старая, вторая, или же третья?

Шульце П. – То разграничение, которое провел Владимир Рыжков по четырем республикам, я бы не стал делать. Это наша вторая республика. Может быть, та была «2-я А», эта – «2-я Б».

Корнева Л.Н. – Старая или новая?

Шульце П. – В принципе, преемственность существует. И частично существуют проблемы, которых у нас не было в прежней республике, которые сейчас доминируют, например, социальный вопрос. Эта проблема, которая, считалось, была решена. Эта проблема возвратилась и сейчас обладает взрывной силой. Очень сложно сочетать справедливость с экономической целесообразностью. Это не значит, что у нас качественно иное развитие республики.

Основная тема немецкой политики на сегодняшний день, начиная с 1949 года, – тема преемственности и нефтяной кризис 1970 – 80-х годов. Именно этот кризис породил проблемы, с которыми мы имеем дело и сегодня. Рост глобализации, кризис социального государства в ФРГ, который начался в начале 1980-х годов, не имеет ничего общего с объединением Германии. Те проблемы просто сегодня более четко видны на фоне объединения Германии, но эти проблемы коренятся еще в старой Федеративной республике. И только культурные редакторы отдела фельетонов в газетах проводят четкую грань между боннской и берлинской республикой.

На самом деле это преемственность в рамках старой республики, в которой (я хочу затронуть следующий вопрос) национализм никакой роли не играет. У нас были огромные опасения среди левых интеллектуалов, связанные с тем, что роль национализма растет. Но сегодня, практически, он не играет никакой роли. И если существует нечто, что мы называем патриотизмом, то это, прежде всего, патриотизм в отношении немецкой марки, патриотизм государства всеобщего благоденствия и патриотизм в отношении крупного экспорта. Это своего рода патриотизм торговца, и меня это очень успокаивает на фоне всей германской истории XIX – XX веков.

Лёше П.

ОПЫТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГЕРМАНИИ

Я очень рад, что имею возможность присутствовать здесь, на вашей конференции. Я должен сказать, что за сегодняшнее утро я очень многому научился. Два выступления, которые были сделаны господином Чернышовым и депутатом Государственной Думы господином Рыжковым, и даже те выводы, которые сделал господин Шульце в рамках сравнительного анализа развития Германии и России, тоже дали мне много материала. Мне очень жаль, что я вынужден говорить по-

немецки, и не могу непосредственно по-русски выступить перед вами. И я сейчас думаю о том, является ли тот вопрос, с которым я буду сейчас выступать, чисто германским, или, может быть, скорее британским. А именно, это вопрос о том опыте парламентаризма, который мы накопили с 1949 года.

Есть два понимания парламентаризма. Широкое: парламентаризм означает наличие парламента как выразителя настроений народа. Более узкая дефиниция связана с парламентским парламентаризмом. Парламентская система правления по примеру английской проблемы Вестминстера, и именно с такой системой правления мы имеем дело в ФРГ. При этом парламентский парламентаризм опирается на определенные институты, определенные общественные структуры и на определенную общественную, политическую культуру. Этим одновременно характеризуется невозможность переноса данной системы парламентаризма на другие общества и в другие политические культуры. Я хочу с самого начала отметить, что партии у нас играют центральную, главную роль в функционировании парламентской правительственной системы ФРГ. Я хочу, прежде всего, начать с описания конституционных признаков парламентской системы ФРГ.

Здесь четыре признака, которые являются решающими. Наша парламентская система отличается от президентской системы правления, скажем, США, но, что мне стало ясно в последние дни, она отличается и от российской системы президентской власти, где имеются элементы парламентаризма. Итак, четыре институциональных критерия.

Первый. Большинство в парламенте и исполнительная власть образуют единое политическое целое. А именно, правительственное большинство. Разделение властей происходит не между парламентом и исполнительной властью, а между большинством в правительстве и оппозиционными силами. Совершенно иначе в президентской системе. Там происходит распределение власти между президентом и парламентом.

Второе различие. Руководитель исполнительной власти – федеральный канцлер – избирается парламентом, Бундестагом. То есть, не напрямую избирается народом, а непосредственно через парламент. Это означает также, что канцлер, то есть руководитель исполнительной власти, может быть отозван парламентом. Здесь есть особенность в рамках ФРГ, это так называемый конструктивный вотум недоверия.

Канцлер может быть избран только в том случае, если большинство голосов в парламенте обеспечит избрание другого канцлера. В руках канцлера находится также и инструмент создания доверия. Он может заставить большинство в правительстве поддержать его решение, опираясь на необходимость доверия. Только в том случае, если канцлер больше не будет пользоваться поддержкой большинства в правительстве, может быть распущен Бундестаг. Но перед своим роспуском Бундестаг может избрать нового канцлера и таким образом избежать роспуска. Это совершенно иная конструкция, чем та, которая существует у вас.

Третий структурный элемент. Партии в парламенте соблюдают фракционную дисциплину. В определенных вопросах есть отклонение от фракционной дисциплины, но это только в тех случаях, когда вопрос затрагивает непосредственно вопросы совести. Если правительство и канцлер не будут пользоваться большинством в парламенте, у нас возникает правительственный кризис. Либо избирается новый канцлер в таком случае, или Бундестаг распускается. И проводятся новые выборы. То есть, у нас есть определенное принуждение к соблюдению дисциплины в рамках фракций.

Четвертый признак. Он относится к структуре исполнительной власти. А именно то, что кабинет – это коллегиальный орган, и кабинет соединяет не только правительство, но и фракции в правительстве, которые представлены вместе. Кабинет включает в себя также отдельные течения, или настроения, которые существуют во фракциях, обладающих большинством в Бундестаге. То есть, кабинет – это практически фокус политической жизни. При этом необходимо делать различия между принципом коллегиальности в рамках кабинета и компетенцией федерального канцлера определять основную линию развития. Формально в кабинете могут происходить голосования по каким-то вопросам.

Неформальный консенсус в рамках кабинета достигается через партии. Намного более важную роль, чем кабинет, играют руководители партийных фракций, которые создают возможность для достижения консенсуса, поэтому не случайно то обстоятельство, что канцлер, как правило, мы это и сегодня можем наблюдать, является председателем партии, обладающей большинством в парламенте, а вице-канцлером является председатель более мелкой партии, представленной в

парламенте. В отношении партии «зеленых», здесь отношения более сложные, но Фишер как вице-канцлер, как представитель партии «зеленых», является сегодня наиболее важным политиком партии «зеленых» и лидером этой партии. Надо сказать, что при обсуждении каких-то вопросов на заседании кабинета не присутствуют председатели фракций, партий, и если происходят какие-то узкие, личные переговоры, приходят даже премьер-министры отдельных федеральных земель, и премьер министры являются также представителями тех партий, которые образуют правительственную коалицию. Говоря в более заостренной форме, парламент, исполнительная власть и федеральные земли координируют свои действия через партийные структуры, через партии.

Именно партии определяют политику и выражают ее. Или, если принять другую формулировку, – история успеха парламентаризма в Германии – это одновременно история успеха германских партий. Успех парламентаризма в ФРГ – это не успех политического образования или политического просвещения населения. Надо сказать, что здесь в большей мере сыграли роль факторы, заложенные в истории Германии, или в политическом сознании общества и, как правило, это специфически германские проблемы.

Я хочу сейчас привести несколько причин, почему парламентаризм и система политических партий были так успешны в Германии. Во-первых, имел место экономический рост, практически с 1940-х по 1965 год. Парламентаризм, экономический рост и развитие социально ориентированного государства, – эти три компонента совпали и, в принципе, это же относится к Германии после ее объединения в 1990 –1991 годах, поэтому я говорю о патриотизме германской марки. Сюда относится также то обстоятельство, что «холодная война» являлась стабилизирующим фактором для германского парламентаризма. Петер Шульце говорил об этом, а именно о стремлении интегрироваться в Западную Европу. Интеграция в международные системы, структуры происходила в этот же период. Это означает, что граждане воспринимали также и западные ценности, западные политические традиции и т.д.

Другим фактором успеха являлось следующее. В середине 1960-х годов парламентаризм был настолько стабилизирован, что было возможно провести крупную реформу. Эта реформа была обусловлена

крупным студенческим движением конца 1960-х годов. Лозунг Вилли Брандта: «Иметь смелость на большую демократию» – был подхвачен, принят и действительно обеспечил большее представительство интересов общества, и прежде всего это привело к тому, что люди в рамках политической культуры были готовы выражать различные мнения и обсуждать эти мнения. Третья причина для успеха. В 1950 – 60-е годы ФРГ по сравнению с США и даже по сравнению с Россией была относительно гомогенным обществом. Общественные конфликты, которые существовали в то время в Германии, заключались, прежде всего, в явном конфликте между капиталом и трудом, это конфликты конфессии, противоречия между городом и деревней. Это была основная почва, на которой возникали политические партии. В то время как в рамках Веймарской республики разлом шел по мировоззренческим вопросам. В Веймарской республике происходили идеологические сражения, идеологические битвы, которые были представлены крупными массовыми политическими организациями. В ФРГ этот фактор имел более слабое влияние. Партии, как таковые, не вели между собой мировоззренческих сражений, они были в состоянии найти компромиссные решения по каким-то вопросам.

Здесь я подошел к четвертому фактору, обеспечившему победу парламентаризма в Германии. Партии, прежде всего, показали, что они способны выполнять отдельные функции в рамках государства. Они не только выражали различные интересы, существующие в обществе, они являлись передатчиком различных настроений общества в политические институты. Эти партии сформулировали конкретные политические программы, разработали конкретную политику, они имели достаточно много персонала и они непосредственно управляли страной в органах власти. Из партий, которые выражали мировоззренческие интересы, эти партии превратились в партии народа, народные партии. Я имею в виду СДПГ, ХДС. Более мелкие партии специализировались. Скажем, Свободная партия, которая раньше базировалась на правах человека, сегодня ориентируется на неолиберальные интересы. «Зеленые» опять же интересуются экологией. Партия демократического социализма (ПДС), преемница единой социал-демократической партии Германии – это практически региональная партия, партия восточных земель, которые сегодня являются новыми федеральными землями ФРГ. Тот факт, что сегодня не существует разных мировоззренческих лагерей,

свидетельствует о том, что резко сократилось количество постоянных избирателей, постоянного электората, но значительно возросло число избирателей, которые меняют свои ориентации в зависимости от ситуации накануне выборов. Решающим для успеха парламентаризма было также то обстоятельство, что между партиями, в принципе, существовало доверие друг к другу, что партии могли достигать компромисс. Те центробежные силы, которые существовали у нас в стране, а именно: федерация, земли, муниципалитеты, различные общественные объединения и организации, заключали между собой компромиссы и добивались консенсуса при помощи политических партий.

Это достаточно сложный процесс переговоров, который привел к тому, что сегодня многие разочарованы партийным государством, которое сложилось, именно потому, что партии играют центральную роль в этом государстве. Партии несут ответственность за те явления, которые они породили. Сегодня это высокая безработица в стране и проблемы, связанные с реформированием социального государства. Партии проникли практически во все сферы общественной жизни, – это явилось причиной разочарованности в партиях, однако нет разочарованности в демократии, в том числе нет разочарованности и в парламентской форме правления. Партии постоянно изменяются, обе крупнейшие партии СДПГ и ХДС развиваются по пути народных партий. Они преобразуются сейчас в несколько иной тип партий.

Новый тип выделяется тремя характерными признаками. Партийные функционеры теперь не занимают решающих позиций. Центр власти перемещается с верхних этажей руководства партии в парламентские фракции, в правительство, в кабинеты. То есть, партии все меньше и меньше имеют корней в самом обществе. Они стали, так сказать, составной частью конституционного процесса. Они все меньше выполняют функцию посредника между обществом и политической системой в целом. И в этом заключается проблема для наших партий. Аналогичная проблема и у американских партий. И если я правильно вижу этот процесс, то это и те проблемы, с которыми сталкиваются российские партии.

Тем не менее, необходимо констатировать для парламентаризма в ФРГ, что наши партии в правительственной сфере выполняют центральную задачу и не могут быть замещены каким-либо другим

институтом общества. Большинство в парламенте и кабинет министров образуют единую функциональную конструкцию, которая устанавливается за счет партийной дисциплины. Координация политики осуществляется в рамках кабинета министров, или в рамках неформального диалога между партией и государством. Парламентская система правления немыслима без сильных партий, несмотря на все те проблемы, с которыми сталкиваются сегодня партии.

Вопросы и выступления

Еремин И.А. – Как Вы считаете, удалось ли партии демократического социализма во главе с Грегором Гизи, которая, как известно, является правопреемницей СЕПП, стать в объединенной Германии демократической партией парламентского типа на деле, а не на словах? И второе, в продолжение этого вопроса, если да, то чем принципиально программа партии демократического социализма отличается от политической программы СДПГ?

Лёше П. – ПДС является демократической партией. Две недели назад я выступал перед правлением ПДС с докладом на тему, почему ПДС в старых федеральных землях не может снискать успеха. Объяснение этому достаточно простое. В ПДС не проводилась дискуссия по происхождению сталинизма, ленинизма, которая корнями уходит в дискуссию, которую вели еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Это одна из причин неуспешной политики ПДС. Второй причиной является то, что старые кадры ПДС находятся еще у руля, и в культурном плане ПДС является самой мещанской партией в ФРГ. Она для левых интеллектуалов, для необычных художников и деятелей искусств не является привлекательной. ПДС снискала успех в качестве региональной партии, потому что она затрагивает определенные социальные проблемы. Она действительно в программном плане стала достаточно последовательной социал-демократической партией, которая хотела бы оставить старое социальное государство без изменений. А СДПГ отличается от ПДС тем, что СДПГ в настоящий момент проповедует более модернизаторский подход и имеет целое крыло в своем составе.

СДПГ борется за новый центр, а ПДС пытается отстаивать традиционные социал-демократические представления и привлечь именно этих избирателей, которых она может найти и привлечь своей идеологией только в Восточной Германии. Впрочем, Гизи сам является крайне привлекательной личностью, он очень интеллектуальный

человек, с чувством юмора. Я слышал, как он выступал в Геттингене перед 5 тыс. студентов. Все 2 часа прекрасно провели время. Он великолепный оратор, удерживавший аудиторию в течение двух часов, и из 5 тыс. студентов лишь 10 голосовали за ПДС. Говорят, что Гизи просто не в той партии оказался, он не относится к ПДС.

Бетмакаев А.М. – В продолжение предыдущего вопроса. Уважаемый профессор говорил о том, что Боннская и Берлинская республики сохраняют свою преемственность. Не кажется ли Вам, что присутствие ПДС в Бундстаге разрушает эту преемственность. Ведь правительство Шредера – Фишера столкнулось с ситуацией, уникальной для ФРГ: наличие оппозиции как слева, так и справа. Правая оппозиция существовала для социал-демократов всегда, а вот левая, в лице ПДС, появилась впервые. Как Вы думаете, не разрушает ли это Ваш тезис о преемственности?

Лёше П.– Можно выдвинуть тезис, что в Германии существует две партийные системы. Одна партийная система в прежней ФРГ, и новая партийная система в новых федеральных землях. Там существуют три примерно равные партии: ХДС, СДПГ, ПДС. Поведение избирателей в новых федеральных землях отличается от поведения избирателей в старой ФРГ. Доля неустойчивых избирателей значительно выше. Люди ориентируются в значительно большей степени на личность и на соответствующий конфликт, который возникает в ходе избирательной кампании. Можно утрированно сказать, что партии в новых федеральных землях являются более американскими, чем партии в западной части.

Таким образом, я уже затронул вопросы левого спектра и правого спектра. Прежние ориентировки уже не играют такой роли. СДПГ имеет традиционное крыло, которое, однако, является крайне консервативным. И существует крыло модернизаторов, которое некоторые описывают в качестве правого, но это также не имеет определенного смысла. Прежняя шкала правых, левых была ориентирована на вопрос обобществления средств производства. В настоящий момент в ФРГ это не является предметом дискуссии. Во многих сферах, например, ПДС в сфере культуры занимает более правую позицию, чем СДПГ. В настоящий момент у нас достаточно комичная ситуация сложилась, что в вопросах социальной политики ХДС находится левее СДПГ. ХДС

больше выступает за сохранение прежнего социального государства, нежели СДПГ.

То есть, прежние шаблоны не имеют никакого смысла в настоящий момент. Однако имеет значение, когда мы проводим различие между традиционалистами и модернизаторами. Этот раскол, этот водораздел проходит через все партии. Даже в ПДС существует небольшое число членов, которые причисляют себя к модернизаторам. Таким образом, я бы не хотел уклоняться от Вашего вопроса, но «право-лево» – это сегодня не те категории, которые имеют реальное значение. Успех «красно-зеленой» коалиции зависит от того, в какой степени будут проходить реформы социального государства и в какой степени будет реально снижена безработица.

Корнева Л.Н. – Уважаемый господин Лёше, Вы говорили о превращении партий из мировоззренческих в народные. Вот скажите, какую-нибудь роль в этом процессе сыграл запрет Коммунистической партии Германии и неонацистских организаций, или это был в большей мере эволюционный путь?

Лёше П. – Превращение мировоззренческих партий в народные партии было обусловлено общественными причинами. Запрещение КПП не играло никакой роли в этом процессе. Существуют три или четыре основные причины: во-первых, исчезновение квалифицированных рабочих, как таковых, которые были массовой базой СДПГ. Это место было занято представителями среднего класса. Во-вторых, это секуляризация. ХДС была католической партией, а сегодня является протестантско-католической партией. В третьих, это революция в сфере образования, которая имела место в ФРГ в 1970-е годы. В четвертых, это появление, так называемых, постматериальных установок, постматериальных конфликтных пунктов, что является выражением появления сильного «гражданского общества» в ФРГ. Речь идет об экологии, эмансипации женщин, вопросах сохранения мира. Принимая во внимание большой уровень безработицы, сейчас на первый план все же выдвинулись социальные проблемы, но, тем не менее, постматериальные ценности играют большую роль. Существуют также еще и те избиратели, которые голосуют за ту или иную партию по традиции. Люди голосуют за СДПГ потому, что прадед, дед и отец голосовали за СДПГ, а не потому, что партия отражает те или иные вопросы в своей политике. Запрет КПП при этом не играл никакой роли.

Бунин И.М.
НА СТАРТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Обычно считается, что экономический кризис, и вообще экономика, очень важный фактор избирательного поведения. Часто цитируют известную фразу Клинтона: «Дурачок, дело в экономике!», – благодаря которой он в 1992 году выиграл избирательную кампанию. На самом деле в России этот фактор более или менее второстепенный. Ну, скажем, после кризиса 17 августа казалось, что должна произойти радикализация масс, но одновременно, на самом деле, произошло снижение ожиданий. Уровень социального оптимизма общества остался на том же уровне, также и в марте 1999 года. Примерно на треть уменьшились ожидания избирателей. И в результате, когда задается вопрос о минимальном и нормальном жизненном уровне, то нормальный жизненный уровень, измеряемый в постоянных ценах, уменьшился на одну треть.

Население как будто адаптировалось к новым реалиям, признало новые правила игры. Из этого вытекает, что общество, находящееся в переходном периоде, может выдержать такой шок, как 17 августа. Естественно, что при более или менее стабильной демократии такое снижение жизненного уровня вызвало бы такую протестную волну, которая смела бы правительство. Здесь сработал закон Токвиля, более того, такое радикальное поведение, которое было весной – летом 1998 года, сменилось гораздо более спокойным, индивидуализированным приспособлением к кризису. Мы не видим не шахтерских забастовок, ни какого-либо другого протеста. Мне кажется, что если произойдет дальнейшее снижение жизненного уровня, что не исключено к концу 1999 года, то в рамках каждой из 4-х субкультур, существующих в российском обществе, это приведет к радикализации некоторых элементов, но, в общем, основные параметры избирательной кампании сохранятся.

Второе изменение, о котором можно поговорить, – это изменение избирательного законодательства, которое сейчас принято, и в которое внесены некоторые новшества. Но я не буду подробно говорить об избирательном законодательстве, только отмечу несколько вещей. Жесткое определение избирательного списка, по этому определению из 43 избирательных объединений, которые участвовали в избирательной кампании 1995 года, 12 бы не попали. Плюс, как вы знаете,

руководитель избирательной комиссии будет относиться более жестко к каждому из объединений, проверять все подписные листы, и сама система проверки будет более сложная. Я думаю, что вместо 43 избирательных объединений 1995 года их число может уменьшиться до 20.

Такое уменьшение, соответственно, уменьшает состав проходных партий. По всем статистическим законам, если существует 40 избирательных объединений при 5% барьере, то это означает, что только 4 проходят в Госдуму, при 20 может пройти 5-6, при 13 же 7-8, как было в 1993 году. Это, видимо, означает, что состав Госдумы будет более многополюсным, чем сейчас. Но надо отметить, что за это время произошло еще одно очень важное изменение – привыкание избирателей к партиям. Партии, имеющие стабильную историю, такие как КПРФ, Яблоко, ЛДПР и партия власти, могут привлечь больше избирателей, чем в 1995 году. Это означает, что мы останемся в рамках 5-6 избирательных объединений, которые пройдут 5% барьер.

Самое главное, что мы сейчас имеем: мы вступаем в тот период, когда определяется будущий Президент. Парламентские выборы не являются «праймериз» (первичными выборами) и не формируют будущую иерархию президентских выборов. Более того, нельзя сейчас отклониться от соревнования, от участия в конкурентном процессе, потому что то уникальное положение, которое было у Президента Ельцина, который мог после поражения коммунистов консолидировать электорат вокруг партии власти, сейчас повториться не может. Любой из претендентов на пост Президента, который уклоняется от парламентских выборов, выбывает из гонки. И с этой точки зрения иерархия партий определит будущего победителя президентских выборов.

Совершенно ясно, что это не могут быть коммунисты. Зюганов по-прежнему выходит во второй тур и не может победить во втором туре. Но тот, чей список на парламентских выборах будет вторым, или сопоставимым со списком КПРФ, будет, скорее всего, победителем президентских выборов. Я уже говорил о том, что существуют разные логики голосования. Это голосование носит протестный характер. Если на президентских выборах мы выбираем верховную власть и вектор политики, то на парламентских выборах мы выражаем отношение к этой власти, не меняя ее.

И последнее, что я бы хотел сказать с точки зрения внешних рамок – это роль исполнительной власти в подготовке и проведении выборов. 30 марта Ельцин сказал, что на парламентских выборах никто не будет иметь поблажек и привилегий, не будет партии власти. Партии власти, по-видимому, действительно не будет, поскольку она не будет создана. Но исполнительная власть и Президент, президентская администрация и семья будут играть активную роль. Она будет заключаться в следующем. Постараться не дать «Отечеству» стать фаворитом кампании. Подыгрывать своим партиям, прежде всего, объединению правых. Если, наконец-то, ближний круг Президента определит своего кандидата, но сейчас их пока достаточно много: и Степашин, и Аксененко, и появился вот Иванов, то попытаться сплотить из них коалицию. Наконец, подыграть Жириновскому, ограничить возможности «Яблока» и использовать кампанию Илюхина – Макашова, если она возникнет, для развертывания антикоммунистической пропаганды. Вот эти линии, скорее всего, будут у Кремля.

Но, я бы сказал, это минимальная программа. Сейчас эта программа значительно расширилась. Вы слышали, что был снят Зверев с поста заместителя руководителя президентской администрации? По некоторым данным, может потерять свой пост Степашин. Ой! Извиняюсь, Починок.¹ Это означает, что административный ресурс будет использоваться по всей программе, налоговая инспекция и все другие связанные с этим рычаги. Они уже и сейчас начали использоваться (дело против НТВ), но в принципе они будут еще больше использоваться.

Теперь попытаемся определить характер этих выборов. Ясно, каковы были выборы 1995 года. Характер этих выборов связан с тем, что на самом деле у партии власти, иногда их называют правоцентристским лагерем, существует в данный момент две точки притяжения. Одна точка притяжения – «Отечество», другая – Кремль. Каждая из этих двух точек притяжения пытается консолидировать как можно больше партийных группировок. Вы знаете всю деятельность Чубайса по сколачиванию правой коалиции. Сначала после очень долгих и сложных математических расчетов удалось найти

---

¹ Оговорка, оказавшаяся пророческой - *прим. ред.*

оптимальную тройку, которая состоит из Немцова, Федорова и Хакамады. Потом выяснилось, что все эти расчеты не учитывали один важный фактор: аннигиляцию электората. В результате у них по-прежнему 1%. После этого продолжился процесс подтягивания остальных правых партий: Кириенко с его виртуальными 2% и Титова с несколькими десятками тысяч сторонников в его родной губернии. Когда сейчас проводят исследование, выясняется, что это опять 2-3%. Самое главное, что сколотить такой блок очень сложно, потому что и Титов требует первое место в списке, и Кириенко. Пытаются решить эту проблему за счет привлечения НДР, но НДР гордо отказывается, и им вообще не очень выгодно присоединиться к этому блоку. И в результате такая ситуация, что кремлевская группа набирает пока в пределах 2-3%.

Вообще, здесь есть некая логика, поскольку происходит моральный износ власти, Ельцин находится у власти по крайней мере с 1991 года, произошел неизбежный моральный износ, дискредитация власти, еще ряд скандалов коррупционных и ситуация хромой утки, когда осталось до завершения срока совсем немного – 1 год. Чем ближе ты находишься к Кремлю, чем ближе ты находишься к «семье», тем у тебя меньше шансов победить на парламентских выборах и на президентских выборах тем более. Единственный кандидат, который мог бы исправить положение – это Степашин, который сразу поднял рейтинг. То есть с его 7% он создал бы некий блок, который мог бы перейти 5% барьер. Но, во-первых, он был выпущен на политическую авансцену без амуниции, без ресурсов, без гарантий. Все время шли разговоры, что завтра, послезавтра его заменят. Во-вторых, просто мало времени. Чисто физически не хватало времени, чтобы создать партию власти по образцу 1995 года. В-третьих, непонятна была стратегия. Как мне кажется, время уже упущено. Создать партию Кремля к парламентским выборам практически невозможно. Тем более, вручение Иванову Ордена «Отечества» II степени показывает, что и Степашин не гарантирован на ближайшее будущее. Семья явно паникует, не может выбрать стратегию.

С моей точки зрения, она пошла по ложному пути: ты консолидируешь финансовые ресурсы, административные рычаги, потом находишь кандидата и по образцу 1996 года из этого кандидата делаешь Президента. На самом деле путь ложный, потому что без кандидата никакие ресурсы ничего дать не могут. У меня очень много

приходит предпринимателей с просьбой избрать их депутатами, но мы проводим социологические исследования и говорим, что даже если вы вложите 10 млн., все равно вы депутатом в данном округе стать не сможете. Это некая утопия, для этого нужно иметь ядерный электорат, хотя бы несколько тысяч человек, которые бы тебя точно поддержали. И если у Аксененко нет этого электората, нет нескольких сотен тысяч людей, то его раскрутить невозможно, как невозможно и других кандидатов.

Степашин – был последним шансом уходящей власти, хотя все называют три фамилии возможных кандидатов: Степашин, Лужков и Примаков. Степашина можно вычеркнуть из возможных претендентов, что я не стал бы делать еще месяц назад.

Если лагерь Кремля не сумел найти кандидата, который бы сумел консолидировать и прорежимные элиты, и электорат, то по естественной логике, избирательные ресурсы пошли в другом направлении. Они пошли к Лужкову. Причем, не сам Лужков становится консолидатором режима. Сам Лужков не выдержал бы прямого столкновения с Кремлем. Фактически, как мне кажется, он отказался от претензий на президентское кресло. Как вы знаете, совсем недавно Примаков выступал по третьему каналу телевидения, где он фактически сказал, что идет в «Отечество» и будет возглавлять эту партию. Более того, он сказал, что постарается присоединить другие блоки для того, чтобы создать более широкую коалицию, чем она создана у Лужкова. Это означает, что к электорату «Отечества» (очень специфическому электорату, который состоит, прежде всего, из адаптантов, высокообразованной категории населения, из людей, живущих в крупных городах, из молодых жителей России, из людей с высокими доходами, то есть той категории, которая всегда голосовала за демократов, за партию реформ) в ситуации вакуума осени 1998 года присоединится еще другой тип избирателей, которые поддерживают Примакова.

Примакова поддерживают избиратели, ориентированные на патернализм, на социальную опеку, для которых очень важно государство, социальная ответственность и т.д. Мы получаем очень мощный блок, который, по нашим подсчетам, должен получить не меньше, чем коммунисты, или сопоставимую цифру с коммунистами.

Это означает, что лидер этого блока – кандидат №1 на президентских выборах.

Я пока не вижу, если не будет каких-то форс-мажорных ситуаций, как это можно изменить. Потому что есть некая логика парламентских выборов. На парламентских выборах определяется кандидат 2-го тура президентских выборов. Более того, как вы знаете, за последнее время в «Отечестве» произошли большие изменения. Тот тип активиста и руководителя, который сначала привил Лужков (лозунг «Работай по-капиталистически, распределяй по-социалистически!»), постепенно стал вытесняться из руководства. Стали приходиться люди, более связанные с современными секторами производства, с рыночной экономикой. Вместо людей типа В. Владиславлева, В. Липицкого пришли Г. Боос С. Ястржембский, В. Володин, т. е. люди совершенно другого типа, которые больше отождествляются с новыми формами экономики, с новой Россией. С другой стороны, Примаков, как мне кажется, может привести тот тип избирателя, о котором я говорил.

Одна из очень важных проблем, которая была у «Отечества», заключалась в том, что активист «Отечества» был совершенно другого типа, чем его избиратель. Этот активист был скорее ориентирован на социализм (человек типа Владиславлева). Недаром, когда на первом съезде «Отечества» было оглашено послание от КПРФ, там сразу раздались аплодисменты в зале, а когда пришло послание от Черномырдина, то раздался свист. Это говорит о разных психологических типах избирателей и активистов. Эта проблема более или менее снимается. Мы, правда, не можем пока представить, какой тип руководителя будет в «Отечестве» Примакова и какие люди туда придут. Это процесс долгий и сложный, понадобится месяца полтора, чтобы узнать, каким будет «Отечество» при Примакове. Одно только понятно, что по силе эта партия будет сопоставима с КПРФ.

Вот что происходит в центре. Единственная партия, которая сейчас не определилась, это НДР. Она должна выбрать между тремя возможными стратегиями. Одна стратегия – присоединиться к партии Кремля, что достаточно губительно для НДР: чем дальше дистанция от Кремля, тем больше возможности перейти 5% барьер. Я практически исключаю эту стратегию для НДР. Другая стратегия – идти самостоятельно, с очень большим риском не перейти 5% барьер. Третья стратегия – идти к губернаторам.

Я не сказал еще о «Всей России». «Вся Россия» – очень специфическое объединение, которое первоначально создавалось как чисто техническое. Цель этого объединения заключалась в том, чтобы объединить губернаторов и начать торговаться с потенциальным Президентом. Вторая задача – проводить одномандатников в избирательных округах. Это были чисто технические задачи. Но в ситуации между двумя полюсами, между лужковским «Отечеством» и Кремлем, когда Кремль дискредитирует себя все больше и больше, возникает потенциальная возможность перехода «Всей России» на сторону тандема Примаков – Лужков. Если это произойдет, это будет не заговор элиты, а сговор элиты, потому что неизбежно в этом же направлении придется пойти и НДР. Это означает, что вся элита объединится вокруг одного из потенциальных кандидатов на пост Президента, то есть Примакова.

Теперь об остальных электоральных группах. Наше общество, с моей точки зрения, разделяется на 4 субкультуры. Это левые традиционалисты, некоммунистический протест, традиционные демократы и центр. Ну, о центре, или о партии власти мы поговорили уже.

Теперь о левых традиционалистах, то есть о коммунистах. С моей точки зрения, КПРФ сама себя загнала в некую ловушку. Что такое КПРФ? Это, прежде всего, система управления неким политическим гетто, состоящим из трети населения. Такая же система управления существовала во Франции, когда гетто составляло 20- 25% после второй мировой войны, и коммунисты достаточно успешно им управляли. Управление состояло из 2-х элементов. Необходимо было поддерживать достаточно высокий уровень протеста, чтобы удерживать возле себя радикальных коммунистов. В то же время нужно было постепенно интегрироваться в систему, получать посты, становиться управляющими. Символом этого процесса был Маслюков. При Примакове, как вы знаете, второе направление получило очень сильное развитие, КПРФ достаточно быстро интегрировалась в систему. После того, как Примаков был вынужден уйти с поста премьер-министра, для КПРФ оставалась одна единственная возможность сделать акцент не на стратегии встраивания в систему, а на неком протесте.

Будучи кентавром (с одной стороны – радикальные активисты, с другой – люди, готовые идти в систему), КПРФ достаточно тонко делала

акценты, нажимая на разные клавиши. Сейчас, выбрав сначала стратегию трех колонн, которая, казалась бы, помогает, с одной стороны, КПРФ интегрироваться в систему, а с другой – Макашову и Илюхину перейти 5% барьер, они сами себя поставили в неудобное положение. Выяснилось, что Макашов – Илюхин не могут перейти 5% барьер, если только КПРФ не даст им значительные ресурсы, на что она решиться не может. У КПРФ было решение идти единой колонной, создав блок «За победу». На самом деле коалиция «За победу» – это повторение тех же самых сторонников КПРФ, новых людей там нет. Они дестабилизировали и систему управления гетто, и саму КПРФ, но, на их счастье, не очень сильно, потому что колонн нет. Скорее всего, КПРФ пойдет одной колонной. За исключением, может быть, Макашова, потому что Макашов, видимо, закусил удила, и будет создавать движение некоммунистического протеста с коричневым оттенком. Все остальные сохранятся в КПРФ. Что касается тех, кто называется просвещенными националистами, типа «Духовного наследия», то они просто торгуются: пытаются договориться и с «Отечеством», и с коммунистами. Кто больше даст, туда они и пойдут. Мне кажется, вряд ли им удастся включиться в КПРФ, скорее всего они будут от нее дистанцироваться.

Осталось поговорить о некоммунистическом протесте, или о националистической нише, и еще о Явлинском. В некоммунистическом протесте есть две партии, это Жириновский и Лебедь. Что касается Жириновского, то за него 3-4% его электората голосуют уже 5 раз. Это его ядро, которое создает ему некоторую устойчивость. Как мне кажется, это ядро – 3-4% постоянно голосующих, плюс очень хорошая избирательная кампания, которую он начал раньше остальных. Наличие денег, Югославия, которая дала ему дополнительную нишу, позволят ему перейти 5% барьер. Плюс то, что это еще и достаточно талантливый политик, который находит те идеи, которые позволяют ему держаться на поверхности. Что касается Лебеда, то здесь ситуация гораздо более сложная. Потому что пребывание Лебеда в Красноярске его регионализировало, он не занимался партийным строительством, он не создавал для себя партийных активистов. И хотя его рейтинг порой бывает больше на 1-2%, чем у Жириновского, у меня такое ощущение, что он не пойдет на парламентские выборы, потому что или не уверен в победе, или потому, что чисто технически это сделать достаточно

сложно, поскольку он еще не начинал деятельность по созданию партии. И если пойдет, то у него просто не хватит организационных ресурсов для того, чтобы пройти через 5% барьер. Возможно, я ошибаюсь, придут какие-то бешеные деньги, хорошие менеджеры, его часто спасал Кремль. В 1996 году ему были даны и деньги, и менеджеры, и технологи. И ему удалось в короткие сроки получить 15%. Но, по-видимому, это упование на избирательные технологии чрезмерно. Самому надо думать, что можно сделать, а не только ждать, что придет добрый дядя, даст денег, технологов и т.д.

Вообще, эта вера в деньги и политические технологии губит нынешнюю власть. Такое ощущение у кремлевских технологов, что все можно сделать, как в 1996 году. В последний момент выдвинуть кандидата, мобилизовать ресурсы, подключить все каналы телевидения, и народ пойдет за тебя голосовать. Но, как уже доказано на многих примерах, это практически невозможно, если нет кандидата или избирательного потенциала. У Ельцина он был, потому что в декабре 1995 года 4% собирались за него голосовать, а 40% были уверены, что он все равно останется Президентом. Сейчас такого потенциала у кремлевских кандидатов не наблюдается.

Последняя тема – Явлинский. Мы очень внимательно следим за Явлинским (впрочем, как и за остальными кандидатами), и очень интересное из этого мониторинга вытекает наблюдение. Он постоянно колеблется на одном пределе. То он символ демократии, светлый лучик в темном царстве, и на фокус-группах, московских или других, больше половины опрошенных говорят, что это очень хороший кандидат, то, наоборот, говорят, что он человек, который много говорит и ничего не делает, – мы ему доверить страну не можем. То говорят, что Россия слишком плоха для него, а он слишком хорош для России. В зависимости от того, на какую из фаз развития его имиджа придутся декабрьские выборы, на позитивную, или негативную, он наберет от 8 до 12%. Логика выборов Явлинского резко негативна именно к концу избирательной кампании, в него перестают верить как в символ демократии, начинают оценивать чисто практически. Чем больше ему дают опросы, тем меньше он получает в результате избирательной кампании, в отличие от Жириновского. Скорее всего, он наберет 8-9%.

Если оценивать возможный расклад Государственной Думы, давайте исходить из учета нескольких факторов. Во-первых,

предположим, что это будет не 40 партий, а 20, и попадут в Думу 5-6 партий. Во-вторых, будем считать, что потерянных голосов будет не больше 30%, потому что повторить результат 1995 года, когда 50% голосов было выброшено в корзину, практически невозможно по двум показателям. Во-первых, за партию – лидер собираются голосовать больше, чем в 1995 году, то есть мультипликатор будет меньше. КПРФ, которая сейчас по опросам набирает от 20 до 25% голосов, если ей удастся сохранить единство, вполне возможно, получит эту цифру. Плюс мультипликатор, они получают по спискам примерно 30 – 35 – 38% голосов. Это на 7 – 8% меньше, чем в 1995 году, потому что тогда было 42% голосов. И если даже по избирательному результату коммунисты получают больше, чем в 1995 году, то по реальному количеству депутатов они получают меньше.

Это означает, что они не получают доминирующих позиций в Думе, таких позиций, которые у них были в последние годы. Второй фактор – не менее важный: появится центристский фон, состоящий из Примакова, Шаймиева, Лужкова и т.д., которые наберут сопоставимое количество голосов. Это несколько иная ситуация, чем с НДР в 1995 году. Если бы не было Примакова, то результат Лужкова был бы от 10 до 15%. В третьих, по-видимому, Явлинский спустится до 8%. И Жириновский наберет 6 – 7%. Вычислить еще одну или две партии, которые пройдут 5% барьер, невозможно. Это может быть либо НДР, если она не присоединится к блоку Шаймиева, или это может быть Лебедь, если он пойдет на выборы.

Все остальные партии находятся намного дальше от искомого. «Женщины России» вообще не могут участвовать в избирательной кампании. Николаев не может набрать больше 1%, «Голос России» – не больше доли %, «Правое дело» – меньше 1%, «Новая сила» – меньше 2%, «Аграрная партия» – меньше 2%. «Движение в поддержку армии», если оно сформируется, без организационных ресурсов КПРФ перейти 5% барьер не сможет (хотя приблизительно 6 – 7% с большой симпатией относятся к идеям Макашова, но готовность голосовать у них не выше 1%). У левых коммунистов шансов никаких, и если они соединятся с Макашовым, то тоже не пройдут 5% барьер. Вот все, что можно сказать о будущем распределении сил на парламентских выборах 1999 года.

Вопросы и выступления

Колобова А.И. – Игорь Михайлович! Вы в своих выступлениях постоянно отождествляете «Правое дело» с Кремлем, а я считаю, они обычно изгой, в их программных заявлениях тоже есть оппозиционное отношение к Кремлю. В то же время, Вы говорите, что если партия ближе к Кремлю, тем меньше у нее шансов. Понимаете, Ваше слово влияет на подсознание электората. Этично ли со стороны ведущих политологов такие заключения делать? Почему Вы их отождествляете с Кремлем, в то время как они выступают в оппозиции?

Бунин И.М. – Во-первых, если не дать возможность политологам комментировать опросы, то просто можно прекратить публикацию опросов. Это не мои домыслы, этот несчастный 1% существует уже весь 1999 год, более того, когда составляются тройки, все равно, все это в пределах 1%. Так получилось, что либеральная волна сходит на нет. Слава Богу, что есть какие-то центристы, которые достаточно прагматично могут эту волну подхватить, не объявляя себя либералами. Но это вердикт не мой. Что касается их связи с Кремлем, то у меня есть такая схема: все силы режима, система валентности партии власти, Кремль, «Правое дело» – две жирных черты. Кремль, «Новая сила Кириенко» – две жирных черты. Правда, Кремль и НДР соединяли тоже две жирных черты, но сейчас я бы не стал делать их жирными. «Голос России» тоже имел достаточную связь с Кремлем. Но, если говорить конкретно о «Новой силе» Кириенко, все знают, что план борьбы с Лужковым придуман в кремлевских кабинетах. Все знают, что непропорционально высока доля либералов в правительстве Степашина, это удалось пробить Чубайсу в кремлевской администрации. По-моему, о связи Кремля и «Правого дела» все довольно хорошо знают. И то, что сейчас Кириенко предлагает уйти Ельцину в отставку, все понимают, что это такой «фокус-покус», рекламный трюк. Это, на самом деле, просто избирательная кампания. Я говорю о реальных связях и о реальных взаимоотношениях.

Корнева Л.Н. – Вы проводите опросы по регионам? У нас (в Кемерово) «Отечество» является крайне непопулярным.

Бунин И.М. – Более того, в Алтайском крае «Отечество» тоже крайне непопулярно. «Отечество» набирает 7%, а 15% набирает НДР. Недавно по Воронежу мы проводили исследование, там НДР набирает 9%, а «Отечество» 4,5%. Мы проводим выборочные исследования по

регионам. Если очень честный институт ВЦИОМ, который проводит очень честную выборку, очень репрезентативную, которой я склонен доверять, дает такие цифры, что ж делать?

Вопрос в письменной форме – Дня три назад у нас была пресс-конференция, в которой участвовал Назарчук. Он сказал, что Аграрная партия предполагает идти отдельным списком и рассчитывает получить 5%. Ваш прогноз?

Бунин И.М. – Ну, во-первых, Аграрная партия, как известно, состоит из двух сил. С одной стороны – Лапшин, который способен идти своим списком и способен присоединиться даже к «Отечеству». С другой стороны – Н. Харитонов, который думает, что он получит третье место в списке КПРФ, и хочет часть депутатов-аграрников притащить в КПРФ. Но и в 1995 году они не набрали 2%, а если они еще раскалываются на две силы, то больше 2% они не получают.

Емешин К.Н. – Не кажется ли Вам (вот Вы хороший термин применили, «рекламный трюк» в отношении Кириенко, но у нас более пристальный взгляд), что и противостояние Лужкова и Кириенко – просто такой же самый трюк, который позволяет Лужкову на будущие выборы собирать электорат. Это все из одного центра обрабатывается.

Бунин И.М. – Я не понял вопрос. Есть ли у Лужкова некий аналитический центр, который все заранее просчитывает? Никакого «масонского ложа» не существует, есть спонтанный политический процесс, который связан с тем, что в сентябре 1998, когда проходил Черномырдин через Госдуму, когда существовали все договоренности, Лужков, который не хотел допустить Черномырдина до поста премьер-министра, вложил всю свою энергию, и не только энергию, чтобы не допустить этого. На этой базе он создал «Отечество» и после этого, волей-неволей, стал центром распавшейся партии власти. Партии власти, которая в марте 1998 года реально существовала, и вторым человеком в этой партии власти был Черномырдин, который более или менее контролировал эту партию власти, мог быть арбитром этой партии власти. После марта 1998 года, после сентября 1998 года, после ухода Кириенко, после ухода Примакова она развалилась, от нее остались какие-то капельки. «Свято место пусто не бывает», – естественно, что и общество, и элиты искали человека, который мог бы олицетворять эту бывшую партию власти. И вот периферийный лидер Лужков стал консолидировать вокруг себя электорат и какие-то элиты.

Этот процесс сейчас, на мой взгляд, получил некое завершение, но другой вопрос в том, что корона достанется, скорее всего, не Лужкову, а Примакову.

Мельников А.Н. – Объясните, пожалуйста, магию фигуры Примакова. Вроде бы немолодой, больной человек, разбитый радикулитом, так неторопливо решает государственные дела, но его поддерживает население, и нет политика, который бы с ним не стремился заключить союз. В чем эта магия заключается?

Бунин И.М. – Это достаточно легко объяснимый процесс, на мой взгляд. Когда Примаков пришел, стал премьер-министром, страна находилась в состоянии психологической гражданской войны. Вторых, после того, как произошел кризис, все ощущали, что вот сейчас все разрушится моментально. И, в третьих, все видели, что от власти Ельцина ничего не осталось. Вдруг приходит премьер-министр, через несколько месяцев количество оптимистов стало превышать количество пессимистов, вернулись к докризисному состоянию. Психологически общество успокоилось, никакой гражданской войны нет, люди видят, что наступает минимальная финансовая стабилизация. Вдобавок, этот человек ведет себя абсолютно независимо от Кремля. Он ведет себя как самостоятельный игрок, не как alter ego Президента, не как человек-тень, каким очень долго воспринимался в общественном мнении Черномырдин. К нему начинают притекать симпатии. Кроме того, существует некая магия власти. Магия власти всегда дает 7-10% голосов. Если ты премьер-министр, растет доверие. Одна из самых главных претензий к нашим политикам та, что они коррумпированы. Единственные два человека, к которым не пристает понятие коррупция – Примаков и Рыжков. Он не коррумпирован и дистанцирован от Президента. Его рейтинг растет.

Более того, когда его отправляют в отставку, он превращается в памятник, монумент: это человек, который сотворил что-то необыкновенное. Одновременно все помнят, что ему 70 лет, что он внешне выглядит не совсем здоровым человеком, что у него радикулит. И по фокус-группам, с одной стороны, говорят, что это великий человек, с другой, что он все равно в политику не вернется. Он превратился, с одной стороны, в памятник, за который даже голосовать-то не надо, а с другой стороны – на него перенесено все позитивное, что осталось в обществе, поскольку он дистанцировался от Ельцина.

Я в феномене Примакова не вижу ничего удивительного. Он не харизматическая фигура, он чистый чиновник по типу, бюрократ, и ведет себя как бюрократ, обладает определенными архаизмами. Просто нам всегда нужен герой. Нам нужен честный политик, мы его делаем, виртуально создаем образ честного политика. Нам нужен комик, мы делаем комика. Нам нужен человек-памятник, мы тут же его делаем. Он занимает эту психологическую нишу. Вдобавок, поскольку рейтинги не падают, то голосование за памятник превращается в голосование за живого человека.

Галактионов Ю.В.
ВЕЙМАРСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ
– РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КОНЦА 90-Х
ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И
ТОТАЛИТАРНОЙ АЛЬТЕРНАТИВ

Многоуважаемый профессор Петер Шульце, выступая в Челябинске в сентябре 1996 г. на российско-германской конференции историков «Веймар – Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия», говорил о том, что аналогии между современной Россией и Веймарской Германией неверны, что скорее нужно «говорить о схожести развития современной России и Германии после 1945 г.»¹. Прошло почти три года. Эту же мысль он повторил и в сегодняшнем выступлении. Однако анализ сегодняшнего социально-экономического и политического положения приводит к выводу, что в России конца 90-х годов во многом повторяется не германская ситуация после 1945 г., а ситуация Веймарской Германии начала 30-х годов. Исторические параллели – вещь довольно опасная и, конечно, условная: сравниваются разные страны, разные исторические эпохи, разный менталитет народов и т.д., но думается, что по многим позициям демократический, парламентский опыт Германии для нас ближе, важнее, чем парламентский опыт Англии или США. Напомню общеизвестные факты. В 1918 г. в Германии рухнул монархический авторитарный режим кайзера Вильгельма II, в России в 1991 г. закончил свое

---

¹ Шульце П.В. Перелом и легитимность: Москва – не Веймар // Веймар-Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998. С. 84-85.

существование авторитарный коммунистический режим М.С. Горбачева. В Германии это произошло в результате поражения в Первой мировой войне и Ноябрьской революции, в России – в условиях развала Советского Союза и «революции Ельцина». В итоге в обеих странах установление демократии связано в сознании большинства населения со следующими негативными явлениями.

1. Тяжелый, длительный экономический кризис, катастрофическое падение производства в среднем более чем на 50%.

2. Снижение жизненного уровня основной массы населения в 2-3 и более раз за счет неимоверного роста цен, громадное социальное расслоение общества, появление большого количества маргинальных групп и люмпенов. Обыватель в Веймарской республике точно знал, что ему живется хуже, чем жилось при кайзере; обыватель в России точно знает, что он был более социально защищен при Брежневе, чем при Ельцине. Большой оптимист профессор П. Шульце говорил об «очищающем» воздействии 17 августа 1998 г. на российскую экономику. Вероятно, в макроэкономических расчетах это так, но если до кризиса 17 августа большинство россиян были бедными людьми, то после 17 августа они стали нищими.

3. Для духовной атмосферы Веймарской республики (как и для сегодняшней России) была весьма характерна такая черта, как неуверенность в завтрашнем дне, ощущение непрочности режима. Едва ли не самыми мощными дестабилизирующими факторами стали инфляция и хроническая массовая безработица. Правда, в России она еще не приобрела такого катастрофического характера, как в Германии начала 30-х гг. Зато качественно новой фигурой в жизни Веймарской республики стали, – как в России «новые русские», – «новые немцы», в Германии их называли «шиберами» или «раффке». Их не любили, над ними издевались карикатуристы, о них сочинялась масса анекдотов. Например, шибер покупает картину Рубенса, но при этом ворчит: «смешно – 100 млн. марок за подержанную вещь»; или вот, шибер приезжает в Рим, видит полуразрушенный Колизей и говорит своей подружке: «Ох уж, эти итальянцы, никогда не имеют достаточно денег, а все равно принимаются за строительство».

4. Широкомасштабные финансовые спекуляции и аферы, резкое падение курса рубля (марки) по отношению к иностранной валюте, «долларизация» экономики, крушение банковской системы.

Американский историк Питер Гэй, живший в молодости в Веймарской республике, назвал ее «республикой аусензайтеров». Слово это не имеет точного аналога в русском языке, его можно перевести как «посторонний» или «находящийся вне»¹. В демократической Веймарской республике прорыв к политической и экономической власти, к руководству прессой осуществили те, кого называли в кайзеровской Германии «аусензайтерами». Это были люди, не принадлежавшие к аристократической верхушке, к элите, к традиционным партиям, нередко представители национальных меньшинств, в частности, евреи. Российская ситуация 90-х годов до боли похожа на описанную выше: к политической власти прорвались либо лица из «второго эшелона» бывшей номенклатуры, либо люди, в нее никогда не входившие. Экономической жизнью страны также руководят в большинстве случаев «аусензайтеры» (в России их называют «олигархами», но кем они были до 1991 г., – Б. Березовский, А. Чубайс и многие другие?). Практически все политические партии и общественные объединения (кроме разве что КПРФ), – это партии бывших «аусензайтеров»: ЛДПР (В. Жириновский), «Яблоко» (Г. Явлинский) и др. Средства массовой информации в России – в руках тех, кто был при советской власти «посторонним».

5. Как и в Веймарской республике, в России отсутствует «экономическое чудо», которое убедило бы людей в полезности демократии и экономических реформ. Вместо этого наблюдается резкое увеличение налогового гнета. В разгар экономического кризиса 1929-1933 гг. в Веймарской республике были введены новые налоги и акцизы – на пиво, чай, сигареты, кофе, минеральную воду, бензин, керосин, хлеб, мясо и обувь. Последние российские правительства идут этим же проторенным путем. Наблюдается колоссальный рост внешнего долга и попытки решить проблему с финансовой помощью извне, прежде всего из США (планы Дауэса и Юнга для Германии, планы МВФ для России), на очень жестких, практически кабальных условиях.

6. Бурный рост преступности, коррупции при неэффективной системе поиска и наказания преступников. Правда, мы

---

¹ Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990. С. 119-120.

еще не дожили до германской ситуации, когда по улицам открыто и безнаказанно маршировали вооруженные отряды нацистских штурмовиков, социал-демократических «рейхсбаннеровцев» или коммунистических «красных фронтовиков».

7. Потеря статуса сверхдержавы (в Германии – в связи с поражением в Первой мировой войне и унижительным и несправедливым Версальским договором, в России – в связи с развалом СССР и политикой властей). В обеих странах в связи с этим мы наблюдаем всплеск оскорбленного национального самосознания.

8. Отсутствие прочных, многолетних демократических и парламентских традиций, сильная президентская власть при сниженных полномочиях (и низкой эффективности работы) парламента – рейхстага и Госдумы; президентское правление с помощью чрезвычайных декретов и указов (П. Гинденбург – Б. Ельцин). Немцы в 20-х годах, как и россияне в 90-х годах, не имели сколько-нибудь значительного политического демократического опыта. По словам американского историка П. Гэя, когда Веймарская республика открыла дорогу настоящей политической свободе, немцы стояли у входа с раскрытыми ртами, как крестьяне, которые приглашены во дворец и не умеют себя вести¹. Как тут не вспомнить и пророческие слова песни Владимира Высоцкого: «мне вчера дали свободу, – а что я с ней делать буду?» И в Веймарской Германии, и в сегодняшней России налицо так называемая «формальная демократия». Уже первый Президент республики Фридрих Эберт, благодаря 48-й статье конституции о полномочиях Президента, только за первые 5 лет своего пребывания у власти издал в обход рейхстага 136 распоряжений, а в начале 30-х годов следующий Президент Пауль фон Гинденбург с помощью подобных актов расчистил путь для легального прихода Гитлера к власти. Кто может сказать сейчас точно – сколько указов подписал к сегодняшнему дню Президент Б.Н. Ельцин (5-7 тысяч?), и сколько из этих указов «работает»?

9. Многопартийность с преобладанием «диванных» партий. Раскол общества на «левых» и «правых» (при отсутствии сильного либерального «центра»), расшатывание ими хрупких зданий Веймарского и Российского парламентаризма. В Германии конца 20-х –

---

¹ Там же. С.153.

начала 30-х годов наблюдался кризис и распад буржуазных партий. На этом фоне произошло усиление влияния Компартии Германии, которая стремилась разрушить Веймарскую республику во имя свершения пролетарской революции в Германии и мировой революции. Но главным было «восхождение» на Олимп власти партии Гитлера. В России, в отличие от Германии начала 30-х годов, к счастью, нет такой сильной ультраправой партии, какой была Национал-социалистическая рабочая партия. Нет и общепризнанного харизматического вождя, каким был А. Гитлер. Но, как и в Германии начала 30-х годов, партийная система, сложившаяся в России, ориентирована не на конструктивные компромиссы, а на конфронтацию. Веймарская республика оказалась беззащитной. Известный немецкий публицист Курт Тухольский, имея в виду ожесточенную политическую и идейную борьбу в немецком обществе, назвал Германию того времени «расколотой страной». О Веймарской Германии с чьей-то легкой руки стали говорить как о «республике без республиканцев», как о «демократии без демократов». Много ли имеется подлинных демократов в сегодняшней демократической России, не скажет точно никто.

10. В обеих странах имеет место полная свобода прессы, доходящая до вакханалии, оскорблений политических противников и органов власти. В 1932 г. Веймарская республика занимала ПЕРВОЕ место в мире по количеству газет и ВТОРОЕ – по количеству журналов: 10.000 периодических изданий на 65 млн. человек населения¹!

11. Как в конце Веймарской республики, так и сегодня в России разворачивается острейшая борьба за контроль над средствами массовой информации. В Германии олигархи того времени – Крупп, Тиссен, Феглер и другие создали так называемый «концерн Гугенберга», который объединял крупнейшее газетно-журнальное издательство, телеграфное агентство, рекламное бюро, банк и другие учреждения, с помощью которых этот концерн подчинил большую часть так называемой «независимой» малой и средней периодики. Входила в концерн и самая мощная тогда кинокомпания УФА. Гугенберговская пресса была националистической, антисемитской, антиреспубликанской. «Концерн Гугенберга был могильщиком

---

¹ Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995. С. 7.

республики и расчищал нацистам путь к власти»¹. Этому правому концерну противостоял так называемый «концерт Мюнценберга», известного коминтерновского деятеля, который осуществлял выпуск прокоммунистических газет и журналов. В. Мюнценберга называли тогда «магнатом коммунистической прессы» и даже «красным Гугенбергом». Коммунистическая пресса также немало потрудились над разрушением здания Веймарской республики. Так что один из важнейших уроков Веймарской демократии для нас сегодня заключается в недопустимости чрезмерной концентрации средств массовой информации в чьих бы то ни было руках.

12. «Изобилие демократических свобод» при отсутствии определенных социальных условий породило как в Германии, так и в России расцвет политической мифологии, фанатизма, тоску по «сильной личности». В России сегодня мы видим кипучую деятельность московских политических кругов, определенную активность политизированных слоев общества за «пределами Садового кольца» и абсолютную апатию, аллергию даже, к московской политике подавляющего большинства граждан. Но эти люди в условиях массовой пропаганды придут на выборы и проголосуют за нового русского «вождя». Вспомните выборы 1993 г. – кто ожидал такого успеха В. Жириновского, а в 1996 г. – такого успеха А. Лебедева? И Жириновский с Лебедевым – не самые худшие, думается, варианты. В Веймарской республике нередко вместо официального черно-красно-золотого флага монархисты вывешивали старый черно-красно-белый; коммунисты – красный; нацисты свой красно-белый со свастикой. Совершенно игнорировался большинством граждан главный праздник – 11 августа, день принятия Веймарской конституции, как в России сегодня, несмотря на все усилия властей, игнорируется праздник 12 июня, причем большинство россиян не назовет точно и название этого праздника. Очевидно, что миссия проводника и проповедника демократии в XX веке принадлежит интеллигенции. Но нищенское существование российской интеллигенции позволяет ее «приручать» как московской, так и местным политическим элитам, а большинство рядовых граждан по-прежнему мыслит в категориях внедренного коммунистами массового тоталитарного сознания.

---

¹ Там же. С. 68.

13. Целые звенья государственного аппарата Веймарской республики были унаследованы от монархии – дипломатический, офицерский, профессорско-преподавательский, судейский, – и активно саботировали новый строй. Аналогичная ситуация сложилась и в сегодняшней России. В нашем демократическом обществе еще очень много остатков старых, тоталитарных структур.

14. За 14 лет Веймарской республики и за 8 лет республики Российской сложившиеся демократические системы себя полностью дискредитировали в глазах избирателей: они ассоциируются с перманентными политическими кризисами, скандалами, разоблачениями, раздробленностью и соперничеством партий, отсутствием национального единства и национальной идеи, вообще отсутствием «порядка». В Германии начала 30-х гг. наведение «порядка» гарантировал Гитлер, немало таких «гарантов» и в сегодняшней России. Известный социолог А. Янов опубликовал в 1994 г. статью «Веймарская Россия». Этот термин не кажется мне большим преувеличением и сегодня.

15. Крах Веймарской республики был обусловлен слабостью германского либерализма, который не стал интегрирующей основой молодой демократии. Идеи западного либерализма были чужды как большинству немцев в 20-е годы, так и большинству россиян сегодня. Две ведущие либеральные центристские партии – Немецкая демократическая и Немецкая народная – бесконечно враждовали между собой, вместо того, чтобы объединиться в борьбе с правым и левым радикализмом. Известный немецкий историк Моммзен справедливо писал, что веймарская парламентская система пала не только под напором национал-социалистов и Гитлера, это произошло и потому, что все важнейшие политические партии (кроме СДПГ) отказались от демократического строя. Не грозит ли и России сегодня подобная опасность? Ибо наш сегодняшний либерализм так же разобщен, как и немецкий либерализм 20-х – начала 30-х гг.

16. Роковую роль в судьбе Веймарской республики сыграл антикоммунизм. Он помешал партиям и их лидерам увидеть наибольшую угрозу парламентской демократии – нацизм. Возможный запрет КПРФ, о котором ходят упорные слухи, если он будет осуществлен Президентом Б.Н. Ельциным в канун выборов в Госдуму и президентских выборов, будет, как представляется, иметь обратный

эффект. Опыт XX века показал уже не раз, что воинствующий антикоммунизм открывает путь к правототалитарной диктатуре. Вытекающая из вышеизложенного и многого другого политическая нестабильность, перманентный политический кризис, частая смена правительств и т.д., привели к быстрому нарастанию недовольства «властью» подавляющего большинства немцев в начале 30-х годов и россиян в конце 90-х годов, к неверию в способность парламента что-нибудь изменить в их жизни.

В Германии, как известно, подобная ситуация давала три реальные альтернативы: а) укрепление Веймарской демократии; б) установление коммунистической диктатуры; в) установление диктатуры нацистской. Все закончилось приходом в 1933 г. Гитлера к власти и национал-социалистической «революцией». Веймарский парламентаризм оказался неспособным отсечь (или хотя бы нейтрализовать) правототалитарную альтернативу. Это стало трагическим, но колоссальным опытом для формирования устойчивой парламентской демократии в ФРГ.

Что будет в России? Каковы наши альтернативы рубежа веков? Граница веков всегда была для России тяжелым испытанием: «смута» конца XVI – начала XVII вв. с крестьянской войной И. Болотникова, польско-шведской интервенцией и сменой царской династии; рубеж XVII – XVIII вв. – кровавые расправы Петра I с оппозицией, жесткие реформы и новая крестьянская война К. Булавина; в XIX век Россия вступила, начав с убийства императора Павла I; XX век начался с войн и революций, а заканчивается крушением коммунистического режима, распадом Советского Союза, глубоким социально-экономическим и политическим кризисом, расколом общества и проблемой выбора путей дальнейшего развития.

Как и в Германии 70 лет назад, в сегодняшней России представляются возможными 3 сценария: а) укрепление и совершенствование российской демократии; б) возврат к коммунистической (модифицированной, естественно) диктатуре; в) установление режима «сильной власти», возможно, власти военных. Способен ли сегодняшний российский парламентаризм не превратить посткоммунистическую Россию в Россию «Веймарскую», учесть исторический опыт двух немецких демократий? Немцы не смогли тогда, в начале 30-х годов, выдержать «испытания демократией», у нее

практически не оказалось защитников. Веймарской республике было отведено по историческому календарю всего 14 лет. Каков срок демократии российской? Количество действительных защитников российской демократии также невелико.

Мы все должны четко осознать, что демократия не обеспечена раз и навсегда, она должна не только себя защищать, но и кормить своих граждан. Ни того, ни другого Веймарская республика не смогла сделать. Не делает этого и демократия российская. Налицо «ножницы» между интересами государства и общества. Национал-социализм обещал эту идентичность восстановить, и сумел в какой-то степени это сделать (другой вопрос – о «цене», которую пришлось за это заплатить). Таких «обещающих» в России сегодня перед выборами немало. Опираясь на опыт Германии и других стран, надо внимательно и скрупулезно подсчитать «цену», которую придется заплатить за достижение согласия в обществе и между обществом и государством.

Выдающийся российский историк В.О. Ключевский писал о том, что история отнюдь не учительница, что она никого ничему не учит, а лишь наказывает за незнание ее уроков. Знание уроков немецкого и иных вариантов парламентаризма для нас сегодня очень актуально, и думается, что мы – историки, философы, политологи и т.д. – в преддверии выборов в меру своих сил и возможностей должны еще и еще раз напомнить и политикам, и избирателям эти горькие уроки, чтобы был учтен как печальный опыт Веймарской республики, так и позитивный опыт Боннской демократии и других демократий мира.

Вопросы и выступления

Мельников А.Н. – Юрий Владимирович, может быть, Вы найдете смелость, чтобы продолжить эту аналогию. Немцев ждал фашизм, мы большевизм-то уже пережили, немного представляем, что это такое, так вот, дальше аналогия разрушается, нас ждет процветание бундесреспублики?

Галактионов Ю.В. – Хотелось бы верить, конечно. Я все-таки оптимист, как и Шульце, но не такой завзятый. Но я не могу отрицать и других альтернатив. Они до конца не отсечены. Россия во время предвыборных кампаний – малопредсказуемая страна.

Заусаева Н.Н. – Юрий Владимирович, а не усматриваете Вы еще одной аналогии между Веймарской республикой и современной Россией в том, что и там, и здесь дискредитированы позиции консерватизма?

Галактионов Ю.В. – Да, конечно, я с Вами согласен.

Галкина Л.А. – Я хотела бы задать два вопроса. Первый вопрос – в связи с теми данными, которые приводил Игорь Бунин и которые, в нарушение всех ожиданий, показывают, что уровень социального оптимизма в обществе не только не упал, а пришел в норму. Несмотря на действительное реальное падение уровня жизни, сейчас идет резкое падение протестного настроения. Как известно, причиной революций, бунтов, протестов бывает не столько абстрактное падение уровня жизни, сколько разрыв между ожиданием и реальной ситуацией. Уровень жизни может расти, но, если уровень ожидания растет еще больше, то это бывает гораздо большей основой для протеста. Около 40%, населения на данный момент оценивают свой уровень жизни как нормальный. Это, в общем-то, уже делает несколько натянутой аналогию с Веймарской республикой.

И второе. На данный момент не прозвучало той силы, которая, в принципе, могла бы олицетворять правую опасность. В 1993 году после победы Жириновского речь об этом действительно шла. Теоретически сначала он, потом Лебедь прогнозировались на эту роль. Сейчас ни он, ни Лебедь, по сути, такой силой не являются. Все остальные экстремистские партии имеют еще меньшую поддержку в народе, и протестные настроения их не усилили. Не является ли этот факт также серьезным отличием от Веймарской республики, которое делает маловероятным повторение ее пути? Спасибо.

Галактионов Ю.В. – Насчет 40%. Я не знаю, откуда московские политологи берут эти цифры. Я живу в Сибири и знаю настроение людей, их уровень ожиданий и притязаний, и я очень сомневаюсь, что 40% россиян наберется, которые оценят свой уровень жизни, как нормальный. Уверен, что это московская цифра. Дальше. Я в выступлении говорил, что, слава Богу, у нас нет такой правой силы, которая была в Веймарской Германии и которую олицетворяли нацисты. Это отличает ситуацию российскую от ситуации германской начала 30-х годов.

Старков А.И. – Юрий Владимирович, вслед за этим отличием вы бы смогли продолжить перечень других отличий между Веймарской Германией и нынешней Россией.

Галактионов Ю.В. – Мог бы, конечно, хотя специально не готовился, искал сходство. Во-первых, разная внешнеполитическая

ситуация. То есть, Веймарская Германия – страна, потерпевшая поражение, опутанная репарациями, долгами, по сути, находившаяся в международной изоляции. Россия, сегодня уже подчеркивали, партнер всех развитых стран. Ну, это уже другая, наконец, эпоха, политическая культура другая. Мы все-таки прожили 70-летний этап тоталитаризма, немцы такого опыта в 20-х и начале 30-х годов не имели. Ну, наверное, еще можно продолжать.

Корнева Л.Н.
ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ
БУНДЕСТАГА ПО РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ ГДР
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ В ФРГ*

После объединения Германии в 1990 г. бундестаг ФРГ принял решение о создании специальной комиссии (Entquete-Kommission) из представителей всех своих фракций. Её задачей стало содействие разработке истории ГДР – «второй диктатуры в Германии» XX века. К работе в комиссии были привлечены историки, политологи, архивисты и др., всего около 300 человек. При этом было представлено огромное число запротоколированных слушаний и докладов экспертов по источниковым материалам. В ходе работы комиссии активно взаимодействовали историческая наука и публицистика.

Первая комиссия работала в 1992-1994 гг. и занималась проблемой собственно возникновения и истории ГДР. Её результаты были обнародованы в 18 томах на 15000 страниц. Главный вывод – в Восточной Германии, несмотря на существование многопартийной системы, имела место диктатура СЕПГ. Более того, комиссия обратила внимание на диктатуру СЕПГ в общеевропейском контексте. В определённой степени можно говорить о диктатуре СЕПГ для всей Германии.

Вторая комиссия работала с 1995 по 1998 гг., и главной её задачей было дать импульс изучению как самой диктатуры СЕПГ, так и

---

* Доклад написан на основе материалов дебатов в бундестаге 17 июля 1998 года и статей, опубликованных в специальном выпуске «Das Parlament», №№ 46-47, 6/13 November 1998.

ситуация. То есть, Веймарская Германия – страна, потерпевшая поражение, опутанная репарациями, долгами, по сути, находившаяся в международной изоляции. Россия, сегодня уже подчеркивали, партнер всех развитых стран. Ну, это уже другая, наконец, эпоха, политическая культура другая. Мы все-таки прожили 70-летний этап тоталитаризма, немцы такого опыта в 20-х и начале 30-х годов не имели. Ну, наверное, еще можно продолжать.

Корнева Л.Н.
ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ
БУНДЕСТАГА ПО РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ ГДР
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ В ФРГ*

После объединения Германии в 1990 г. бундестаг ФРГ принял решение о создании специальной комиссии (Entquete-Kommission) из представителей всех своих фракций. Её задачей стало содействие разработке истории ГДР – «второй диктатуры в Германии» XX века. К работе в комиссии были привлечены историки, политологи, архивисты и др., всего около 300 человек. При этом было представлено огромное число запротоколированных слушаний и докладов экспертов по источниковым материалам. В ходе работы комиссии активно взаимодействовали историческая наука и публицистика.

Первая комиссия работала в 1992-1994 гг. и занималась проблемой собственно возникновения и истории ГДР. Её результаты были обнародованы в 18 томах на 15000 страниц. Главный вывод – в Восточной Германии, несмотря на существование многопартийной системы, имела место диктатура СЕПГ. Более того, комиссия обратила внимание на диктатуру СЕПГ в общеевропейском контексте. В определённой степени можно говорить о диктатуре СЕПГ для всей Германии.

Вторая комиссия работала с 1995 по 1998 гг., и главной её задачей было дать импульс изучению как самой диктатуры СЕПГ, так и

---

* Доклад написан на основе материалов дебатов в бундестаге 17 июля 1998 года и статей, опубликованных в специальном выпуске «Das Parlament», №№ 46-47, 6/13 November 1998.

к преодолению её последствий в объединённой Германии. Наряду с историческими материалами, содержащимися в 800-страничном отчёте и 1000-страничном томе материалов, комиссия сделала ряд предложений для более эффективной работы центральных и местных органов власти по преодолению последствий диктатуры. Комиссию возглавил Маркус Мекль – лидер фракции социал-демократов. Как заметил он, комиссия отказала в участии «придворным историкам Хёнекера».

Общественный интерес ко второй комиссии был не столь острым, как к работе первой комиссии. Ряд экспертов считают это свидетельством политической стабильности и нормализации общества в объединённой Германии к 1995 году.

17 июня 1998 г. (в день памяти жертв антикоммунистического восстания 17 июня 1953 г. в ГДР) в бундестаге развернулись дебаты по оценке работы обеих комиссий (особенно второй комиссии). Эти дебаты дают более глубокое представление о месте и роли парламента ФРГ в общественно-политической жизни страны.

В истории парламентаризма в Европе представительная власть впервые открыто заявила о своей позиции по отношению к путям и направлениям изучения немецкой истории (до этого лишь южно-африканский парламент создал подобную «комиссию правды» по изучению апартеида). В ФРГ в 50-е годы в Мюнхене был создан специальный институт по изучению истории национал-социализма. Однако о широкой волне публикаций в то время не могло быть и речи. Бундестаг никаким образом не участвовал в дискуссии по национал-социализму, не давал никаких политических импульсов историческому исследованию. Тогда бундестаг лишь дистанцировался от нацистской преступной системы и в то же время уходил от деликатной проблемы континуитета с «коричневым прошлым».

В настоящее время комиссия работала на широком фундаменте антитоталитарного консенсуса всех фракций бундестага, т.е. осуждения тоталитарных систем в целом. Одновременно в комиссиях и в бундестаге, а затем и в средствах массовой информации развернулась широкая дискуссия о диктатуре СЕПГ, о её месте в истории тоталитаризма XX века. Выступления парламентариев дают представление об их оценках истории ГДР, политической ситуации в

современной ФРГ в свете исторического континуитета, а также о путях преодоления тоталитарного прошлого в Новых Восточных землях.

Так, ряд политиков считает, что после антикоммунистического восстания в ГДР в 1953 году режим СЕПГ мог существовать только при опоре на советские танки. После 1961 г. также существовала возможность десталинизации, но «участие ГДР в подавлении Пражской весны 1968 года зачеркнуло эту возможность (В. Ленгсфельд – ХДС/ХСС). Отмечалось также, что внутри комиссии обозначились различия в трактовке внешней политики СДПГ 70-80-х гг. (звучала довольно резкая критика со стороны правоконсервативных историков и политологов за «капитуляцию» перед ГДР и «Советами»). Вместе с тем, в оценке взаимоотношений Г. Коля и М. Горбачева проявилось единство (Г. Поппе – «Союз 90/Зеленые»). Депутат Р. Ортлеб (СвДП) обратил внимание на необходимость дифференцированной оценки поведения личности (в том числе и политической). «Были трусы и герои. Многие жители ГДР прожили свою жизнь в чести, достоинстве и правде», – говорил он.

Было предложено создать общие памятники жертвам тоталитарного террора, в частности, жертвам коммунистической диктатуры в ГДР. Было предложено срочно реабилитировать жертвы «режима Хёнекера» и оказать им помощь.

Многие депутаты обращали внимание на полезность их работы в комиссии по историческому наследию ГДР. Работа в комиссии «обогатила политически и научно, дала импульс к самосознанию» (Л. Эльм – ПДС). Депутат З. Фергин (СДПГ) сказал, что «мы, немцы, должны постоянно думать и помнить о двух диктатурах в Германии XX столетия. Думая об этом, мы формируем свое самосознание на основе свобод и прав человека, демократии».

В бундестаге было принято решение о создании специального государственного фонда по финансированию изучения истории ГДР, диктатуры СЕПГ и преодолению её последствий. Депутаты правых и центристских фракций говорили о сохранении её следов в Новых Восточных землях ФРГ и до настоящего времени. В выступлениях депутатов прослеживается мысль, что главная их задача состоит в том, чтобы создать законодательные, политические, морально-нравственные условия для преодоления последствий диктатуры СЕПГ для всего немецкого народа. Остаточные проявления ее депутаты видят в

юстиции, экономике, экологии, морали, особенно в Восточных землях (П. Эппельманн – ХДС/ХСС; Г. Хаффнер – «Союз 90/Зеленые»). С грустью отмечают они, как «представители бывшей номенклатуры ГДР занимают теплые местечки, а не склонившие головы при диктатуре не выдерживают сегодняшней конкуренции». Депутаты считают, что объединенной Германии еще предстоит создать новое общество. Для этого немцы Запада и Востока должны чаще встречаться, помнить свою историю. Было рекомендовано местным властям шире доносить в образование, науку и культуру результаты работы названных специальных комиссий бундестага.

Депутаты некоторых фракций обращали внимание на интерес к работе своих комиссий коллег из стран Центральной и Восточной Европы (бывшего «социалистического лагеря»). Отмечалось, что такая организованная работа по изучению восточногерманской диктатуры стала возможной только с помощью «старой» ФРГ, как бы «извне». Коллеги с Востока отмечали, что подобного нет в их «трансформационном» обществе. Немецкие депутаты отмечают, что вместе с тем в странах Центральной и Восточной Европы не было и такой отчужденности, как внутри немецкой нации, долгое время разделенной на два совершенно разных государства. Как отмечал С. Куппе, «сегодняшний польский коммунист и член польской «Солидарности» стоят друг к другу ближе, чем члены немецкой ПДС (наследницы СЕПГ в ФРГ) и старых западногерманских партий».

Согласие между восточными и западногерманскими коллегами и партиями о конкретных задачах комиссии составилось легко, но в толковании результатов неизбежно возникли противоречия. Представители ПДС, активно работая в обеих комиссиях, тем не менее отказались подписать отчет второй комиссии. Их аргументы сводились к обвинению в необъективности при освещении «многогранной», как говорили они, истории ГДР. Её депутаты известили парламент о давлении на комиссию со стороны правых депутатов бундестага. Депутаты Л. Эльм и др. заявляли, что выводы комиссии о параллелях между историей ГДР и нацистским режимом тенденциозны. История старой ФРГ освещается, подаётся некритично, изображается беспроблемной. В ответ депутаты других партий, среди них представители фракции «зелёных» и «объединение 90», обвинили фракцию ПДС в недостаточно твёрдой антитоталитарной позиции.

В ходе дебатов развернулась дискуссия между депутатами о роли сегодняшней преемницы СЕПГ – ПДС. Часть депутатов считает, что влияние ПДС в Восточных землях тормозит там модернизацию общества. Представители «зеленых» и социалистов критиковали членов ПДС за негативное или равнодушное отношение к демократическим ценностям, за попытки обелить диктатуру СЕПГ (Г. Поппе, С. Хильсберг). Более осторожные оценки высказал представитель ХДС/ХСС Г. Кошик. Он сказал, что в ПДС состоят разные люди, и они имеют право на свободное выражение своего мнения. «У них,- сказал Кошик,- есть право на политические заблуждения».

В ходе работы комиссии и при обсуждении вновь был поднят вопрос об увековечивании памяти жертв тоталитарного террора. Было предложено создать общие памятники и экспозиции в тех местах, где существование нацистских лагерей нашло продолжение в лагерях НКВД 1945-1949 гг. Депутаты призвали коллег увековечить память восстания 17 июня 1953 года как символа защиты свободы и демократии для всей Германии, а также обнародовать списки тех русских солдат и офицеров, которые отказались стрелять в восставших рабочих и были казнены советскими властями. Отмечалось, что Соппротивление диктатуре в ГДР было тесно связано с нарастанием протеста в Польше, Чехии. Депутаты подчеркивали, что одной из важнейших задач внешней политики сегодняшней Германии на границах с Польшей является достижение таких же дружественных отношений, как на западе с Францией.

В целом изучение работы парламентской комиссии имеет большое значение по изучению опыта политической дискуссии в парламенте на историческую тему. Оно показывает возрастание роли бундестага в формировании демократической культуры и антитоталитарного консенсуса в обществе.

Вопросы и выступления

Бетмакаев А.М. – Уважаемая Лидия Николаевна, профессор Шульце говорил о том, что в ФРГ идет дискуссия «о нормальности». В ходе этой дискуссии немецкие интеллектуалы говорили о том, что Германия более 50-ти лет кается за свои грехи, которые связаны с «третьим рейхом», что пора это покаяние закончить, стать нормальной страной и жить дальше. В связи с этим у меня два вопроса. Как повлияла эта дискуссия на работу комиссии? И второе, как комиссия повлияла на ход этой дискуссии? Было ли взаимовлияние?

Корнева Л.Н. – Конечно. Немцы каются все время. Они каются в день установления фашистской диктатуры в Германии, специальные заседания проходят, они перед евреями все время извиняются за события ночи января 1938 года. При объединении Германии, помните, первое, что сделали депутаты, они покаяться перед всеми, причем персонально, перед поляками, перед евреями, перед русскими за весь ущерб, который они нанесли этим нациям. Большинство депутатов считают, что нужно продолжать каяться. Прямых призывов к тому, что нужно прекратить, конечно, не было, я внимательно прочитала выступления всех представителей, кто выступал, они считают, что нужно изучить тоталитарную диктатуру и не допустить ее.

Теперь о давлении. Я считаю, что давление было. В частности, в направлении исследований. Очень многие депутаты говорили, что нужно изучать события 17 июня 1953 года. Они как бы давали задания историкам. Выступали очень критически, особенно от ХДС/ ХСС, с оценкой внешней политики социал-демократов в 70-е годы. Критиковали за то, что пошли на соглашение с режимом Хёнекера, что как бы произошло, когда заключили договоры восточный и нововосточный, то стабилизировали собственно режимы в ГДР. Прямо говорили, что нам нужно переоценить внешнюю политику 70-х годов. Давление, я считаю, было, но другое дело, нужно ли поддаваться этому давлению? Конечно, мне кажется, что в комиссии было слишком сильное влияние политики на историю. Но дело в том, что в Германии существует развитая академическая наука, различные институты и кафедры и т.д. Они давно уже занимались ГДР, и мне кажется, что академическая наука более независима. Хотя многие историки, которые в академических вузах работают, работали в этой комиссии. Эти историки более независимы в оценках. Все-таки, для исторических исследований нужно, чтобы прошло время. Мне кажется, что инициирование – нормально, но только в том случае, если это демократический парламент. Историки должны в этом плане не поддаваться диктатуре.

Бетмакаев А.М. – В этой дискуссии немцев о вине немцев за правый тоталитаризм и за левый тоталитаризм сейчас не складывается тенденции, чтобы забыть преступления 30-х годов и больше сделать акцент на разоблачении восточногерманского коммунизма? Или там в равной степени и то, и другое?

Корнева Л.Н. – Вопрос достаточно серьезный. В Дрездене создан институт по изучению тоталитаризма. В первой комиссии, на мой взгляд, там эта опасность была видна. Я читала выступления 1993 года уже по итогам комиссии, выступления Х. Моммзена, Виппермана, там это влияние видно. ГДР и ее история как бы заслоняет историю нацистской диктатуры, нивелирует преступления нацизма, или релятивизирует. А во второй комиссии, как мне представляется, меньше прослеживается этот момент. Даже в дебатах 17 июня 1998 года почти все выступавшие говорили, что существует разница между нацистской и коммунистической диктатурой, и мы эту разницу признаем. В Германии не было таких репрессий.

Цицилин В.П. – Мы знаем, что правящая партия в ГДР – СЕПГ. Но наравне с этой партией в Германии существовало еще несколько партий. Несут ли они ответственность наравне с СЕПГ за тот период правления, когда они были у власти?

Корнева Л.Н. – Вы знаете, наверное, это вопрос больше к ним, к немцам. В связи с ограниченностью источников я ответить на Ваш вопрос затрудняюсь. Депутатами практически этот вопрос не затрагивается, и у меня сложилось впечатление, что перекладывается вся ответственность на СЕПГ. Связано это с тем, что эти партии, которые существовали в ГДР, они быстрее заявили о своей внутрипартийной перестройке, они быстрее включились в структуру западногерманских партий. Несмотря на переименование в ПДС, с СЕПГ этого не произошло.

Цицилин В.П. – Я потому и задал этот вопрос, что лидеры этих партий, их было 4-5, состояли в различных правительственных структурах, в том числе и в контрразведке и в службе безопасности. Сейчас с такими же названиями существуют партии в ФРГ.

Корнева Л.Н. – Я считаю, что эти партии в ГДР только по названиям были близки к старым партиям, потому что вы же знаете, что они признавали руководящую роль СЕПГ, это было записано в Конституции. В этом плане они были далеки от настоящих парламентских партий. Они выражали более узкие, корпоративные интересы. Какой мог быть либерализм в условиях тоталитарного государства? Господин Шульце не признает, что у нас было советское государство, потому что они просто не признают государство диктатуры,

они считают, что его нет, и не может быть. Мне кажется, что это тоже не правильно. Было государство. Просто у них другое понимание.

Барабанов О.Н. – Лидия Николаевна, как в материалах комиссии оценивалась деятельность лично руководителей ГДР, говорилось ли о них только как о преступниках, как о виновниках, либо на уровне дискуссий принималась в расчет и та логика, которую М. Вольф выразил (на суде он сказал, что не совершал никаких преступлений, что он служил государству ГДР и защищал его интересы)? Так ли было все однозначно в отношении Хёнекера и его приближенных, на личности переходил разговор?

Корнева Л.Н. – Да, тиран, преступник, так он характеризуется. Ваши вопросы свидетельствуют о том, что действительно материалы комиссии являются благодатной почвой для изучения тоталитаризма, демократии, парламентаризма, многопартийной системы. Но они пока недоступны у нас. Довольно жестки в оценках. ПДС в работе принимала участие, они согласны с одними оценками, с другими нет. Осознание ГДР стало проходить по-другому. Участие в комиссии позволило Эльму извне взглянуть на историю ГДР. Но он выразил недовольство, что выслушивались только пострадавшие от режима, а аргументы тех, кто лояльно был настроен, с порога отметались.

Чернышов Ю.Г. – Не совсем научный, а скорее морально-этический вопрос возникает: если парламент демократический, то некоторые не очень правильные вещи ему простительны, а если парламент тоталитарный, то те же самые вещи ему совершенно не простительны? Мне приходилось замечать, что иногда в западных исследованиях тенденциозность сквозит не меньше, чем это было в советские времена. Это происходит обычно в тех ситуациях, когда политики прямо заказывают какие-то научные исследования. Вот, скажем, работы по национальному вопросу очень часто тенденциозны. Пример: Македония и Греция, территориальные притязания, и каждая сторона доказывает, что это исконно ее территория, никакие контраргументы серьезно не взвешиваются, идет сплошная заказная тенденциозность. Мне кажется, что у ученых должны быть объективные критерии, независимо от того, какие реалии они изучают, демократические, коммунистические или нацистские. И если буржуазно-демократический режим, перенимая опыт тоталитарных режимов, заказывает какое-то исследование, платит деньги и требует при этом

поступиться истиной, то это не заслуживает оправдания. У меня такая точка зрения, и мне кажется, что не надо здесь нюансы расставлять в зависимости от того, «наши» это или «не наши», сочувствуем или не сочувствуем. Есть объективные критерии, как Вы думаете?

Корнева Л.Н. – Конечно есть. Дело в том, что в Германии сложилось неприятие тоталитарной системы в любом виде, мягкая она, жесткая, или какая-то средняя. Понимаете? Это «антитоталитарная тенденциозность».

Чернышов Ю.Г. – Тогда еще один вопрос. Бороться с тоталитаризмом нужно, получается, тоже используя авторитарные методы? Или же возможно ограничиться только либеральными методами?

Корнева Л.Н. – Мне, конечно, больше нравится немецкая историография, которая занималась изучением национал-социализма, потому что бундестаг никак напрямую не влиял на эти исследования, то есть никаких комиссий не создавалось, был создан институт в Мюнхене, институт по исследованию национал-социализма, и историки начали заниматься здесь организовано. Потом еще дополнительно в Гамбурге появился Центр исследований и т.д. Это мне больше нравится. На историографию старой ФРГ политика влияла, но опосредованно. А здесь мы впервые сталкиваемся с прямым влиянием. То есть, образовывается комиссия всех фракций бундестага, но опять же в этой же среди этих фракций нет ни коммунистов чистых, ни нацистов, они были отсечены изначально, так же, как в старой ФРГ. Я не случайно задала вопрос господину Лёше о роли запрета КПГ и нацистских партий во время превращения партий из мировоззренческих в народные. Он сказал, что это не влияло, а я считаю, что влияло. То же сейчас, в принципе, происходит в парламенте, там нет чистых коммунистов, чистых нацистов и т.д. Представлены все партии. Они напрямую иницируют, выделяют специальные средства, создают эти комиссии, историки работают, но это, конечно, мне лично не очень нравится. Мне хотелось бы, чтобы изучение тоталитарной диктатуры СЕПГ изучалось бы так же, как национал-социализм. Здесь какая-то торопливость, и меня это обескуражило. Для демократического государства это не очень характерно. Может быть, они ностальгии боялись, возврата. Дело в том, что влияние ПДС в восточных землях действительно сильно. Они,

кажется, и ПДС бы запретили, если бы была такая возможность. Такое прямое инициирование не очень хорошо влияет на историческую науку.

Галкина Л.А. – Я бы хотела в добавление к вопросу Юрия Георгиевича дать небольшую реплику. Тенденциозная наука была и будет всегда, но сам факт вмешательства парламента в вопросы науки, с какими бы благими целями это ни делалось... Действительно, следует создать институт, наряду с ним пусть работают другие институты, выражающие другую точку зрения, не отсекающие придворных историков, но и не создающие своих собственных. Я думаю, что если бы парламент попытался влезть в какую-то другую науку, то это было бы воспринято как анекдот. Почему бы не в физику? Мы действительно все это проходили, вне зависимости от того, демократический это орган или тоталитарный. Вспомните знаменитые тезисы ЦК КПСС, которые к каждому празднику определяли направление развития исторической науки. На мой взгляд, это мало чем отличается. Когда политика вмешивается в сферу гражданского общества, в сферу науки, это никогда ни до чего хорошего не доводило, и вряд ли доведет.

Корнева Л.Н. – Только полное изучение документов, которые собраны этой комиссией, может дать ответ, отрицательно повлияло это на науку, или нет. Было поднято огромное количество архивных материалов, быстрее они были задействованы. Другое дело оценки. Здесь есть опасность давления. К тому же этим занимался не узкий круг людей, как у нас, например, администрация Президента, которая решает, какие архивы открыть. В Германии таких ограничений нет, и это мне кажется положительным.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ (второй день)

Рыжков В.А.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Вчера мы говорили о том, куда мы избираем депутатов, как мы избираем депутатов, а сегодня я хочу поговорить о том, для чего мы это делаем, в чем смысл происходящих в России процессов, какие альтернативы стоят перед нами сегодня и на ближайшие годы, какая

реальная мировоззренческая платформа у тех или иных политических сил.

Я хотел бы начать с короткого анализа. Я думаю, мы вправе сделать сегодня такой короткий обзор в связи с тем, что нам предстоит парламентские и президентские выборы, мы будем полностью менять власть в течение года – власть парламентскую, власть президентскую, власть исполнительную, она будет полностью заменена. И, естественно, перед тем, как мы приступим к замене власти на федеральном уровне, надо понять, где мы находимся, какие реальные задачи стоят перед нацией, какие реальные проблемы стоят перед страной.

В области экономики. Весь смысл существования Российской Федерации последние 10 лет заключался в двух взаимосвязанных процессах. Первый процесс – это вывод из производства тех мощностей, которые не нужны в современных условиях (прежде всего, я имею в виду военно-промышленный комплекс, который, по разным оценкам, составлял до 60% всего промышленного потенциала Советского Союза). Второй процесс – это то, что экономисты называют проеданием советских активов.

Что имеется в виду во втором случае? В Советском Союзе было построено около 15 производственных комплексов, которые были конкурентоспособны на мировой арене. Они позволяют даже в условиях современной полуразрушенной, разбалансированной России получать хорошие прибыли и доходы. Что это за комплексы? Это газовый, нефтяной, лесной и целлюлозно-бумажный комплексы, цветная металлургия, химия, нефтехимия, космический комплекс (коммерческие запуски) и некоторые более мелкие комплексы. То, что я назвал, в совокупности составляет до 90% всего экспорта Российской Федерации. Все это было создано именно в советские годы. Обратите внимание на то, что ни «Газпром», ни нефтяной, ни целлюлозно-бумажный комплексы, ни «Норильский никель», ни все остальные практически ничего нового за эти 10 лет не ввели. Работают прежние производства, модернизированы они в очень незначительной степени – 3-5% от общего объема производства. Все остальное – это старые советские активы, которые нами просто проедаются.

В разные годы страна экспортирует продукции на 70-90 миллиардов долларов. Эти деньги в большей части идут на воспроизводство, но есть какая-то прибыль, которая потом изымается в

бюджет и перераспределяется между населением страны, между бюджетниками, пенсионерами и так далее.

10 лет страна проедает советские активы. Обратите внимание, что за 10 лет в Российской Федерации не возникло ни одного нового крупного нового производства. Ни в одной из отраслей. Ни одного крупного завода, фабрики, технологии. Ничего ровным счетом. Даже то новое, что появляется, на самом деле является старым советским. Скажем, ядерная ракета «Тополь-М» была разработана еще в 70-е годы. Последние истребители Су-27, Су-37 тоже были разработаны в 70-е годы. Тот новый Миг, который сейчас пытаются сделать, тоже был создан в 70-е годы. Последнее крупное обновление основных фондов произошло при правительстве Николая Ивановича Рыжкова в 1986 – 1989 гг. по программе «Ускорение». Именно тогда было занято на Западе примерно 50 миллиардов долларов, которые полностью были пущены на закупку нового технологического оборудования для машиностроения.

Поэтому что мы сейчас имеем в нашей экономике? Мы имеем примерно 10-15 производственных комплексов, которые в совокупности продают на мировом рынке продукции на 70-90 миллиардов долларов продукции ежегодно. При этом эти комплексы 10-15 лет не обновляли свои основные фонды и, в значительной степени, приходят сегодня в упадок. Посмотрите: нефтедобыча с каждым годом у нас сокращается, добыча газа у нас с каждым годом сокращается, по металлу сейчас нас ограничивают очень сильно на западных рынках американцы, в том числе, – в четыре раза сократили закупки наших металлов. То есть мы сейчас сталкиваемся с реальной проблемой, колоссальной проблемой. Для того, чтобы нам технологически обновить наши основные мощности, по оценкам специалистов, нам требуется от 300 до 500 миллиардов долларов. Поэтому, если говорить серьезно, отбросив всяческие идеологии, коммунистическую, либеральную, центристскую, то задача заключается в том, что страна должна быть модернизирована, если она хочет выжить и хочет обеспечить своим гражданам достойный уровень существования. Поэтому вопрос на начало XXI века – каким путем будет осуществляться модернизация страны и возможна ли она вообще. И какой путь для ее модернизации является наиболее правильным. Это с точки зрения экономики.

С точки зрения государственности. В России сегодня нет того, что обычно именуется государством. Потому что государство, в нормальном понимании этого слова, – это система публичных институтов, которые созданы обществом для служения обществу. В нашей стране в современных условиях государство представляет собой систему приватизированных институтов. Приватизированных частными лицами, корпорациями, групповыми интересами, которые в большей степени обслуживают частные групповые интересы, корпоративные интересы, нежели публичные, общенациональные интересы. Вы хорошо это знаете на уровне федеральном. Очевидно, что подобного рода решения невозможны в цивилизованном, нормальном государстве, а возможны лишь в разрушенном государстве, где государство приватизировано частными, корпоративными интересами. Это стало, к сожалению, за последние пять-семь лет нормальной практикой, когда чиновник получает свою должность, будучи посланным на эту должность определенной финансовой группировкой, или промышленной группировкой, или банковской группировкой, и затем обслуживает, так или иначе, интересы этой группировки, а не общенациональные интересы, которые призван защищать.

Таким образом, у нас в последние десять лет произошла не только приватизация экономики, у нас произошла приватизация государства. И приватизированное государство, по определению, не может заниматься модернизацией страны и не может служить общенациональным интересам. Нынешняя российская государственность служит все той же задаче – проеданию советских активов. На федеральном уровне эти группировки способствуют проеданию крупных активов, на региональном уровне региональные группировки способствуют проеданию местных активов – областных, краевых и республиканских бюджетов, небольших местных рынков, таких как нефтяной рынок, рынок лекарств, рынок строительства и так далее. Очень часто региональные власти и местные власти приватизированы отдельными группировками и занимаются обогащением родственников, близких, знакомых, друзей и так далее.

Так что современная российская государственность находится в очень плачевном состоянии, она полуразрушена, она не базируется на основе общенациональных ценностей, принятых элитой и принятых обществом, она приватизирована отдельными лицами и отдельными

группировками. Многие чиновники воспринимают свою работу как систему личных кормлений средневекового типа, феодального, когда должность – это место дохода.

То же самое относится к такой теме, как российский федерализм. На самом деле российский федерализм все больше превращается в достаточно стройную феодальную систему, когда центр и регионы взаимодействуют друг с другом на условиях негласного договора. Регионы говорят: мы закрываем глаза на все, что вы делаете в центре, мы молча соглашаемся с тем, что газовая, нефтяная, никелевая, лесная промышленность и другие самые сладкие куски экономики находятся в руках центра и центральных группировок, но уж вы, друзья, закройте глаза на то, что мы творим здесь внизу, и уж не вмешивайтесь тогда в то, что мы делаем здесь. Примерами такого негласного договора я могу назвать выборы Шаймиева или Рахимова в Татарстане и в Башкортостане, когда выборы были безальтернативные, когда были грубейшие нарушения демократической процедуры. Центр просто закрыл на это глаза в обмен на лояльность этих регионов к самому этому центру. Фактически это система вассально-ленных отношений, когда сюзерен делает, что хочет, и при этом позволяет своим феодалам тоже творить, что они хотят, лишь бы они сохраняли ему лояльность.

Поэтому государственность в последние годы этого века тоже представляет собой достаточно плачевное зрелище. В XX веке мы уже пережили крушение двух порядков – в 1917-1919 годах рухнул старый порядок монархической России, блестяще показанный в фильме Никиты Сергеевича Михалкова «Сибирский цирюльник». Сейчас мы пережили крушение еще одного старого порядка – советского порядка. И вновь пока ответ на вопрос, каким будет новый порядок, не найден. То, что мы сейчас наблюдаем – это не есть новый порядок. Он еще не сложился. И как раз ближайшие выборы, декабрьские и июльские, предопределят, каким будет этот новый порядок. Я сейчас буду говорить о тех альтернативах, которые мы имеем, но пока я лишь констатирую факт, что нынешняя российская государственность представляет собой довольно печальное зрелище, она не может существовать в таком виде долго.

И третий объект для анализа – общество. Я сказал об экономике, я сказал о государстве, теперь несколько слов об обществе. Российская нация как таковая сегодня отсутствует. Это еще одна горькая

констатация, которую нужно всегда иметь в виду, когда мы анализируем политические процессы. Что такое единая нация? Единая нация – это народ, который объединен хотя бы общими принципиальными, хотя бы очень крупными, хотя бы очень общими и упрощенными, но общими представлениями о прошлом, настоящем и будущем.

Сегодняшний российский народ не имеет никаких общих представлений ни по одному предмету. Например, где проходят наши границы? Неизвестно. То ли они проходят по Кулундинской степи, недалеко отсюда, то ли они проходят тремя тысячами километров южнее, в районе Кушки и таджикско-афганской границы. Где наши границы? Признаем ли мы нынешние границы как настоящие границы нашей страны? Если провести в этой аудитории опрос, то выяснится очень большой разброс мнений на этот счет.

Отношение к советскому периоду, то есть к старому порядку. Оно также раскалывает общество на две непримиримые части. Третью, примерно, наших соотечественников считает старый порядок, советский порядок единственно правильным. Две трети не признают этот старый порядок.

Отношение к предстарому порядку, к порядку царской России. Любое простое исследование покажет, что и здесь общество очень сильно расколото. Одни ностальгируют и говорят о том, что нужно вернуться к старым традициям и ценностям, которые были отвергнуты в начале века, другие считают их абсолютно ложными и притивопоставляют этому периоду советский период.

Отношение к форме правления – монархия или республика. Если копнуть глубоко, то окажется, что общество тоже глубоко расколото по этой линии.

Отношение к церкви. До сих пор общество не примирилось с церковью, до сих пор общество не расставило все точки. Так же, как французы. Французам понадобилось 100 лет после Великой французской революции, чтобы установить некие общие принципы взаимоотношения с церковью. Церковь то преследовалась, то перед ней каялись, то она снова преследовалась. Но мира между нацией и церковью не было в течение 100 лет. И пока Республика французская не примирилась с католической церковью в конце XIX века, республика во Франции не получила легитимность. Точно также и современная российская республика, я вчера уже об этом говорил, абсолютно не

легитимна с точки зрения церкви. Церковь не признала российскую республику до сих пор. И это отдельная проблема, плохо осознаваемая обществом, но она существует подспудно, она всегда будет влиять на происходящие в стране процессы.

По всем опросам, общество расколото на три примерно равные части. Причем, этот раскол очень глубокий. Раскол, который в начале века привел к гражданской войне. Сейчас, слава Богу, мы имеем достаточный иммунитет против крови, против насилия, но внутренний раскол, идейный раскол, мировоззренческий раскол является очень глубоким. Все серьезные опросы, не поверхностные опросы «За кого вы проголосуете в ближайшее воскресенье?», а серьезные исследования глубин общественного сознания показывают, что российское общество расколото на три непримиримых лагеря.

Первый лагерь – это сторонники старого порядка, сторонники коммунистических ценностей, коммунистических идеалов, советской системы как системы мировоззрения с ее отрицанием частной собственности, с ее безбожием, с ее верой в то, что можно рационально построить общество равных возможностей и равных прав, с ее верой в том, что государство может урегулировать все. Таких у нас примерно 25-30%. Это нация в нации. Это общество в обществе. Это группа в группе. Это совершенно замкнутая часть нашего народа, которая не воспринимает ничего нового, которая отторгает все новое, и которая стандартно на каждых выборах голосует за КПРФ. Что бы с ней ни делали, она будет приходить и голосовать за КПРФ. Она не расширяется, она уменьшается со временем, потому что люди в основном пожилые входят в эту страту, но это важный фактор политики.

Вторая часть нашего общества – это сторонники либеральных ценностей, западного пути, антикоммунисты убежденные, это сторонники реформ. Они по партийной принадлежности раздроблены. Часть хотела бы голосовать за «Демократический выбор России», часть – за НДР, большая их часть перекочевала к «Яблоку», потому что «Яблоко» – это тот же самый Гайдар по философии, только разница в том, что оно не было у власти и поэтому не отвечает за развал. С точки зрения мировоззренческой, философской это такие же западники, как и Гайдар. Но так как они ни за что не отвечают и всегда критиковали Ельцина, то эта часть населения, которая привержена либеральным, западным ценностям, перекочевала от Гайдара к Явлинскому. Если

вдруг Явлинский будет дискредитирован, появится кто-то новый. Но это тоже страта общества, она не приемлет коммунизм, она не приемлет старый порядок, она стремится в Европу, она стремится к западноевропейским ценностям и жизненным стандартам, она абсолютно противостоит коммунистам.

Третья часть общества, условно ее можно назвать националисты, это люди, которые немного ностальгируют по старому порядку, потому что была твердая власть, твердая рука. В то же самое время они не приемлют коммунизм за разрушение храмов, расстрелы священников, за поругание национальной культуры, национальных традиций. Но они абсолютно не приемлют Запад, потому что считают, что Россия и Запад – это несовместимо, и Россия должна идти особым национальным путем. И эти люди голосуют в 1993 году за Жириновского, в 1995 году частично за Жириновского, частично за коммунистов, потому что вдруг им показалось, что новые коммунисты несут национальную идею, в 1996 году они отдают 15% голосов за Лебеда на президентских выборах. Куда качнется эта треть на этих выборах, трудно сказать, но она будет искать воплощение этого национального духа, национальной идеи частично, может быть, у коммунистов, частично у Лебеда, частично у нового НДР, частично еще у кого-то. Одним словом, это такая часть общества, которая и не за коммунистов, и не за демократов, а за что-то свое, национальное, особое.

И, обратите внимание, каждый из этих субстратов нашего общества абсолютно обособлен от другого, совершенно по-своему видит все ключевые вопросы. Скажем, где коммунисты видят границы России? По старой границе СССР, включая Прибалтику. Где демократы, либералы видят Россию? Там, где сейчас проходит граница. Они смирились с тем, что ушли Казахстан, Украина, Молдавия, Грузия и так далее. Смирились и говорят: хорошо, мы обустроим то, что нам осталось. Где видят границы националисты? Они еще и Варшаву захватывают. Они говорят: а что, было Царство Польское, очень даже неплохо – до Берлина рукой подать.

Вопрос государственного устройства. Коммунисты: возродить Советы. В крае у нас, в частности, возрождают. Демократы: запретить Компартию, только буржуазный парламентаризм, никаких рудиментов старого порядка. Националисты. Большая часть внутренне хотела бы восстановления монархии. Надо восстановить Романовых, монархию,

кресты, позументы, желтые стяги. На Соборную площадь на белом коне выезжает монарх. Мы все это видели в фильме Михалкова.

Экономика – три непримиримые точки зрения. Коммунисты: национализация основных отраслей, нефтяной, газовой, металлургической, лесной отраслей, национализация основных активов, плановая экономика, жесткое государственное регулирование и все, что из этого вытекает. Либералы: все раздолбать до конца, все приватизировать, никакой национализации, лучше всего отдать западным инвесторам, интегрироваться в западноевропейскую экономику и жить как на Западе. Националисты: очень темные представления об экономике. С одной стороны, плохо коммунизм, с другой стороны, плохо либерализм. Нужен особый путь. В чем он состоит, сформулировать не могут. Но твердо стоят на том, что он должен быть особый. Первое, что им приходит в голову – это высокие заградительные пошлины, защита отечественного производителя. Ввести высочайшие ввозные пошлины, чтобы сюда ввозить было невыгодно, чтобы все производили сами.

Так что, когда мы констатируем, что элита расколота, то давайте посмотрим глубже – нация расколота. Единого российского народа не существует. Есть польский народ, есть чешский народ, есть венгерский народ, но нет единого украинского народа, который также глубоко расколот, как и мы, нет единого российского народа и, кстати, нет единого белорусского народа. Когда мы говорим об объединении с Белоруссией, то мы должны спрашивать: с кем мы хотим объединяться? Белоруссия глубоко расколота на два непримиримых лагеря – сторонников самостоятельного пути и сторонников западного пути. И, причем, сторонников западного пути там очень много, и они достаточно сильны. Еще один пример глубоко расколотого общества – Югославия. Посмотрите на все, что там происходит последние десять лет – это глубоко, непримиримо расколотое общество, общество, в котором заложен ген самораспада. Поэтому, мне кажется, мы должны очень серьезно отнестись к тому, что происходит в России, и не недооценивать те опасности, которые перед нами стоят. Мы глубоко расколотая нация, где идет внутренняя гражданская война, гражданская война между глубоко противоречащими друг другу ценностями. Мы расколоты философски, ценностно, религиозно, экономически, политически и культурно. Мы глубоко расколотая нация. И в этом смысле мое

убеждение заключается в том, что возрождение России невозможно до тех пор, пока не будет осуществлен глубокий внутренний синтез нации, глубокое внутреннее примирение и глубокое внутреннее согласие, хотя бы по пяти-шести основным вещам: где наши границы, какие основы мы кладем в основу нашей экономики, какой тип государственности мы избираем, как мы примираемся с религией, как мы обеспечиваем легитимность республики и так далее. Перехожу к практической политологии.

Возьмем последний опрос ВЦИОМа за 27 июля. Стандартный вопрос: «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за какую из партий вы бы проголосовали?» Получается ответ, который замечательным образом иллюстрирует то, что я говорил раньше. Первое место – КПРФ, 19%, второе место – «Яблоко», 16%, третье место – «Отечество», 15%. В совокупности, как вы видите, три эти партии набирают 50% голосов, то есть втроем, по этому опросу, формируют половину нашего будущего парламента. Я здесь отбрасываю одномандатные округа. Опыт 1995 года показал, что, как правило, количество голосов, поданных за список, и процент депутатов, избранных по одномандатным округам, совпадают. У КПРФ совпал, у НДР совпал, у «Яблока» совпал, единственное исключение – это ЛДПР, которая получила 11% по списку и 0% по округам. Дальше с огромным отрывом: ЛДПР – 6%, НДР – 4%, РНРП Лебеда – 5%, а все остальные – два, три, один процент.

О чем это говорит? Мы как на ладони видим три мировоззренческих лагеря, выраженных уже в партийной структуре. Странники старого советского порядка – это КПРФ. 19% готовы голосовать на выборах. Странники либерального, западного пути – это «Яблоко», 16%. И странники того, что называется «партия власти», «свой путь», «крепкие хозяйственники», «центристы», «отечественные производители» и так далее – это «Отечество» Лужкова, очень точный образ, 15%. Вот в совокупности половина. Все остальные, кто не попадает точно в эти образы либералов, коммунистов, крепких хозяйственников, они подбирают остатки электората. Где-то отзвук национализма – 6% ЛДПР, где-то отзвук либерализма, но с более национальным оттенком – 4% НДР, где-то национализм Лебеда – 5%, «Правое дело» – 3% – это тоже либералы... У нас либералы делятся на две части – опозорившиеся и не опозорившиеся. Те, кто был у власти,

опозорились, те, кто не был, популярны. «Яблоко» не опозорилось, «Правое дело» опозорилось.

Таким образом, мы видим, что этот внутренний глубокий раскол нации прямо выражается в результатах парламентских выборов и результатах социологических опросов. Таким образом, давайте прямо скажем, что нам сегодня с вами предлагают три, только три реальных альтернативы. И общество ждет только трех реальных альтернатив. Здесь очень глубокая связь. Элита и общество, и мне кажется, что российская элита в лице КПРФ, либералов «Яблока» и новой «партии власти» – новых хозяйственников, новых руководителей, она не столько формулирует то, что нужно сформулировать, чтобы повести за собой общество, в большей степени она подстраивается под общество. То есть общество ведет элиту, а не элита ведет общество.

Три альтернативы. Я их называю левая модернизация, либерально-западная модернизация и азиатско-почвенническая модернизация. Некоторые исследователи называют третью альтернативу новым социализмом. В чем суть этих альтернатив, очень коротко. Левая модернизация (в случае, если доминировать будут КПРФ и ее союзники): в экономической области, я уже сказал, национализация, плановое регулирование, закрытие страны в значительной степени от внешних рынков; в политической, в государственной области: попытка восстановления прежней рациональной системы, когда одна партия управляет всем, подавляя другие; в области общества: безусловно, подавление свобод. Вы видите, что КПРФ все последние годы бьется за подавление свободы слова, за взятие под контроль средств массовой информации. Они по-прежнему непримиримы к оппонентам, вы это видите каждый день на практике, в том числе у нас в крае как это происходит. Они по-прежнему непримиримы, они по-прежнему готовы к борьбе, к уничтожению, к войне, к подавлению и так далее. Мое глубокое убеждение, что эта модернизация приведет Россию к распаду. Экономически такая модель не даст возможности привлечь тот объем инвестиций, который нам необходим – 300-500 миллиардов долларов, их просто не будет. Через некоторое время советские активы будут проедены окончательно, инфраструктура доразрушится, и страна просто исчезнет. Она просто провалится еще глубже, чем она находится сейчас. При этом мы потеряем нашу свободу, мы потеряем нашу демократию. Поэтому я глубоко убежден, что путь левой модернизации чудовищно

опасен, губителен для страны. Единственное, что меня утешает, что он абсолютно невозможен. У коммунистов нет никаких шансов, я на этом настаиваю, нет никаких шансов вернуться к власти. 70% населения не приемлет старый порядок. Это в прошлом. Они будут получать большой процент на парламентских выборах, они, возможно, будут контролировать до десятка регионов страны, где очень сильны коммунистические настроения, но в целом к власти в Российской Федерации левые больше не придут.

Вторая, либерально-западная альтернатива. В целом, по провозглашенным целям – рыночная экономика, демократическое государство и либеральное гражданское общество, это наиболее правильный путь для развития страны. Проблема заключается в том, что конкретные носители либеральной идеи в 90-х годах и сейчас показали недостаточную квалификацию для того, чтобы обеспечить модернизацию страны на этом пути. Они недооценили экономические трудности, политические риски, недооценили неготовность общества к либеральным реформам. В итоге та генерация либералов-западников, которая была у власти – Гайдар, Чубайс, Немцов и другие, потерпела тяжелейшую неудачу, а самое главное, что они сами были архитекторами многих негативных явлений, которые существуют в стране. Например, залоговые аукционы 1996 года, когда РАО «Норильский никель», которое имеет ежегодный объем продаж 3,8 миллиарда долларов, было уступлено «ОНЭКСИМ-банку» под залог за 170 миллионов долларов. При годовом объеме продаж 3,8 миллиарда долларов. Это делали либералы-рыночники-западники. Это факт. Таких фактов, к сожалению, огромное количество, и, естественно, это противоречие между заявленными целями и конкретной политической и экономической практикой привело к той тяжелой дискредитации, которую переживает сегодня этот лагерь, правый лагерь, наш лагерь, я могу сказать, в текущих политических условиях. Поэтому вопрос заключается в том, способна ли та генерация либералов-реформаторов, которая была у власти, возродиться. Думаю, что вряд ли. Второй вопрос – способна ли альтернативная генерация либералов-реформаторов в лице «Яблока» обеспечить квалифицированное управление страной в случае прихода к власти? Тоже есть сомнение. И вопрос третий – в этой связи как обеспечить, чтобы страна шла вперед, модернизировалась, как

найти тех носителей, которые этот вариант модернизации все-таки смогут осуществить? Пока это ключевая проблема нашей стратегии.

Третий путь модернизации, то, что называют новым социализмом, то, что я называю азиатским вариантом. Я не хотел бы только, чтобы это было воспринято как выступление с критикой, скажем, Лужкова. Это было бы несправедливо, потому что Лужков, как московский мэр, гораздо более европейский руководитель, чем многие из тех, о ком я буду говорить сегодня. Я хочу сказать, что речь идет об общенациональном явлении, которое стало нормой, по моим подсчетам, примерно в 60 субъектах Федерации из 89. Суть этого явления сводится к следующему. Лидеры такого типа сочетают в себе представления об экономике корпоративистского типа, что-то вроде муссолиньевского типа экономической модернизации 30-х годов в Италии, корпоративная капиталистическая экономика с социалистической политической риторикой. Лидеры такого типа примерно рассуждают так: да нет, конечно, мы коммунизм не возродим, что за глупость, конечно, должна быть частная собственность, должен быть крупный капитал, мы в этом смысле реформаторы, мы не пойдем назад. Причем, они говорят так: вот демократы все развалили, а мы вам гарантируем, что трамваи будут ходить, свет будет гореть, телевизор будет показывать, и лифты будут работать, и мусор будет вывозиться. При этом вы не обращайте внимания, что сын у меня президент банка, куда закачаны все бюджетные средства региона, зять у меня руководит нефтяным бизнесом, дочка у меня член правления крупного банка, сам я учредитель десятка фирм. Да, мы немножко со своей семьей и друзьями подворовываем, но зато у вас ходят трамваи и лифты работают. И мы лучше, чем те демократы, которые все развалили, потому что они точно так же воруют, как и мы, только при них трамваи не ходят и лифты не работают. Поэтому народу предлагается выбирать лучшую альтернативу – такую же коррумпированную власть, но хотя бы трамваи будут ходить, и горячая вода будет зимой. В политическом смысле такие группировки также настроены на подавление свобод. Они заинтересованы в том, чтобы сохранить демократический антураж, видимость свободных выборов, видимость свободы прессы. Но на самом деле оказывается, как это было, скажем, в Кузбассе и других регионах, что депутатами становятся те, кого называет губернатор. За редким-редким исключением. Так же это было и в других регионах, Я их не хочу

перечислять, но это факт. То есть демократия вроде бы как сохраняется, но это получается демократия по-тайваньски. На Тайване тоже есть парламент. Только его члены назначаются указами президента за высокие заслуги перед народом. То есть своеобразное понимание экономики, как экономики для своих, своеобразное понимание демократии, как демократии для себя, и своеобразное понимание свободы, как свободы до тех пор, пока ты мне не угрожаешь. Как только ты мне начинаешь угрожать, ты лишаешься своей свободы.

Эта модель, которая широко была опробована, начиная с 50-х годов, в Юго-Восточной Азии – это Южная Корея, это Гонконг, это Тайвань, это Сингапур, это Индонезия, это Малайзия. Причем, что любопытно. Такая модель дала в определенном ряде случаев бурный экономический рост, но в конце 90-х годов оказалось, что такая модель экономически также неконкурентоспособна. Потому что экономика для своих не выдерживает конкуренции с более открытыми рынками Западной Европы и Соединенных Штатов. В итоге сейчас практически во всех этих странах идет очень быстрая либерализация экономики, либерализация общества. И в Южной Корее, и в Малайзии, и в других странах, и в Японии идет очень быстрая либерализация. В частности, Япония впервые сейчас пошла на открытость своей банковской системы, чего она никогда не позволяла себе делать.

Итак, перед нами три альтернативы. Левая модернизация по-советски, либеральная модернизация по-западному, но без носителей, которым мы могли бы вполне доверять, их квалификации, твердости и решительности, и азиатская модернизация, которая приводит нас к ограничению конкуренции, свободы, но при этом дает гарантии бытовых удобств, и, может быть даже, при определенном стечении обстоятельств, экономического роста. Хотя сразу хочу сказать, что пока вот в тех 60 регионах, где победила эта модель, никакого экономического роста не наблюдается. Коррупция – да, минимальный уровень бытовых удобств – да, но экономического роста, инвестиций там нет. Поэтому здесь этот вопрос достаточно спорный. Сможет ли эта модель в российских условиях дать тот объем модернизации, который нам необходим?

Естественно зреет внутренний вопрос, я к этому подвожу, он должен созреть: что же делать, какой путь настоящий, какой путь истинный? Истинным путем, на мой взгляд, называется то, что я

формулирую как новый российский консерватизм или как консервативная революция. И этот правильный путь модернизации страны должен строиться, на мой взгляд, на трех китах. Первый кит – это отношение к государству. И главный лозунг здесь – национализация государства. Мы должны национализировать наше государство, мы должны вернуть государству его истинный смысл. Государство должно перестать быть сборищем корпоративных лоббистов, защищающих свои частные интересы.

Государство должно стать институтом, или системой институтов, служащих общенациональным интересам. В принципе, прообраз такого государства мы уже видели при премьерстве Примакова, который действительно, при всей своей дремучести в экономическом смысле (он совершенно не понимает современную экономику), при его весьма своеобразном отношении к демократии (он писал резолюции «Такого-то считаю необходимым немедленно арестовать. Примаков»), при его весьма своеобразном представлении о современном мире и так далее, тем не менее, в чем Примакову не откажешь – это в том, что он совершенно правильно понимает, что есть государство. Он совершенно не приемлет приватизированное государство, и он действительно стремился все восемь месяцев к национализации государства. В частности, он проводил жесточайшие проверки по всем назначенцам в правительство на предмет связи с корпоративными структурами, на предмет личной коррумпированности.

Второе – экономика. Мы должны строить будущую российскую экономику на современных принципах. Я не хочу их называть либеральными, западными. Они просто современные. Экономика должна быть прозрачной. Правила экономической жизни должны быть общими для всех. При этом государство должно быть предельно жестким и даже жестоким по отношению к субъектам экономической жизни. Налоги должны быть снижены в два раза, но при этом они должны собираться жесточайшим образом. За невыполнение контракта, за невозврат кредита, за невыплату налогов – вплоть до уголовной ответственности. Но при этом государство должно обеспечить комфортные правила экономической жизни: низкие налоги, инвестиционная привлекательность страны. То, что делают китайцы, и никак не можем научиться делать мы.

В области общества. Мы не должны в XXI веке потерять то, что мы выстрадали на протяжении всего трагического XX века. Мы не должны потерять свободу. Это, может быть, единственное достижение последних 10-15 лет. Мы должны сохранить демократическую процедуру, мы должны сохранить свободные, открытые выборы, мы должны сохранить многопартийность, мы должны сохранить индивидуальную свободу и индивидуальные гражданские права.

Вот платформа для нового российского государства. Честное, профессиональное, некоррупцированное государство, открытая рыночная экономика с равными правилами для всех и свободное гражданское общество, которое обеспечивает индивидуальную свободу гражданина. Как вы видите, по всем трем линиям эта концепция противостоит трем альтернативам, которые стоят перед нами. Демократическое открытое некоррупцированное государство противостоит и левой модернизации, и азиатской модернизации. Экономическая модель противостоит и коммунистам, и азиатской модели. И гражданская модель, модель свободы, противостоит и коммунистам, и азиатскому варианту.

Проблема заключается в том, что у этой концепции нет сегодня носителя. Нет политической силы в стране, которая бы ясно и четко отстаивала бы эту концепцию. Потому что коммунисты не подходят, по понятным причинам, либералы не подходят, в частности «Яблоко», потому что у них нет той силы, той мощи, той жесткости, которая необходима для того, чтобы осуществить эту концепцию. И не подходит третий вариант, потому что третий вариант не приемлет открытую рыночную экономику и достаточно сомнительно относится к частным свободам, к политическим свободам.

Поэтому, скорее всего, на предстоящих парламентских и президентских выборах мы с вами, как и в 1991, и в 1996 году, выберем наименьшее зло. Скорее всего, мы с вами выберем третий вариант, то есть вариант нового социализма, или азиатский вариант. Может быть, этот вариант в какой-то комбинации со вторым вариантом, либерально-западным. Абсолютно исключен первый вариант – левой модернизации. Скорее всего, в ближайшие четыре-пять лет страна пойдет по пути комбинации азиатского варианта и либерально-западного варианта.

Но в чистом виде неоконсервативный вариант будет востребован обществом. Он в любом случае будет востребован через три года, через

пять лет. И я для себя формулирую задачу, что надо обязательно в ближайшие четыре-пять лет сформировать такую политическую силу, которая будет во всей мощи, красоте и цельности отстаивать эту неоконсервативную философию, которая, на мой взгляд, единственная способна сделать Россию конкурентоспособной в течение XXI века. Время для этой идеологии придет, это время уже недалеко, и сейчас задача заключается в том, чтобы очень ясно сформулировать экономическую программу, философскую концепцию, политическую программу этого движения, а самое главное – подобрать ту команду по всей стране, которая через четыре года представит эту концепцию, эту программу на парламентских выборах, а потом и на президентских выборах. Я уверен в том, что за этой концепцией будущее, и именно эта платформа может стать объединительной для страны.

Заканчивается XX век, век великих искушений и великих испытаний. Причем, это относится не только к России, это относится ко всему человечеству. Никогда еще люди не проходили перед такими великими искушениями. Ницше в конце прошлого века ввел все человечество в одно великое искушение. Он сказал: а зачем, вообще, Бог нужен, если человек сам – Бог, если человек сам настолько силен, прекрасен, если в нем кипят такие страсти, что ему Бог не нужен. И весь XX век человечество пыталось отвергать Бога. Причем, не только Россия, русские, но и немцы в Третьем рейхе тоже отрицали Бога.

Второе искушение, через которое прошло человечество – это искушение, идущее еще от Вольтера (а, может быть, Юрий Георгиевич скажет, что это было еще раньше, он написал книгу о «золотом веке»).¹ Это называется искушением счастливо построенным обществом. Человечеству вдруг показалось, что можно построить общество идеальное, рациональное, что разум человека способен построить общество, которое спланировано таким образом, что в нем все будут счастливы. И через это великое искушение прошли все – прошла Россия, прошла Германия, прошла Франция с ее левацкими замашками XX века, прошли все нации, прошла Италия.

---

¹ Имеется в виду работа: Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1-2. Изд. 2-е. Новосибирск, 1994. Это и другие исследования показывают, что «второе искушение» действительно намного древнее Вольтера - *Прим. ред.*

Третье великое искушение – искушение наукой. Именно в XX веке наука стала могущественной как никогда. Человек вдруг обнаружил, что у него нет никаких границ, он может пересаживать живые органы из организма в организм, он может менять гены, он может сделать овечку Долли, он может взорвать ядерную бомбу, он может погрузиться на дно Марианской впадины, он вышел в космос, и ему вдруг показалось, что он действительно Бог, он может все.

И что получилось в итоге XX века? Искушение безбожием, к чему оно привело Россию, в частности? Оно привело к тому, что к концу XX века, когда мы разрушили храмы, уничтожили священников, отринули Бога из своего сердца, вдруг оказалось, что у нас в душе пусто. Пусто. Мы отвергли один старый порядок, сейчас мы отвергли второй старый порядок, а в душе пустота. И вдруг оказалось, что нам страшно жить на этой земле, потому что в душе у нас пусто и у нас нет в душе Бога.

Искушение рациональным обществом. Вот здесь, рядом совсем, на Горе, тысячи людей с простреленными черепами лежат под соснами, и стоит скромный памятник жертвам репрессий. А был еще Освенцим, был Дахау, была Камбоджа, был Китай, была культурная революция. Сотни миллионов людей потеряло человечество как цену за это искушение. Оказалось, что невозможно построить справедливое общество, если у тебя нет Бога в душе и если ты чересчур уверен в своих силах.

Искушение наукой. Вот Семипалатинский полигон, вот Алтайский край, вот больные дети, вот отравленная природа, вот погубленные поля и леса. Оказалось, что и здесь человек так же ничтожен, как и в начале XX века, как и в его конце. Да, у него в руках дорогие, опасные игрушки, но где гарантия, что он в состоянии ими распоряжаться, где гарантия, что он не уничтожит себя и весь мир вместе с собой.

Мне кажется, новый российский консерватизм – это не какая-то политическая программа. Это целая философская система, которая говорит о том, что нужно перестать бросаться за каждым новым искушением, нужно быть скромнее, нужно вспомнить о том, что жизнь наша коротка, что мы многого не знаем и не понимаем и не в состоянии понять в принципе, что мы алчны, истеричны, пугливы, восторженны, слабы. И что только вернувшись к каким-то истинным ценностям, ценностям культуры, языка, религии, тысячелетней традиции,

государственности, личной порядочности, дружбы, семьи, нестяжательства, служения обществу, честного профессионального труда, порядка в доме и во дворе, порядка на улице, только вернувшись к принципам восприятия мира, мира без шор, без стереотипов (ведь русские всегда брали все лучшее и не стеснялись этого, почему мы сейчас этого начали стесняться?), вернувшись к истинной свободе, свободе с Богом в сердце и с Богом в душе, только так мы сможем построить новую Россию. И мне кажется, что эта философия снимает эти три противоречия. Она снимает противоречия трех ложных путей – левой модернизации, западной модернизации и модернизации хапка. Она снимает эти противоречия и позволяет строить общество на чистой, достаточно прочной основе традиции, на основе возвращения к каким-то истинным российским ценностям, ценностям нашей нации.

Мне представляется, что, конечно же, к сожалению, предстоящие парламентские и президентские выборы, к сожалению, не приведут пока к объединению нации на единой платформе. Скорее всего, они продолжат на какое-то время, на четыре, на пять лет вот это состояние неопределенности, разброда и раскола. В то же самое время я вижу огромное количество признаков, говорящих за то, что нация начинает постепенно объединяться, собираться с силами и стремиться к воссоединению. Пушкинский юбилей, шукшинский юбилей, общее стремление к согласию, общее неприятие разрушительных сил в политике, – все это говорит за то, что постепенно нация начинает собираться. В начале XVII века понадобилось также около 20-ти лет для того, чтобы пройти смуту, для того, чтобы вернуться к национальному единству, к национальному государству и к собиранию земли. Это примерно срок одного поколения. Срок одного поколения, когда человек, родившийся в 1985 году, вырастет, растет, воспитывается, и это новое поколение замещает старое поколение, оно станет цементирующим слоем для нового порядка, который постепенно возникает в России.

Я надеюсь, что эта новая Россия будет сильным, национальным, уважаемым в мире государством. Я надеюсь, что в ней будет открытая, конкурентоспособная, современная экономика. Я надеюсь, что это будет свободное общество, где человек будет чувствовать себя свободно, достойно, где он с удовольствием будет говорить на родном языке, где он с удовольствием будет привержен национальной традиции,

национальной религии. И я думаю, что эта новая Россия будет именно Россией XXI века. Спасибо.

Вопросы и выступления

Шульце П. – Общество в Западной Европе – не гомогенное, не монолитное общество, которое в едином порыве осуществляет единую задачу. Оно настолько же расколото и дифференцировано, как и Россия, может быть, в большей мере, чем Россия. И мне кажется, что любой предпосылкой любой модернизации может быть дифференцированное общество, где имеются различные интересы, где в ходе дискуссии, или диалога, пытаются найти какие-то новые пути развития, которые отвечали бы интересам большей части общества. И естественно, что такое дифференцированное общество может создать только плюралистические общественные структуры.

И у нас есть различные модели, формы такой организации – это Италия, Испания, Германия, Швеция. И при всех различиях между этими моделями между ними идет постоянный диалог. И при этом никто не отрицает своеобразие национальной культуры. Конечно, нам не нужна Европа, которая превратится в «общество Макдональдс». Европа для нас – это, прежде всего, плюрализм мнений, политический плюрализм. И при этом своеобразное российское общество стало бы одной из тех шестеренок, которые работали бы во всем европейском механизме. Поэтому, мне кажется, что попытки здесь, в России, найти свой путь, который будет изолирован, не в контакте с теми процессами, которые происходят в Европе и в мире, – для меня это страшная картина будущего. Если Россия хочет пойти по «новому консервативному» пути – ради Бога, но идите рука об руку с Европой.

Рыжков В.А. – Петер, я не буду повторять все свое выступление, потому что у меня впечатление, что Вы ничего не поняли из того, что я говорил. Как можно говорить, что западное общество так же расколото, как и российское?! Это же совершенно невозможный тезис. Дело в том, что плюрализм в Германии покоится на определенном консенсусе, на определенных ценностях, которые приняты всем обществом. Выборы в бундестаг, прошедшие год назад, не были выбором пути. А у нас всякие выборы носят учредительный характер. Раскол западного общества носит качественно иной характер. У нас, например, до сих пор нет ответа на вопрос: «Частная собственность – это хорошо или плохо?». У нас это предмет очень жаркой общественной дискуссии. И я бы не

сказал, что у нас все считают, что у нас должна быть частная собственность. У нас индивидуальная свобода и права человека до сих пор являются предметом обсуждения. И до сих пор значительная часть общества считает, что если не будет свободы, то ничего страшного. Лишь бы было тепло в домах. У нас к Гулагу далеко не однозначное отношение. По опросам, треть общества считает, что Гулаг был оправданной мерой.

Что касается того, не проще ли нам подключиться к той дискуссии, которая идет в Европе. Петер, я задаю Вам вопрос: «А с какой частью общества Вы бы хотели вести дискуссию?». Перед Вами три разные России. Я могу организовать Вам дискуссию с советской Россией прямо здесь, в Барнауле, с товарищем Неменовым. Получите большое удовольствие. У них совершенно свое представление о том, что происходит со страной, и что произойдет в будущем. Я могу организовать дискуссию с либералами. Они здесь присутствуют в большом количестве. У Вас будет гораздо более приятное впечатление. Но это не значит, что это вся Россия. Это только часть России. Я Вам могу казаков пригласить. Это будет третья Россия, сильно отличающаяся от первой и от второй. И поэтому, когда Вы говорите, что надо наладить диалог Россия – Запад, то я всегда спрашиваю: «С какой Россией?». Эти три России не примирились внутренне между собой. Каждая из них настаивает, что только она одна есть истинная и единственная. Каждая из трех говорит, что надо идти только ее путем. Ведь только при формировании единой национальной платформы можно было бы вести диалог с Европой, интегрироваться с Европой.

Вы себя сами спросите, почему европейцы так опасаются, куда пойдет Россия. Вы же сами только что сказали, что неизвестно, куда пойдет Россия. России единой не существует. Есть внутренне расколота нация, которая еще думает, каким путем ей пойти. А Германия уже учреждена, и в уже учрежденном государстве идет борьба интересов, группировок, различных стратегий. Но государство учреждено. Новое российское государство еще не учреждено. Есть «режим четвертой республики», который очень непрочен, и который, скорее всего, уйдет вместе с Ельциным. А что впереди? Сейчас идет борьба за основы, на которых будет учреждено российское государство. И мы, все здесь присутствующие, постараемся, чтобы 1999-2000 гг. двинули страну в нужном направлении. Я не думаю, что мы получим оптимум на этих

выборах, но, по крайней мере, избежим каких-нибудь совсем нехороших сценариев.

Записка господина **Бетмакаева**, моего коллеги по историческому факультету: «Какое отношение к «новому консерватизму» имеет НДР? Не относится ли НДР к «провалившимся» либералам?». К «опозорившимся, нечистым, сволочным и т.д.».

НДР с самого начала отличалась от либералов. Во-первых, большим этатизмом, большим вниманием к государству. Действительно, Петер говорил, модернизацию невозможно осуществить без активного государства. И, второе, у нас... не такой либеральный правозащитный взгляд на мир, как у либералов. Я могу по Чечне сказать. Я в 1994-1995 годах иначе смотрел на действия Ельцина, чем Ковалев и Гайдар. Я тогда считал и сейчас считаю, что государство вправе применять силу на своей территории, если есть угроза сепаратизма. Другой вопрос – к военным, ФСБ, разведке, которые абсолютно провалили эту операцию. И, с точки зрения политического решения, Ельцин был обязан принять решение применить силу. Другое дело, что Ельцин несет ответственность за предшествующий период, когда в Чечне возрастал Дудаев, в том числе и при поддержке федерального центра. Ельцин должен был принять решение так же, как это сделал месяц назад в Польше Президент-социалист Квасьневский (когда польские фермеры перекрыли дороги, их дубинками смели с этих дорог). Потому что этого требовал государственный интерес. Точно так же мы должны были смести в прошлом году шахтеров с железнодорожных путей. И могу объяснить почему. Весной прошлого года с Японией был подписан долгосрочный контракт на перевозку транзитных грузов по Транссибу в Европу с Дальнего Востока. Срок следования состава – 6 дней. Это самый короткий путь перевозки товаров по маршруту Европа – Азия. Этот контракт развалился из-за шахтеров, которые сидели на рельсах. Вот пример различия между консерватором и либералом. Консерватор считает, что дубинки должны пускаться в ход, когда этого требуют национальные интересы. Либерал считает, что дубинки должны быть разрезаны на резиновые шайбы. Поэтому НДР всегда был сторонником консервативного подхода.

В то же самое время, и НДР, и Черномырдин лично несут очень большую ответственность за то, что происходило в стране все эти годы. И эту проблему я открыто признаю. У нового консерватизма нет

носителей. Все возможные носители уже дискредитированы. Новых не видно. И это течение находится в глубоком кризисе. И Петер правильно сказал, что те, кто модернизировали страну, при этом лично обогащались. А вот Эрхард и Аденауэр, по-моему, не обогащались. Так? Вот в этом маленькая разница между нашими модернизаторами и германскими. А цену мы за это платим большую. Мы постараемся создать новую команду людей, которые будут соответствовать новым консервативным идеалам.

Есть еще одна записка. «Справедливо ли отождествление общих мировоззренческих принципов с национальной идеей?». Не знаю. «Не кажется ли Вам, что отсутствие четких мировоззренческих принципов вызвано отсутствием государственной идеологии в последние 10-12 лет?». Я не совсем понимаю, что такое государственная идеология. Может быть, общенациональная система ценностей. Но мы видели, что в современной России такая система отсутствует, что общество глубоко расколото и вновь стоит перед былинным камнем. Сейчас в Москве есть такой популярный анекдот. Стоит богатырь перед камнем, на котором написано: «Налево пойдешь – ... (я нецензурное выражение опускаю), направо пойдешь – пришибет, прямо пойдешь – пришибет». Вот он стоит и думает. С неба голос: «Слушай, если ты сейчас не двинешься с места, то точно пришибет». Вот так и Россия... Но куда-нибудь пойдём. И даже догадываюсь куда. Я делаю все возможное, чтобы мы пошли туда, куда надо. Мы сможем построить будущее.

Шульце П. – Совершенно ясно, что в 50-е годы Германии предстояло принять кардинальные решения. Тогда СДПГ преследовала левый национализм. А консерваторы из ХДС проповедовали западный интернационализм. Сегодня таких боев в партийном спектре практически не наблюдается. Но это не значит, что политическая и экономическая элиты потеряли свои ориентации. Это обусловлено, прежде всего, экономическими и социальными факторами. В Европе сейчас абсолютно невозможно проводить националистическую политику – в условиях, когда 78% германского экспорта отправляется в европейские страны. Наша экономика представляет собой интернационализированную экономику. Многие руководители германских концернов являются иностранцами. Не только голландцы, англичане, но и американцы возглавляют американские концерны. И

экономическая дискуссия осуществляется не только в Берлине и в Бонне, но, прежде всего, в Брюсселе.

Я согласен со многими выступлениями, но я лишь хотел вас предостеречь, что в условиях интернационализирующегося общества не существует каких-либо закрытых островов. И поиск собственного изолированного пути развития в условиях мировой интернационализирующейся экономики останется, в лучшем случае, иллюзией, в худшем случае приведет к катастрофе. И чем быстрее будут предприниматься попытки интегрироваться в мировую экономику, попытки именно с этой целью модернизации экономики, тем лучше будет для страны.

Можно проанализировать развитие других регионов мира, например, Тихоокеанского региона. Этот регион получил такое развитие только после того, как решил интегрироваться в мировой рынок. Все общества, которые пытались отстаивать и проводить в жизнь свои собственные закрытые концепции, будь-то Мексика, Бразилия или Аргентина, потерпели, в конечном счете, неудачу. Есть только 2 успешные концепции развития: европейский мир и азиатский мир. Это не значит, что их следует копировать. Нет, не следует копировать. Надо учиться на накопленном опыте. Может быть, консервативная идея, которая была представлена, – это сохранение демократии, своих добрых традиций, но в условиях движения по европейскому пути. Это для вас более благоприятная картина, нежели концентрация на азиатском пути.

Рыжков В.А. – Я абсолютно с Вами согласен. С чем Вы полемизируете, мне совершенно непонятно. А что касается иностранных менеджеров, то это по-прежнему дискуссионный вопрос в России. Не знаю, проводился ли в Барнауле опрос, как относятся барнаульцы к тому, что кондитерская фабрика принадлежит швейцарской корпорации «Нестле». Я думаю, что они примирятся с этим только в том случае, если компания будет демонстрировать экономические успехи, высокую зарплату и социальную защиту своих рабочих. Если будет то же самое проедание советских активов, потому что фабрика была построена в последние годы Советской власти, то, я боюсь, у барнаульских избирателей на долгие годы сложится стойкая аллергия к иностранным менеджерам. Я с Вами согласен, но что думают другие две трети общества, которые с этим не согласны? Вот в чем проблема. Нам не о чем спорить.

Огарь И.В.
**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ
И ВЫБОРЫ**

Мне хотелось бы вкратце обозначить основные положения, которые связаны с политической рекламой и ее пониманием на современном этапе. Дело в том, что длительное время вопросы политической рекламы, с точки зрения технологии политической рекламы, рассматривались в меньшей степени. В основном уделялось внимание таким понятиям, как политический консалтинг, public relations. Политическая реклама имела место быть, но о ней мало говорили, как на теоретическом, так и на прикладном уровне. В основном в области политической рекламы использовали те методы, которые имели длительную историю своего использования. В последнее время очень часто в рамках политической рекламы говорят о вопросах, которые связаны с политическим плакатом и проводят ряд историко-сравнительных исследований, которые связаны с тем, что такое политический плакат в Польше, что такое политический плакат в Германии и что такое политический плакат в России. Но в последнее время произошли некоторые изменения, которые связаны с тем, что саму область политического консалтинга стали рассматривать значительно шире, чем это было ранее. То есть политическая реклама, как и политический консалтинг, переживают довольно внушительные этапы своего эволюционного развития. В настоящее время политическую рекламу начинают рассматривать с точки зрения ее каких-либо формализованных структур.

В последнее время в Москве обсуждали закон о политической рекламе. В частности было определено следующее, что в области политической рекламы не отработаны основные моменты антимонопольного регулирования. В процессе обсуждения этого закона был поставлен вопрос об ответственности всех тех, кто использует политическую рекламу, ответственности за то, что декларируется, или за то, что проповедуется в политической рекламе. Ответственность эту должны нести не только кандидаты и депутаты, но и те, кто выстраивает эту политическую кампанию. Кроме того, принятие закона о политической рекламе считают в России преждевременным в силу того, что существуют отработанные средства пропаганды. Политическую рекламу рассматривают в контексте пропагандистского взаимодействия.

Пропаганда в России имеет устойчивые традиции. Изменение политической рекламы связано с тем, что она начинает отходить от пропаганды, как таковой. В большей степени обращается к вопросам public relations, то есть речь идет о структурировании коммуникативного пространства. Речь идет о том, что в политическую рекламу приносятся нейропсихологические, психолингвистические, знаковые, мифологические и другие уровни, о которых раньше меньше всего говорили. Происходит углубление понимания того, что есть политическая реклама.

Когда мы говорим о политической рекламе, мы в большей степени говорим о возможных моделях поведения человека. Политическая реклама связана с определенной мифологизацией тех отношений, которые существуют в обществе, и созданием виртуально-пространственных отношений, с одной стороны. С другой стороны, политическая реклама реально определяет поведение человека. Политическая реклама создает такие условия для человека, когда ему не приходится размышлять, как поступить в том или ином случае. Политическая реклама определяет его выбор. Политическая реклама, если она грамотно выстроена, априорно определяет дальнейшее поведение человека. В какой-то степени возможности использования политической рекламы на интенсивном уровне использовались в период красноярских выборов.

В политической рекламе сейчас задействованы такие уровни, как нормоповедение человека, его убеждения, его ценностные ориентации, его духовность, его идентификация. И, в принципе, из предыдущих опытов политического поведения мы можем узнать, как происходит приоритетность того или иного уровня: либо уровня убеждения, либо уровня поведения, либо уровня каких-либо определенных установок.

Дело в том, что длительное время политику приходилось определять свое отношение к тому, что происходит вокруг него, и лишь в последнюю очередь определять свои ценностные ориентации. Грядущие выборы заставят кандидата перейти от безличностного начала к личностному, когда он должен будет заявить о себе, как о личности. Или команда, которая с ним работает, сможет заявить о нем, как о личности, чтобы человек почувствовал сопричастность той политической рекламе, которая выстраивается. Выстраивание

политического поведения человека в большей степени будет ориентировано на ценностные ориентации того или иного кандидата.

В связи с этим хотелось бы сказать о красноярской кампании, поскольку по ментальному поведению Красноярский край и Алтайский край одинаковы, с точки зрения формирования азиатской картины мира. В период предвыборной кампании в Красноярске произошло изменение, через политическую рекламу, поведения электората. Это происходило на уровне языкового существования, языковой картины мира, когда, с одной стороны, идет ориентация на существующие архетипы, на существующие нормы языкового существования. С другой стороны, идет актуализация этих норм. Дело в том, что предвыборная кампания в Красноярске использовала определенную дихотомию. Эта дихотомия связывалась с пониманием того, что есть регион, и с пониманием того, что есть столица. То есть, периферийность, региональность и столичный подход. А Лебедем было использовано такое понятие, как Красноярье, которое имело практический перевод для человека внешнего окружающего мира на его собственный язык.

То есть, существует Я – сознание, Я – структура, которая владеет определенными фильтрами восприятия информации. Во время этой избирательной кампании, за счет использования таких понятий, как «наш дом», «наш край», «Красноярье», происходила адаптация варяжского начала, которое было связано с А. Лебедем, и перевод его на субъективный язык отдельного человека.

В будущих политических баталиях эти вопросы адаптации, трансформации и перевода внешнего, окружающего мира на язык конкретного человека будут иметь приоритетное значение. В связи с этим сейчас очень много средств затрачивается на то, чтобы изучить современное состояние ментальности россиян. Отсюда и возникают те моменты, которые связаны с дороговизной грядущих выборов. Они неизбежно будут дороги, в силу того, что нужно проводить глубинные исследования. Если раньше в период предвыборной кампании можно было использовать такие понятия, как здоровье, благосостояние, то в настоящее время необходимо четко понимать, что политическая реклама подчиняется законам коммерческой рекламы и имеет свой маркетинг, свою сегментацию рынка. Эта сегментация определяется ценностными ориентациями, тем, какое понятие связано у того или другого человека с тем, что есть здоровье, благосостояние и т.д.

Поэтому мне бы хотелось сказать о том, что предвыборная реклама приобретает агрессивное начало. Агрессивность этого начала заключается в том, что за счет различных средств, которые использует политическая реклама, возможно воздействие на подсознание человека и на изменение его поведения, которое проявляется во внешних реакциях. Это, пожалуй, те общие тенденции, которые связаны с политической рекламой.

Вопросы и выступления

Киселев В.И. – Вы не разделяете вчерашний тезис И. Бунина, что важно, чтобы был кандидат, и тогда будет малобюджетная кампания? А если кандидата нет, то можно сколько угодно вложить в рекламу, и ничего не получится.

Огарь И.В. – Я с Вами согласна. Когда кандидат будет показывать свои ценностные ориентации, когда он будет проявлять себя как личность, а не как деятель или представитель того или иного движения, тогда политическая реклама будет иметь малобюджетный характер.

Киселев В.И. – В наших условиях это возможно?

Огарь И.В. – Это возможно. Тем более, если говорить о законах структурирования информационного пространства. Очень важно уметь создавать события, которые могут носить социально значимый характер, могут привлекать интерес. Для этого необходимо знать, в каком пространстве мы находимся – конкретного города, конкретного региона.

Курныкин О.Ю. – Мне любопытно услышать Ваше мнение как специалиста об избирательной кампании, начатой ЛДПР, «Яблоко», другими силами. Именно с точки зрения соответствия нынешним требованиям политической рекламы.

Огарь И.В. – Хороший вопрос. На мой взгляд, если рассматривать ЛДПР или «Яблоко» с точки зрения политической рекламы, то здесь существуют некоторые стереотипы. Может быть, для 1994 -1995 годов образ Жириновского, который был основан на его поведенческих установках, условно говоря, его выходках, которые он себя позволял, привлекал определенные слои населения. За этими выходками, за этим (грубое слово) «политическим фарсом» не было реальной политической программы. Не были обозначены какие-то программные позиции. И, наверное, имидж, который ЛДПР выстроила для себя, исчерпан с точки зрения политической рекламы.

Если говорить о «Яблоке», то здесь тоже очень интересная тенденция. Явлинский носит харизму человека, который знает, что делать с Россией. А реальные события – когда ему был предложен реальный пост, то он просто «заболел» в это время. Это харизма тайного советника, харизма человека, который знает панацею от всех бед России.

Но я бы хотела сказать, что у существующих политиков и партий есть очень большой ресурс и резерв для развития своего имиджа, только им надо правильно пользоваться.

Емешин К.Н. – Мы сейчас столкнулись с совершенно новым феноменом. СМИ работают сейчас гораздо раньше, чем началась избирательная кампания, и выбор происходит гораздо раньше. Кандидатов теперь определяют определенные центры так, как это раньше делали партийные органы. Я хотел бы обратить внимание присутствующих: Степашин сказал, что негоже растаскивать губернаторов по партийным спискам. Нужно, чтобы правительство вместе с губернаторами село и определило кандидатов, которых мы будем избирать. Т.е. выбор сейчас осуществляется до выборов. Это делается несколькими способами: контроль власти над партийными структурами (большинство партийных структур в крае контролируется Суриковым); постоянные штабы при власти (Баварин до выборов определит себе «конкурента», и мы будем «выбирать») и т.д. Суть в том, что вложения в политическую рекламу теряют смысл, поскольку выбор уже сделан заранее. Я всегда говорю: какую бы рекламу вы ни проводили, когда избираете Германенко или Сурикова, всегда побеждает «Алтайкапиталбанк».

Огарь И.В. – Давайте будем рассматривать политическую рекламу как инвестиции в экономику Алтайского края. Непрерывная избирательная кампания, непрерывные избирательные технологии – это уже факт. Дело в том, что долгое время никто не занимался тем, чтобы определить, что такое социум, в котором мы живем. Мы рассматривали социум с точки зрения наличия рабочего класса, интеллигенции и т.д. Предвыборная кампания – это как раз наличие реального заказчика, чтобы знать портрет конкретного избирателя на конкретной территории. Этот интерес бизнес-структур стал появляться сравнительно недавно. Политический заказ по кандидатам был сформирован несколько раньше.

Конечно, в политический консалтинг входит имидж государственного деятеля. Но при этом он не всегда может носить политический характер. Построение имиджа губернатора – нормальный процесс. Раскол в обществе, о котором сегодня говорили, приводит к неадекватному поведению человека. Объединение вокруг какой-то личности позволит человеку адекватно себя вести.

Герасимов А.С. – Сколько будет потрачено на политическую рекламу в избирательной кампании 1999 г.?

Огарь И.В. – Я могу ответить на этот вопрос, опираясь на данные журнала «Советник», на основании математического расклада. В целом, на предвыборную кампанию уйдет порядка 500 млн. долларов. Это один момент. Другой момент заключается в том, что на одного кандидата будет уходить от 200 до 300 тыс. долларов. Мое мнение, что бюджет кампании определяется тем, работал ли кандидат в своем округе предварительно, или нет, хорошо ли сработали его штаб и пресс-служба, показывая его через какие-то социально важные события. Это может сэкономить его бюджет. Но существуют реальные коммерческие отношения в наших масс-медиа. Эти отношения строятся на том, что учредителями СМИ являются люди, которые занимаются бизнесом, и масс-медиа с точки зрения коммерческих отношений могут определять размещение того или иного материала, политической рекламы.

Шаповалова С.О. – Что считать политической рекламой? Определения, которые существуют в законодательстве, очень размыты. Например, признаки политической рекламы можно усматривать в прогнозе погоды: человек, услышав, что погода плохая, не пойдет на выборы.

Огарь И.В. – Дело в том, что очень трудно дать определение политической рекламе. Ее рассматривают как коммуникативные связи между человеком и аудиторией, политиком и аудиторией. Политическую рекламу очень часто рассматривают как создание мифа, виртуальной реальности того или иного кандидата. То есть существуют два подхода, один из них – культурологический, другой носит методологический характер. В последнем случае вступают в силу такие науки, как политология, социология, история и, в частности, теория коммуникации.

Лёше П.
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ

Я прекрасно знаю, что избирательное законодательство России во многом идентично тому, которое существует у нас в Германии. У нас происходят выборы на трех уровнях: федерации, земель и общин. На уровне федерации и федеративных земель у нас имеется избирательный закон, который рассматривается как частично персонифицированная избирательная система. Это, в основном, пропорциональная избирательная система. Она не содержит никаких элементов мажоритарной системы. Пропорциональная система дополняется двумя элементами, а именно: 5% запретительным барьером, который вам также известен, и оговоркой об основном мандате. Но в остальном здесь мы имеем пропорциональную систему.

Я хочу пояснить, как эта система работает. ФРГ разбита на 358 округов, в каждом из которых избирается 1 кандидат. И такое же количество парламентариев избирается по земельным спискам партий. Решающим является обстоятельство, что существуют 16 земельных списков. Нет единого федерального партийного списка.

Каждый избиратель обладает двумя голосами: он отдает свой первый голос за кандидата в своем округе, а второй – земельному партийному списку. Распределение голосов происходит таким образом, что решающим голосом для будущего состава бундестага является второй голос, поданный за партийный список.

Система подсчета голосов может показаться очень сложной. Однако эта система показывает, что мы имеем дело с пропорциональной избирательной системой. Распределение мандатов происходит на 4-х этапах. *Первый*: засчитываются все вторые голоса, поданные за вторые списки. В зависимости от количества этих голосов распределяются мандаты в бундестаге. *Второй шаг*: мандаты среди партий распределяются пропорционально голосам, поданным за эти партии. *Третий этап*: из числа тех мест, которые получает партия по списочному голосованию, вычитаются те места, которые были получены данной партией по одномандатному округу (прямые мандаты). Они практически вычитаются из пропорционального распределения. *Четвертый шаг*: оставшиеся свободными места в парламенте распределяются между теми партиями, которые преодолели 5% барьер

в пропорции того количества голосов избирателей, которые они получили. Я специально не углубляюсь в систему подсчета голосов, поскольку есть так называемые «сверхлимитные мандаты». В ходе дискуссии я могу осветить эту сложную систему.

Но решающим является, прежде всего, 5% барьер, который определяет право партии получить мандат в бундестаге. Есть определенные дополнения к этому закону. Если партия получает меньше 5% избирателей в сумме, но в одномандатных округах 3 кандидата выиграли в своих округах, то партия получает места в бундестаге по одномандатным округам. Это сделано для того, чтобы дать возможность региональным партиям пройти в бундестаг и представлять таким образом интересы своего региона. Например, Партия демократического социализма (ПДС) в 1994 году получила 4 прямых мандата в бундестаг, но по всей ФРГ набрала менее 5% голосов избирателей.

Позвольте мне сказать несколько слов о тех последствиях, которые имеет такое избирательное право. 5% барьер способствовал тому, что нам удалось преодолеть раздробленность партий, как это имело место в Веймарской республике. Результатом введения барьера стало также то, оппозиционные группы в рамках крупных партий не стремились отколоться от этих партий и выступить в качестве самостоятельной политической силы, потому что это не имеет смысла. Если идти на выборы как маленькая группа, то будет очень трудно преодолеть 5% барьер.

Надо сказать, что избиратели ведут себя очень осторожно. Они, как правило, отдают голоса только тем партиям, которые вообще имеют, по их мнению, шанс войти в бундестаг. При этом очень важную роль играют опросы накануне выборов. Это, прежде всего, относится к либеральной партии (СвДП), «зеленым» и ПДС. Эти партии имеют постоянный электорат, который составляет приблизительно 3,5%. Чтобы получить дополнительные голоса избирателей, эти партии должны заключать какие-то коалиционные соглашения с более крупными партиями и получить поддержку от такой партии в день выборов.

Я хотел бы сказать несколько слов по вопросу о частичной персонализации. Очень важно, чтобы депутаты, избранные в одномандатных округах, имели глубокие корни в своих округах. Это одно из условий их избрания на новый срок. Поэтому они должны быть членами добровольной пожарной команды, любительской спортивной

команды, кружка пения в своем округе. Они активно участвуют в муниципальной политике, зачастую являясь бургомистрами. Они имеют часы приема в округе. У каждого депутата имеются 3-4 помощника, которые работают в его интересах в избирательном округе. Это работа на местах крайне важна, поскольку выдвижение кандидатов партиями осуществляется именно на местном уровне.

При этом я хотел бы подчеркнуть, что руководители партий при выдвижении кандидатов не играют практически никакой роли. Это относится и к кандидатам, которые заносятся в земельные списки партий. Таким образом, руководящие органы партии (в т.ч. и фракция в бундестаге) не имеют возможности влиять на формирование земельных списков кандидатов. Чисто теоретически такое влияние должны оказывать земельные отделения партий. Но, как правило, человек, который попадает в земельный список, выдвигает себя в качестве кандидата в конкретном избирательном округе. Это означает, что даже те кандидаты, которые не были избраны в округе, могут попасть в парламент по списку, поскольку у них есть избирательный округ, который они курируют.

Процесс, который я сейчас обрисовал, можно назвать региональным компонентом в общефедеральном избирательном процессе. Таким образом, депутаты выполняют очень важную роль в качестве посредников между обществом и политической системой в целом. Я вчера уже говорил, что партии все в меньшей степени выполняют эту роль, а их место занимают отдельные депутаты. Они представляют различные регионы Германии. Трудно представить, чтобы половина какой-либо партийной фракции в бундестаге представляла исключительно Берлин.

Социальный состав депутатов также весьма разнообразен. Понятно, что социальный состав не отражает напрямую социальный состав электората. Но важнейшие социальные группы, безусловно, представлены в бундестаге (профсоюзы, объединения крестьян и предпринимателей). И это отражается, в том числе, в социальном составе тех кандидатов, которые состоят в земельном списке партии.

Типичный состав или последовательность выдвижения кандидатов в земельном списке социал-демократов (СДПГ) выглядит следующим образом. Первое место занимает видный политик. Например, земельный список СДПГ в Нижней Саксонии на выборах

1998 г. возглавлял сам Г. Шредер. На втором месте – всегда и везде женщина. Третью позицию занимает представитель профсоюзов.

У ХДС ситуация выглядит несколько иначе. На первом месте – видный политик, далее представитель «старого» среднего сословия, затем представитель профсоюзов, и на четвертом месте – женщина. Располагая так кандидатов, партии обращаются к конкретным группам избирателей и пытаются учитывать интересы этих групп.

На примере состава земельных списков вы можете теперь увидеть, что основная борьба разворачивается вокруг нового центра. Избирательное законодательство, таким образом, способствовало тому, чтобы партии, которые по мировоззрению ранее сильно отличались друг от друга, теперь отказываются от этих различий. И в своих программах они все более сближаются в поисках нового центра. И на этом примере виден определенный консенсус, который действительно в Германии существует по вопросу процедуры выборов. Это основа того плюрализма, о котором шла речь. Что касается содержания, то на первом плане находятся вопросы человеческого достоинства и прав человека.

Все партии, которые представлены в бундестаге, могли войти в ту или иную коалицию. У нас имела место коалиция, в которую входили 2 крупнейшие партии ХДС и СДПГ. Имели место коалиции между СДПГ и свободными демократами (либералами), между ХДС и свободными демократами. И нынешняя правящая «красно-зеленая коалиция» между СДПГ и «зелеными». На земельном уровне осуществляется взаимодействие между ХДС и зелеными, между ХДС и СДПГ, между СДПГ и ПДС. Правда, еще нет примеров взаимодействия между ХДС и ПДС.

Это отражает большой консенсус, в который начинает интегрироваться и ПДС (бывшие коммунисты). Поэтому все федеральные правительства, которые были в Германии, были коалиционными. Само законодательство способствует тому, что в ФРГ складывались новые, отличные от Веймарской республики, отношения между большинством и меньшинством. И большинство имело возможность формировать устойчивое правительство.

Законодательство способствовало концентрации партийной системы. В первом бундестаге, избранном в 1949 г., присутствовали 10 партий. В 60-70-е годы в парламенте были представлены 3 партии –

ХДС, СДПГ и СвДП. К ним в последнее время присоединились «зеленые» и ПДС. Это показывает, что 5% оговорка не исключает появления в парламенте новых партий. Если партия отражает интересы общества, например, в сфере экологии, то она имеет шанс попасть в парламент («зеленые»). То же самое относится к ПДС, которая представляет определенные социальные интересы.

Резюмируя, можно сказать, что избирательное законодательство – достаточно гибкий инструмент, которое приводит к возникновению стабильных правительств.

Вопросы и выступления

Емешин К.Н. – Правильно ли я Вас понял, в ФРГ сейчас фактически существует «однопартийная» система, а традиционно сохранившиеся партии противостоят друг другу по маловажным, второстепенным вопросам (как написано у классика, спорят о том, с какого конца раскалывать яйцо)? Внешне сохраняется борьба мнений, но получилось однородное общество. И второй вопрос. Такую систему можно вывести из равновесия только внешними ударами. Не подверглась ли удару эта «однопартийная» система в связи с югославскими событиями?

Лёше П. – У нас все-таки многопартийная система. А такая система может успешно функционировать только при соблюдении единых правил игры. Впрочем, среди партий существует достаточно жесткая конкуренция, идет борьба за тех избирателей, которые готовы перейти из одного лагеря в другой. Доля неустойчивых избирателей сегодня составляет около 40%. Их избирательное поведение испытывает воздействие, как правило, двух факторов: первое – это лидирующий кандидат партии, второе – ключевой лозунг кампании, а также способность (компетентность) партии решить актуальную проблему (например, понизить безработицу).

Были большие дискуссии в рамках различных партий, особенно в СДПГ и партии «зеленых», по вопросу войны в Югославии. Поразительно, но даже «зеленые» подавляющим большинством поддержали эту войну. И это та партия, которая при рождении была пацифистской. Этот пример показывает огромный интегрирующий потенциал политической системы. Партийная система прореагировала на эту войну, но при этом не развалившись и не распавшись.

Аничкин Е.С. – У меня два, можно сказать, общепознавательных вопроса. Какие законодательные акты составляют нормативную основу выборов в федеральные органы власти? Из каких этапов складывается избирательная кампания в Германии, есть ли принципиальные отличия от России?

Лёше П. – Правовой основой является федеральный закон о выборах. Он в своих основах не менялся с 1953 года. Что касается второго вопроса, то избирательная кампания осуществляется примерно таким же образом, как и в России и других странах. Есть предвыборный этап борьбы, который, как правило, начинается за 2 года до выборов. Частью предвыборного этапа является выдвижение партиями кандидатов. Это выдвижение происходит где-то за полтора года до выборов. Где-то за год начинается первый «горячий» этап предвыборной борьбы. СДПГ на прошлых выборах примерно за год до выборов открыла свой штаб в отдельном здании. Образцом для этого послужили избирательные кампании Б. Клинтона и Т. Блэра. Это показывает, насколько возможны аналогии в ходе современных избирательных кампаний. И последний «горячий» этап – за 2 месяца до выборов. Речь, прежде всего, идет о мобилизации своих устойчивых избирателей. Сейчас в демократических странах успех выборов определяется тем, сумеет ли партия привлечь на свою сторону устойчивых избирателей. На выборах в Европарламент СДПГ сильно проиграла, потому что многие постоянные избиратели социал-демократов просто не пришли на выборы. И любой политик вам скажет, что предвыборная борьба начинается на следующий день после того, как закончатся выборы.

Николаев Д.А. – В настоящее время в Германии проживает много выходцев из России. В Израиле аналогичная ситуация, при этом партия русских эмигрантов представлена в правительстве страны. Возможно ли такое в ФРГ?

Лёше П. – В Германии это происходит несколько иначе. В Израиле много маленьких партий, если угодно, «высокоспециализированных» партий. В ФРГ мы имеем дело с двумя крупными партиями – ХДС и СДПГ, и тремя маленькими. Обе крупные партии по своей структуре расколоты на различные группы. Есть рабочие группы для учителей, для преподавателей, для ученых, и также для этнических меньшинств. Обе партии стараются завоевать симпатии

выходцев из России, или эмигрантов из Турции, или даже борются за голоса граждан ЕС, которые проживают в Германии и пользуются избирательным правом на коммунальном уровне и на выборах в Европейский парламент. Таким образом, у нас происходит специализация внутри партий.

Старков А.И. – Какова численность партий в Германии и численность партийных функционеров?

Лёше П. – СДПГ сегодня насчитывает приблизительно 800 тыс. человек. ХДС – 600 тыс. членов. К ХДС относится баварская «сестра» – ХСС, которая имеет 160 тыс. членов. Обе крупные партии по количеству членов одинаково сильны. «Зеленые» имеют около 50 тыс. членов, либералы – 65 тыс., ПДС сегодня имеет несколько меньше 100 тыс. членов. У ПДС есть проблема возрастного характера, поскольку 70% членов старше 65 лет. За исключением ПДС, около 10% членов всех партий выполняют различные функции. Эта же цифра соответствует примерному количеству членов, регулярно посещающих партийные собрания. Еще 10% ходят нерегулярно, и 60-70% членов – это так называемые «партийные трупики». В ПДС функционеров намного больше – примерно 20-30%.

Бетмакаев А.М. – 5% барьер был введен не в 1949 году, а несколько позже. Первоначальный замысел барьера – отсекал крайние партии, которые считаются внесистемными. Эта система показала свою эффективность: в 1953 году в бундестаг не попали коммунисты, в 1969 году – неонацистская Национал-демократическая партия. Единственный раз, когда система допустила, образно говоря, «сбой», – в 1983 году, когда в парламент попали «зеленые», которые уже не представляли собой ту радикальную группу, которой они были в 60-е гг. В России также существует подобный барьер, но есть и дискуссия по этому поводу. Дискуссия связана с тем, что на выборах в Государственную Думу в 1995 году около 50% голосов было потеряно. Существует, помимо, запрос в Конституционном Суд о соответствии подобной практики Конституции, поскольку Госдума не представляет интересы всех избирателей. Была ли подобная дискуссия в ФРГ? Второй вопрос: Поскольку «зеленые» на протяжении 90-х годов не набирали 5% на выборах в ФРГ, не планирует ли коалиция Шредера – Фишера изменить избирательную систему, «подстроить» ее под проблемы «зеленых», чтобы сохранить правящую коалицию и на выборах 2002 года?

Лёше П. – Вы совершенно справедливо замечаете, что 5% барьер в той форме, в которой он существует сегодня, был введен в 1953 году. В 1949 году на первых выборах партии было достаточно получить более 5% голосов в одной из федеральных земель, чтобы попасть в парламент. Введение барьера имело 2 цели. С одной стороны, преодолеть партийный раскол, который мы наблюдали в Веймарской республике, где были чисто пропорциональные выборы. Но если внимательно посмотреть, то в империи Бисмарка, где была вроде бы мажоритарная система, наблюдался точно такой же разброд партий. Я отстаиваю тот тезис, что концентрация партий произошла не в результате 5% барьера, а скорее в результате сильного экономического роста и стабилизации экономической системы в ФРГ, которую мы наблюдали после войны.

Вторая задача 5% барьера заключалась в том, чтобы отсекал крайне правых и крайне левых. Однако, если бы и в 1953 году сохранялась прежняя система, то компартия все равно бы не прошла в бундестаг. Когда компартию в 1956 году запретили, в среднем она пользовалась поддержкой приблизительно 1,4% избирателей.

Что касается второй части Вашего вопроса, то та проблема, которая сейчас возникла здесь в России, в Германии никогда не возникала. После 1953 года партии, представленные в парламенте, пользуются поддержкой более 90% избирателей. Насколько мне известно, в России существует идея введения гибкого барьера. Я это хорошо знаю на примере тех избирательных законов, которые существовали в США. Там, например, есть т.н. «кочующие окна». В принципе, можно принять решение, что в Думе будут представлены все партии, которые способствуют тому, что общая сумма голосов, отданная партиям в Думе, составила 75%. Это значит, чтобы получить такой парламент, нужно будет включить в его состав партии, которые обладают 3 или 2,5%. Но российские политологи обладают фантазией, и я не хочу давать каких-то советов.

Что касается Вашего последнего вопроса, то нынешняя «красно-зеленая» коалиция не будет никак изменять избирательное законодательство. Прежде всего, в этом не заинтересованы «зеленые». Я говорил, что 5% барьер содействует тому, что практически внутрипартийные группировки и фракции не откалываются от партий. В случае с «зелеными» это означало бы их политическую смерть. Если бы

«зеленые» раскололись, совершенно предсказуемо, что обе части партии превратятся в секты без какой-либо значимости для жизни общества. И оба крыла выступают за сохранение 5% барьера.

Ляпунов А.Ф. – Если я Вас правильно понял, то Вы сказали, что мировоззренческие партии вследствие применения избирательного права утрачивают мировоззренческий характер. Если это так, то какие особенности избирательного права способствуют этому процессу?

Лёше П. – Очевидно, что меня не совсем правильно поняли. Я просто сказал, что избирательное право способствовало этому, и что вместо мировоззренческих партий мы теперь имеем народные партии. Намного более важными являются перемены, произошедшие в самом обществе. Я вчера упомянул об этих переменах. Это, прежде всего, полное исчезновение высококвалифицированного рабочего класса, т.е. возникновение общества, занятого в основном в сфере услуг, а не производства, революция в сфере образования 70-х гг. Огромное значение имеют постматериальные ценности. Эти наиболее важные общественные процессы к тому же поддерживались избирательным правом.

Я хочу еще раз предостеречь вас: не переоценивать значение избирательного законодательства. Я всегда привожу наилучшую иллюстрацию из истории Германии. У нас во время империи Бисмарка была мажоритарная система. И в 1912 году в рейхстаге сидело точно такое же количество партий, что и в Веймарской республике. В Германии финансирование партий играет почти такую же роль, что и избирательное законодательство. Те партии, которые получают на выборах 2% на земельном и 1% голосов на федеральном уровне, получают государственные субсидии, что, естественно, является определенным стимулом для маленьких партий выдвигать своих кандидатов, объединяться в более крупные партии или не раскалываться на более мелкие группы, в надежде получить какие-то субсидии.

Устюгов А.Н. – Вы подробно говорили о партиях, которые представлены в бундестаге. Не могли ли бы Вы сказать о независимых кандидатах, если таковые есть?

Лёше П. – Независимые кандидаты есть только на коммунальном уровне. На земельном уровне независимых кандидатов практически нет. На баварских земельных выборах 1998 года свободные избиратели объединились в такую партию – партию независимых кандидатов. Это

было своего рода исключением. И они получили только 2% голосов. На уровне муниципалитетов независимые кандидаты играют важную роль. Частично они свободны от партийной связи. Но зачастую это группировки, которые откололись от какой-либо партии. Иногда из таких независимых кандидатов создаются партии для того, чтобы получить доступ к определенной группе избирателей. Это интересный феномен на коммунальном уровне, но не на земельном и не на федеральном уровнях.

Барабанов О.Н.
О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Современная практика выборов в России, к сожалению, достаточно часто сопровождается нарушениями и конфликтами, уже поставила на повестку дня вопрос о том, насколько реальные избирательные кампании сегодня соответствуют изначальному предназначению выборов как инструмента народовластия. Серия громких политических скандалов, связанных с избирательными кампаниями, сотрясала в последние годы страну от Санкт-Петербурга до Владивостока. Сыграли свою роль нарушения законов о выборах и в усугублении разделения общества по национальному признаку. Показательным примером тому является ситуация в Карачаево-Черкесии. Это нарастание конфликтности и остроты политического противостояния вызывает некоторые опасения и в отношении предстоящих выборов в Государственную Думу ФС РФ, при которых также нельзя исключить вероятности как региональных, так и общероссийских скандалов.

Подобная тенденция в развитии политического процесса заставляет с гораздо большим вниманием и аккуратностью относиться к формированию и анализу избирательного законодательства в России. Осознание этого факта стало, на наш взгляд, одной из причин, вызвавшей внесение весной 1999 г. значительных изменений в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (было модифицировано 47 положений закона, насчитывающего 66 статей) и принятие летом 1999 г. нового федерального закона «О выборах депутатов

было своего рода исключением. И они получили только 2% голосов. На уровне муниципалитетов независимые кандидаты играют важную роль. Частично они свободны от партийной связи. Но зачастую это группировки, которые откололись от какой-либо партии. Иногда из таких независимых кандидатов создаются партии для того, чтобы получить доступ к определенной группе избирателей. Это интересный феномен на коммунальном уровне, но не на земельном и не на федеральном уровнях.

Барабанов О.Н.
О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Современная практика выборов в России, к сожалению, достаточно часто сопровождается нарушениями и конфликтами, уже поставила на повестку дня вопрос о том, насколько реальные избирательные кампании сегодня соответствуют изначальному предназначению выборов как инструмента народовластия. Серия громких политических скандалов, связанных с избирательными кампаниями, сотрясала в последние годы страну от Санкт-Петербурга до Владивостока. Сыграли свою роль нарушения законов о выборах и в усугублении разделения общества по национальному признаку. Показательным примером тому является ситуация в Карачаево-Черкесии. Это нарастание конфликтности и остроты политического противостояния вызывает некоторые опасения и в отношении предстоящих выборов в Государственную Думу ФС РФ, при которых также нельзя исключить вероятности как региональных, так и общероссийских скандалов.

Подобная тенденция в развитии политического процесса заставляет с гораздо большим вниманием и аккуратностью относиться к формированию и анализу избирательного законодательства в России. Осознание этого факта стало, на наш взгляд, одной из причин, вызвавшей внесение весной 1999 г. значительных изменений в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (было модифицировано 47 положений закона, насчитывающего 66 статей) и принятие летом 1999 г. нового федерального закона «О выборах депутатов

Государственной Думы ФС РФ». Характеристике некоторых из этих законодательных нововведений и посвящен данный материал.

Одной из таких новелл в избирательном законодательстве России стало введение избирательного залога, т. е. предоставление возможности зарегистрироваться в качестве кандидата в случае внесения определенной суммы денег. На выборах в Госдуму ФС РФ, как известно, размер залога был установлен, в 1000 МРОТ для кандидата и 25000 МРОТ для избирательного объединения/блока. Залог подлежит возвращению в общем случае, если кандидат набрал более 5% голосов, а список – более 3%. Институт залога существует в избирательных системах во многих странах мира (его размеры колеблются в весьма широких пределах: от 500 фунтов стерлингов в Великобритании до примерно 10 тыс. долларов в Японии). Однако предложения по его введению в России вызвали вполне понятную двойственную реакцию. С одной стороны, имеют под собой почву опасения, что залог способен превратить выборы в соревнование «денежных мешков» без предварительной народной легитимации кандидатов, выражающейся в сборе подписей. С другой стороны, имеющие распространение коммерциализация сбора подписей и различные мошенничества и фальсификации, связанные с этим, способны выхолостить первоначальный смысл этой процедуры, состоящий в народной легитимации кандидата. Законодатель в ФЗ «Об основных гарантиях...» учел оба этих момента, сделав введение залога дважды факультативным. Во-первых, его введение на конкретных выборах того или иного уровня предоставлено на усмотрение соответствующего законодателя (поэтому, к примеру, проект Избирательного кодекса Алтайского края залога, как известно, не предусматривал). Во-вторых, регистрация через залог в любом случае является не обязательной процедурой для кандидатов, а лишь альтернативной по отношению к сбору подписей.

Характеризуя в целом то влияние, которое избирательный залог способен оказать на предвыборную кампанию, следует отметить прежде всего то, что он может быть возвращен тому кандидату/блоку, который способен будет набрать осязаемо большое число голосов избирателей. Поэтому для обладающих реальным весом политических фигур использование залога может означать на самом деле очевидное снижение расходов на избирательную кампанию (поскольку шансы на

возвращение залога для них достаточно велики), а средства, потраченные ими на организацию сбора подписей (имеем в виду только легальные оплату труда сборщиков и орграсходы), вернуть уже не удастся. С другой стороны, для тех кандидатов/блоков, у которых имеется массовая сеть работающих на общественных началах активистов-энтузиастов и для которых поэтому расходы на сбор подписей являются минимальными, институт залога не так важен. Наконец, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в ходе предвыборной агитации те кандидаты/блоки, которые зарегистрировались через залог, могут быть подвергнуты критике со стороны конкурентов как «денежные мешки/олигархи», которые побоялись проходить народную легитимацию путем сбора подписей. С другой стороны, и тот кандидат/блок, который зарегистрировался через залог, может в своей агитации сделать акцент на том, что он принципиально отказывается от методов того массового жульничества, которое встречается при сборе подписей.

Вполне понятную цель – не допустить на выборы различных авантюристов, не пользующихся никаким авторитетом в обществе, а также «дублеров», которые начинают собственную кампанию, а затем отказываются от продолжения борьбы и призывают своих сторонников голосовать за другого кандидата, – преследовала и еще одна новелла в законодательстве. Это норма, предусматривающая истребование с кандидата при определенных случаях возместить бюджетные затраты на его участие в кампании. Надо, впрочем, отметить, что, в отличие от залога, требование возмещения бюджетных затрат достаточно редко встречается в мировой избирательной практике. Базовый ФЗ «Об основных гарантиях...» предоставляет законодателю право истребовать с кандидата/блока возмещение затрат в случае, даже если они приняли участие в выборах, но набрали менее определенного числа голосов. ФЗ «О выборах депутатов...» обязывает к возврату полученных бюджетных средств тех зарегистрированных кандидатов, которые набрали менее 3% голосов, и блоков, которые, соответственно, получили менее 2%. Также взыскиваются бюджетные средства и с зарегистрированных кандидатов/блоков – «дублеров», снявших свои кандидатуры без вынуждающих причин до голосования.

Что касается финансирования предвыборной деятельности кандидатов, то новые законы вносят несколько уточнений и дополнений.

Прежде всего, введена обязанность кандидата/блока формировать свой избирательный фонд еще до его регистрации (специальный избирательный счет для этого открывается кандидатом после уведомления избиркома о начале сбора подписей, но не позднее, чем за пять дней до даты представления подписей на регистрацию). Таким образом, контроль за предвыборными расходами можно будет осуществлять еще на стадиях, предшествующих официальной регистрации кандидата (на этапе сбора подписей). Далее, даются более строгие формулировки того, на что можно тратить средства из избирательных фондов. Установлены меры ответственности за использование кандидатами денежных средств помимо избирательного фонда. Определенная группа СМИ, в свою очередь, обязывается регулярно публиковать сводки избиркомов о тратах из избирательных фондов. Кроме этого, кандидатам прямо запрещается заключать договоры, которые предполагают вознаграждение платных агитаторов исключительно по итогам голосования. Введена более жесткая регламентация благотворительной деятельности во время выборов. Кандидат не имеет права и на косвенную благотворительность в этот период (например, посылая запросы в «независимые» благотворительные фонды с просьбой оказать помощь). Кроме того, перечислять средства в избирательный фонд кандидата запрещено зарубежным организациям; организациям, которые существуют менее одного года; благотворительным и религиозным объединениям, а также организациям, учрежденным ими. Последнее обстоятельство может на деле привести к деликатным моментам, поскольку именно на кандидате лежит ответственность за то, чтобы спонсоры его фонда соответствовали бы закону. Он должен каким-то образом выявлять структуру учредителей своих спонсоров – юридических лиц. Поскольку, к примеру, перечисление в фонд кандидата достаточно крупной суммы средств от некоего юридического лица, которое на самом деле было учреждено, к примеру, благотворительным фондом, намеренно инспирированное его соперником и не раскрытое вовремя, может быть признано серьезным нарушением со стороны кандидата, получившего этот провокационный взнос.

Для упорядочения расходов установлено также правило, чтобы всякое выполнение работ, оплачиваемых из избирательного фонда кандидата, предвлялось его письменным согласием на это. Во всех

предвыборных материалах, публикуемых кандидатами в печатных СМИ, необходимо указывать, из чьего избирательного фонда оплачена данная публикация (или что данный материал является предусмотренной по закону бесплатной публикацией). Эта норма призвана поставить хотя бы какой-то заслон на пути неконтролируемого «слива» компромата на соперников в ходе предвыборной борьбы. Кроме того, на фоне свежих примеров региональных избирательных кампаний, проведенных в последние годы, представляются особенно актуальными поправки, ограничивающие возможность и формы досрочного голосования избирателей. Предусмотрен, при некоторых обстоятельствах, и отдельный подсчет результатов досрочного голосования. Более того, никто, за исключением самих избиркомов, не имеет права заниматься организованной доставкой избирателей к местам для голосования (примеров злоупотребления этим на последних региональных выборах по стране было много). Что касается финансовой стороны в деятельности самих избиркомов, то новые законы предусматривают создание контрольно-ревизионных служб не только при ЦИК, но и при избиркомах субъектов Федерации.

В то же время представляется, что, несмотря на данные уточнения и дополнения, законодатель так и не решил в новых законах одной достаточно важной проблемы, связанной с финансированием выборов. Прежде всего, непонятно, для какой цели предусматривается создание избирательных фондов — для того, чтобы ограничить расходы кандидатов на участие в выборах или же для того, чтобы сделать эти расходы прозрачными для общества? Ведь не является секретом то, что установленный законом предельный максимум размера избирательного фонда является относительно низким, а в ряде случаев — и недостаточным для организации эффективной кампании (на выборах в Госдуму в 1999 г. он с учетом заключительных положений соответствующего закона составляет примерно 70 тыс. долларов для кандидата). В результате кандидаты и блоки почти провоцируются на нарушение этой нормы закона и на перевод «в тень» своих предвыборных расходов. При этом, поскольку в такой одинаковой ситуации может находиться большинство из участвующих в выборах кандидатов, никто из них не будет заинтересован в детальном отслеживании предвыборных расходов соперников, поскольку всегда есть опасность, что его самого также можно «поймать» на превышении

размеров избирательного фонда. Все это может привести к тому, что сфера избирательных фондов и предвыборных расходов вообще, окажется своего рода запретной зоной, где кандидаты, связанные своего рода круговой порукой, не будут стремиться вскрыть нарушения соперников. И это при том, что значительная часть предвыборных нарушений в других сферах отслеживается не только избиркомом, но и кандидатами-конкурентами, которые заинтересованы в этом и тем самым волей-неволей повышают честность выборов. Поэтому представляется целесообразным обсудить вопрос о том, не стоит ли отменить «потолок» избирательного фонда, но чтобы при этом требования к прозрачности расходов избирательных средств были бы повышены.

На фоне известных обсуждений в СМИ вопросов о «криминальности» или «иностранном гражданстве» тех или иных кандидатов законодатель решил ввести ряд норм, которые должны повысить уровень информированности избирателей о кандидатах. Теперь кандидат обязан предоставлять избиркому сведения о неснятых и непогашенных судимостях (с указанием конкретных статей УК), о наличии у него двойного гражданства, а также сведения о своих доходах и имуществе. Сведения о неснятых и непогашенных судимостях и двойном гражданстве кандидата предполагается также указывать в подписных листах и в самих избирательных бюллетенях. Характеризуя эту проблему, необходимо отметить, что прозвучавшие призывы вообще не допускать к выборам лиц с неснятой или непогашенной судимостью противоречат Конституции России, поскольку там (ч.3., ст.32) приведен исчерпывающий перечень оснований для того, чтобы лишить совершеннолетнего гражданина права избирать и быть избранным. Это признанная судом недееспособность и пребывание в местах лишения свободы по приговору суда. Другой вопрос – то, что кандидат обязан сообщать только о неснятых или непогашенных судимостях, поскольку согласно ч.6 ст.86 УК РФ снятие либо погашение судимости аннулирует все связанные с ней правовые последствия. Это, впрочем, не лишает соперников кандидата права сообщать гражданам в ходе агитации о том, что он был ранее судим, хотя судимость эта уже снята. К слову говоря, в других странах, в которых вообще нет понятия «снятие/погашение судимости» (например, в США), такая проблема вообще не возникает, и если в соответствующем законе есть норма, требующая от кандидата

сообщать о судимостях, то она распространяется на все его прежние судимости.

Что касается деятельности избирательных комиссий, то новое законодательство предусматривает, чтобы не менее 1/3 членов каждого избиркома с решающим голосом формировалось из кандидатур, предложенных избирательными объединениями. Это должно усилить контроль со стороны партий (и подразумевается, что через них – также и граждан) за ходом выборов. Надо указать также, что эта норма начинает реально работать только сейчас, поскольку в этом году впервые по новым правилам прошло формирование новых составов избирательных комиссий в субъектах РФ, и то же самое будет сделано для окружных и иных избиркомов по выборам в Госдуму. В результате, думские выборы 1999 г. должны будут показать, насколько эффективным на практике будет это нововведение.

Среди других новелл, касающихся деятельности избиркомов, стоит отметить возможность для кандидатов/блоков назначать наблюдателей на время подсчета голосов не только в участковые избиркомы, но и во все иные, в этом участвующие. Кроме того, избирательное объединение/блок, не выдвинувшее своего федерального списка, но выдвинувшее хотя бы одного кандидата по одномандатным округам, получает право на назначение членов избиркомов с правом совещательного голоса не только в окружную (и ниже) комиссии в данном округе, но и в избирком, ведающий этими выборами в целом. Кроме того, по новым законам избиркомы прямо обязываются рассматривать в конкретный срок поступившие жалобы о нарушениях. Также они должны выносить на голосование вопросы, поставленные любым из членов комиссии.

Весьма деликатным на деле может оказаться дополнение ст.21 ФЗ «Об основных гарантиях...» новым пунктом 4, который указывает, что «избирательные комиссии... обязаны в пределах своей компетенции рассматривать поступившие к ним в ходе избирательной кампании... обращения о нарушениях... закона». В принципе, это положение «избиркомы обязаны рассматривать» означает то, что практически по каждой мелкой жалобе закон требует обязательного коллегиального решения избиркома, и поэтому решение по жалобе, вынесенное единолично председателем (или замом) избиркома, может быть оспорено в суде. Хотя, конечно, если избирком согласен с решением

председателя, он может одобрить его задним числом, но казус все равно остается. Другая проблема здесь – то, что закон не указывает, какой именно избирком уполномочен в первой инстанции рассматривать жалобы на предвыборные нарушения, что в связи с вышеизложенной особенностью закона может затруднить их работу. К примеру, в избирательную комиссию субъекта РФ поступает жалоба на участковый избирком. Вполне естественным действием для избиркома субъекта РФ в этом случае является отправка этой жалобы в окружной или территориальный избирком. Однако положение закона, что «избирательная комиссия обязана рассматривать» жалобы, можно истолковать и так, что избирком субъекта РФ обязан рассмотреть эту жалобу по существу, поскольку деятельность участковых избиркомов входит в его компетенцию. Это опять-таки создает почву для судебных споров.

Относительно выборов в Думу по общефедеральным спискам также есть ряд изменений. Прежде всего, в законе было учтено постановление Конституционного суда России о том, что 5% барьер для списков должен быть отчасти «плавающим», в случае, если преодолевшие его объединения/блоки в сумме набрали менее 50% голосов принявших участие в выборах или же, если этот барьер преодолел только один список. Кроме того, введена норма о том, что общефедеральная «верхушка» списка может состоять не из 12, как в 1995 г., а из 18 человек. Эта новелла, надо признать, снижает шансы региональных активистов объединений/блоков на попадание в Думу, особенно если плавающий 5% барьер преодолеет много списков (по аналогии с тем, как было в 1993 г.), и тогда останется меньше возможностей для дополнительного дораспределения мест между победившими объединениями/блоками. Кроме того, введен ряд ограничений на то, чтобы первая «тройка» кандидатов в списке выполняла бы чисто представительские цели, а затем не шла бы в Думу. Новый закон предусматривает, что если блок прошел в Думу, и члены первой тройки отказываются от своих мандатов, то освободившиеся места отбираются у этого блока и передаются другим. При обсуждении данного закона даже звучали голоса о том, чтобы члены первой тройки вообще не имели бы права выставлять свои кандидатуры параллельно и в одномандатных округах, чтобы не использовать предоставленное для блока эфирное время для личной саморекламы.

Новые законы также в большей степени усиливают внимание на ответственности за нарушения избирательного законодательства. В частности, *de jure* усилено взаимодействие между избиркомами и правоохранительными органами. Так, ФЗ «Об основных гарантиях...» прямо предписывает правоохранительным органам принимать меры по пресечению противоправной агитационной деятельности. При этом обо всех выявленных нарушениях и принятых мерах правоохранительные органы обязаны информировать соответствующие избиркомы. С другой стороны, сам избирком также вправе обратиться в правоохранительные органы с представлением о противоправной агитации кандидатов.

Теперь о роли СМИ в освещении избирательной кампании и предвыборной агитации кандидатов. В качестве интересного сравнения можно остановиться на опыте других стран в этом вопросе. К примеру, в США никому из кандидатов не предоставляется отдельного бесплатного времени на телевидении и радио, все их время считается рекламным и приобретается за плату. Однако при этом организуются бесплатные предвыборные дебаты для кандидатов в прямом эфире, которые транслируются одновременно по всем телеканалам. В результате кандидаты получают лишний стимул к участию именно в дебатах, где им приходится излагать преимущества своей программы в споре с оппонентами, в отличие от привычного предвыборного ролика-монолога, представляющего собой исключительно восхваление кандидата.

Есть в новых законах и ряд положений, которые могут вызвать неоднозначное истолкование относительно роли СМИ в предвыборной агитации. К примеру, с одной стороны, СМИ должны публиковать любой материал, предоставленный им кандидатом. С другой стороны, ФЗ «О выборах депутатов...» (ст.60) запрещает СМИ публиковать информацию, способную нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации других кандидатов в случае, если в определенный срок это СМИ не сможет предоставить «обиженному» кандидату право на ответ на своих страницах. Теперь представим, что если в последние дни агитации один кандидат приносит в СМИ в качестве обязательного для публикации материала компромат на другого кандидата, то что делать СМИ в этом случае. С одной стороны, оно не вправе отказать в публикации этого компромата. С другой стороны, уже практически не останется времени на то, чтобы затем опубликовать ответ. В результате

и в том, и в другом случае к СМИ могут быть предъявлены судебные иски.

Важной нормой законов стало то, что и реклама коммерческой деятельности кандидатов в период избирательной кампании должна регулироваться на тех же основаниях, что и политическая реклама (ч.5 ст.45 ФЗ «Об основных гарантиях...»). Это предусматривает равенство доступа к коммерческой рекламе всех кандидатов и пр.

Немаловажным является то обстоятельство, что согласно ФЗ «Об основных гарантиях...» (ч.2 ст.26, ч.5 ст.40, ч.1 ст.41) все расходы государственных СМИ на предоставление бесплатных площадей/эфирного времени, а также для опубликования решений избиркомов должны покрываться за счет средств текущего бюджетного финансирования. То есть, если такое СМИ не получает из соответствующего бюджета необходимых средств, то оно, в принципе, вправе отказаться от своих обязательных функций в период избирательной кампании.

Еще одна проблема заключается в том, что все СМИ по запросам избиркомов должны предоставлять им любую информацию, давать им необходимые сведения и материалы (ч.16 ст.21 ФЗ «Об основных гарантиях...»). Однако возникает вопрос, насколько все это распространяется на конфиденциальную информацию СМИ. Ведь в случае, если информация была передана журналисту под условием неразглашения ее источника, а сам этот журналист не является в редакции должностным лицом, то редакция, в принципе, вправе не давать ответ на этот запрос, поскольку согласно закону о СМИ обязанность сохранять конфиденциальность информации лежит не только на редакции, но и на журналисте (ст.41, 49 закона о СМИ), который, не будучи должностным лицом, не подпадает под действие данной нормы ФЗ «Об основных гарантиях...» и обязан раскрыть источники своей информации только по решению суда. Здесь тоже возникает повод для споров и судебных исков.

Что же касается не общеполитических государственных СМИ, которые вправе вообще не принимать участия в предвыборной кампании, то здесь также возникает коллизия. Если, к примеру, узкоспециализированный фармацевтический журнал всегда публиковал рекламу брынцаловского «Ферейна», то в период предвыборной агитации он должен будет либо отказаться от этого (и потерять часть

своих доходов), либо на равных условиях предоставлять место для рекламы и для других кандидатов, которые не имеют с фармакологией ничего общего (и вызвать тем самым гнев подписчиков). Кроме того, по идее, публикация рекламы коммерческой деятельности кандидата в период сбора подписей также может быть расценена как преждевременная агитация, что также влечет за собой определенные санкции.

СМИ, учрежденные зарегистрированным кандидатом (объединением/блоком), согласно закону освобождаются от обязанности предоставлять равный доступ для всех участников избирательной кампании и вправе публиковать только материалы о кандидате/блоке, учредившем это СМИ. При этом ФЗ «Об основных гарантиях...» указывает, что таковыми могут являться только печатные СМИ. Если же кандидат/блок владеет своей теле/радиокомпанией, она не вправе блокировать доступ на нее другим кандидатам.

Что касается всех остальных СМИ – негосударственных и не финансируемых более чем на 15% из бюджета, то они вправе либо отказаться от участия в предвыборной агитации, либо предоставить всем кандидатам/блокам свое эфирное время/печатную площадь за плату на равных условиях. Об этих условиях такое СМИ обязано заранее уведомить соответствующий избирком. Важно, что оплата этой агитации должна осуществляться только через избирательные фонды и на условиях полной предоплаты.

Запрет использования кандидатами своего служебного положения в отношении деятелей СМИ распространяется только на «работников СМИ». К примеру, владельцы СМИ (телевизионные и газетные магнаты), которые формально не числятся в них в качестве работников, под это ограничение не подпадают. При этом вполне очевидно, что их возможности злоупотреблять своим реальным положением гораздо больше, чем у рядового журналиста или рядового чиновника.

Еще одной проблемой на выборах может стать активизация деятельности так называемых «спящих» СМИ – зарегистрированных газет, которые ранее выходили малыми тиражами, с редкой периодичностью, а теперь вдруг резко и «вечернюю» увеличили свой тираж, объем и территорию распространения. Нужно отметить, что если издание самовольно изменяет территорию распространения тиража, объем и периодичность выпуска, то ему может быть сделано

представление со стороны регионального органа Госкомпечати, требующее перерегистрации данного СМИ, поскольку все эти изменения признаются законными только в случае перерегистрации. Если же СМИ вообще не выходило в течение года, то региональный орган Госкомпечати вправе через суд вообще отменить его регистрацию. Если же газета «вчерную» увеличивает тираж, то это является нарушением ее выходных данных, и по закону о СМИ влечет за собой административную ответственность в виде штрафа с возможной конфискацией тиража. Надо отметить, впрочем, что все это относится только к официально зарегистрированным СМИ (с тиражом более 1000 экземпляров), а не к тем изданиям, которые печатаются тиражом 999 экземпляров и потому не требуют регистрации.

Наконец, достаточно деликатным вопросом является то, насколько журналист, освещающий предвыборную кампанию в СМИ, вправе высказывать свои политические симпатии. Новые законы, как представляется, достаточно четко отрегулировали этот вопрос в отношении электронных СМИ. Так, в ФЗ «Об основных гарантиях...» была внесена поправка (п.6, ст.40), указывающая, что в информационных блоках теле- и радиопрограмм не допускается отдавать предпочтение отдельным кандидатам/блокам, в т. ч. и по времени освещения их деятельности. Относительно же печатных СМИ закон этой нормы не ввел, и потому, в принципе, представляется, что журналисты газет с юридической точки зрения вправе представлять политически ангажированное освещение событий. Впрочем, грань между политическими пристрастиями и скрытой формой предвыборной агитации достаточно тонка, что также создает возможность для судебных и иных споров.

Таковы некоторые из особенностей нового федерального законодательства о выборах. Насколько с его помощью удастся противодействовать «грязным» выборным технологиям – должно показать ближайшее будущее.

Вопросы и выступления

Негреев Д.В. – Я все-таки не совсем для себя понял из Вашего выступления, как соотносится между собой действующий Закон о СМИ и новый Закон о выборах в Государственную Думу. Какой из них главнее? Не возникнет ли во время выборов противоречий? Меня также интересует такой вопрос. В новом законе о выборах (ст.8) говорится о

том, что агитацией является деятельность, побуждающая избирателей к участию в выборах, а также голосованию за или против любого зарегистрированного кандидата. Кто будет трактовать, какая публикация, или материал, является агитационным, а какой нет? Определение в высшей степени расплывчато и под него можно подвести все, что угодно. Одни посчитают это материалом за какого-либо кандидата, другие – против. Эти вопросы, видимо, крупные. Есть ряд мелких вопросов. СМИ, у которого в числе учредителей нет государственных и муниципальных органов, и он не финансируется из бюджета, объявляет о своем решении размещать у себя платную агитацию. Имеет ли оно право отказать кому-нибудь из кандидатов в размещении его рекламных материалов? Сейчас мы такую возможность имеем: мы просто не заключаем договоры. И никто не подает в суд.

Могут ли в СМИ размещаться оплачиваемые материалы до начала сбора подписей? Являются ли те кампании, которые сейчас в СМИ ведут «Яблоко», ЛДПР и Партия пенсионеров, агитационными? И противоречит ли это новому закону о выборах?

И последний вопрос. Вы на нем остановились, но все-таки я хотел бы о нем поподробнее услышать. Может ли зарегистрированный кандидат подать в суд на какое-то СМИ, если оно не освещает его предвыборную кампанию?

Барабанов О.Н. – В каких случаях?

Негреев Д.В. – Нарисую реальную ситуацию в городе, где несколько теле- и радиостанций. В один из дней проводят свои пресс-конференции кандидаты Иванов, Петров и Сидоров. Журналисты одной из телекомпаний приехали к Иванову и Петрову, а к Сидорову не успели. Или просто его пресс-служба сработала некачественно, не оповестив о пресс-конференции данную телекомпанию. И получается, что в выпуске новостей о двух конференциях было рассказано, а о третьей нет. Имеет ли право кандидат Сидоров предъявить претензии?

Барабанов О.Н. – Есть одна очень интересная юридическая тонкость. В Законе «Об основных гарантиях...» указано, что этот закон имеет приоритет перед другими законами. Обычно так бывает, хотя формально установлено только 2 типа законов – федеральный конституционный и федеральный, есть законы, которые получают статус базовых. Это в них закрепляется для определенной сферы права. То, что Закон об основных гарантиях является базовым для выборной сферы,

никаких сомнений не вызывает. В то же время, в законе не сказано, что этот закон является приоритетным перед всеми другими законами. В нем сказано, что этот закон является приоритетным. Точка. Формально он имеет приоритет перед Законом о пчеловодстве, перед Законом о северном завозе, перед Законом о СМИ. Хотя здравый смысл несколько другой, но буква закона такова. И если в суде возникнет спор о противоречиях между Законом о СМИ и Законом об основных гарантиях избирательных прав, то судья вправе подчинить Закон о СМИ Закону об основных гарантиях.

Кто будет трактовать то, насколько статья журналиста побуждает голосовать за или против? Аргументация, как Вы правильно заметили, очень расплывчата. Я предполагаю массу конфликтных случаев. Решать это будет избирком и суд.

Вопрос о трех кандидатах. Телевизионщики, в принципе, не имеют право так делать. В Законе четко указано, что информационные блоки должны в равной степени освещать кандидатов, в том числе содержать равные отрезки эфирного времени. Третий кандидат Сидоров может подать в суд, который и будет выяснять, кто виновен. В отношении СМИ дело обстоит иначе. Если печатное СМИ не хочет публиковать материалы о третьей пресс-конференции, то оно вправе это сделать.

Могут ли в СМИ размещаться рекламные материалы до начала сбора подписей? Этот вопрос имеет двузначное толкование, хотя сейчас возобладаало одно, но в начале было другое. Прежний председатель Центризбиркома Иванченко заявил, что те лица, которые объявили о своем намерении быть кандидатом на пост Президента заранее, не будут зарегистрированы, поскольку начали свою предвыборную кампанию раньше срока. Затем этот вопрос рассматривался в Судебной палате по информационным спорам. Один из членов Палаты мне сказал, что они прямо порекомендовали господину Иванченко изменить эту точку зрения, поскольку политик есть политик, его реальная предвыборная кампания начинается на следующий день после выборов.

Согласно букве закона, избирательная кампания начинается с того момента, когда опубликован указ Президента об объявлении выборов. С этого момента вся политическая реклама подпадает под закон. Сейчас Барнаул может быть оклеен зеленым кедром, что я видел по приезду в город, вся фракция «Яблоко» может дружно маршировать

на голубом экране. Это все нормально. После появления указа это будет ненормально до момента регистрации кандидатов.

Может ли негосударственное СМИ отказать в размещении рекламы? Законом установлен такой порядок. Оно может вообще не размещать агитационных материалов, либо, если оно желает это делать, на платной основе, оно уведомляет соответствующий избирком по расценкам. В этом случае на это СМИ распространяется действие закона о равенстве прав при агитации. Оно должно на равных условиях публиковать информацию обо всех кандидатах. Если кому-то отказывают, то это будет нарушением. Но партийная печать – особый случай. Закон предусматривает деятельность печатных СМИ зарегистрированных кандидатов и блоков. Я не представляю себе, как «Голос труда» будет, например, рекламировать демократов.

Аничкин Е.С. – Нашли ли отражение проанализированные Вами поправки в региональном законодательстве, в частности, в Законе Алтайского края о выборах в КЗС? И второй вопрос. Известен постулат, что законодательство субъектов Федерации обязано соответствовать, моделировать федеральное законодательство. Содержатся ли в проекте Избирательного кодекса какие-либо региональные особенности?

Барабанов О.Н. – Я считаю себя не вправе характеризовать проект избирательного законодательства, поскольку это недействующий документ. Я знаком с ним на том уровне, в котором он был принят, – в первом чтении. Он соответствует новым поправкам в федеральном законе. Об одной региональной особенности я сказал (об отсутствии залога). Другая – жестче регламентирована проверка подписей, правильности и подлинности подписей. Раздел о выборах в КЗС вошел в проект Избирательного кодекса в качестве особой части.

Емешин К.Н. – О так называемой партийной печати. Вы говорите, что «Голос труда» не будет публиковать демократов. Но суть заключается в том, куда относить финансовые затраты. «Голос труда» опубликует материалы Даниловой, а Рыжкова или Сарычева он помещать не будет. Коммунисты имеют больше газет. Получается, что это исключается из финансовых потоков, а равенство нарушается.

Барабанов О.Н. – Закон не говорит о равенстве применительно к партийным изданиям. Демвыбор вправе публиковать только из ДВР.

Относительно затрат закон вводит четкую норму, что все затраты на предвыборную агитацию оплачиваются через избирательные фонды.

Суд будет решать, являются ли публикуемые материалы о том или ином кандидате рекламой. Если да, то возникнет вопрос о финансировании через избирательный фонд.

Негреев Д.В. – Например, Герасименко, опубликовал статью о состоянии здравоохранения в Славгородском округе. Будет ли считаться это агитационным материалом?

Барабанов О.Н. – По идее нет, поскольку агитационными являются только те материалы, которые побуждают голосовать за или против, или имеют целью побудить. Если нет восхваления кандидата в статье Герасименко, то это не агитационный материал.

Литвинов М.В. – Не создает ли закон такую вилку: один кандидат будет работать, а другой вообще не будет работать. Но так как СМИ обязаны представить и второго кандидата, то получается интересная вещь: один проводит пресс-конференции, а другой пишет жалобы в суд.

Барабанов О.Н. – Если нет информационного повода, то жалоба будет не состоятельна, поскольку нет информационного сообщения.

Литвинов М.В. – В Законе закладывается финансовый потолок кампании, но не закладывается потолок для использования этих средств для рекламной кампании. Для газет. Почему нет такой рамки?

Барабанов О.Н. – Я уже высказал негативное отношение к потолку. Мне кажется, что реально такой проблемы не возникнет. Расходы на агитацию при всех расценках СМИ все равно не превысят 70 тыс. долларов. Тем более, что закон предусматривает право кандидата на бесплатную публикацию.

Негреев Д.В. – Еще 2 вопроса у меня. Я хотел бы несколько уточнить вопрос К.Н.Емешина о партийной печати. «Голос труда» сейчас издается тиражом 10 тыс. экземпляров. Предшествующая практика показывает, что на выборах тираж может быть увеличен до 100, 200 или даже 300 тыс. экземпляров. Газета зарегистрирована краевой организацией НПСР. В газете размещаются агитационные материалы Н.П. Даниловой, З.И. Воронцовой и т.д. Финансироваться данное издание должно из избирательных фондов конкретных кандидатов или каким образом? Это первый вопрос.

В законе говорится о том, что ограничения по поводу агитации не должны затруднять депутатам осуществление депутатской деятельности. Освещение депутатской деятельности будет проводиться в рамках

агитационной деятельности или отдельно? Ведь депутату положено бесплатное время в государственных СМИ.

Барабанов О.Н. – Как я сказал в докладе, увеличение тиража издания «вчерную» является нарушением выходных данных, что является собой административное нарушение, что влечет наложение штрафа на редакцию и возможную конфискацию тиража.

Затем я прочту фразу, которая есть в Законе о выборах депутатов Государственной Думы о том, что «требования о предоставлении на равных условиях печатной площади не распространяются на редакции периодических печатных изданий в случаях, если редакция и (или) печатное издание учреждены зарегистрированным кандидатом (зарегистрированными кандидатами), избирательным объединением (блоком) т.д., и не подпадают под действие п.1 ст.55 Закона». Т.е. пункта, который говорит о государственных СМИ. Здесь 2 момента и 2 момента Вашего вопроса. Первый – отчет о депутатской деятельности не является агитационной деятельностью, поскольку депутат вправе и обязан регулярно отчитываться о своей деятельности, в том числе в период следующей избирательной кампании. Одно дело, когда действующий депутат идет на новый срок в Государственную Думу, собирает полный зал и говорит о том, что сделано им за 4 года. Это отчет депутата. И поэтому вся регламентация предвыборной деятельности на него не распространяется. Но если он говорит, что он сделал то-то, то-то и поэтому голосуйте за меня, – это уже агитация.

Через кого должно идти финансирование? Если в партийной газете размещен прямой агитационный материал за кандидата, то он должен идти через избирательный фонд, и в заметке снизу маленькими буквами должно быть указано, что оплата производится через избирательный фонд кандидата. В принципе, никто не запрещает партийной печати публиковать материалы своих кандидатов бесплатно или de jure бесплатно («вчерную»).

Шейда Г.П.

**ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПО ВЫБОРАМ
ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В 1995 Г.
(ИТОГИ ПО АЛТАЙСКОМУ КРАЮ)**

Российский парламент только в начале своего пути. Его роль и значение только определяются. Думаю, для нас немаловажно то, с

какими идеями и программами в него идут представители регионов. В ожидании выборов в Государственную Думу третьего созыва все больший интерес также представляют итоги предыдущих кампаний, опыт их проведения, перспективы будущих политических баталий.

В отличие от выборов 1993 г., которые проходили в крайне сложной политической ситуации (противостояние с Верховным Советом, известные октябрьские события, споры о новой Конституции), выборы в Государственную Думу в декабре 1995 г. проходили в более спокойной ситуации, по заранее известным правилам, в условиях предсказуемости и знания возможностей парламента. Это, в первую очередь, проявилось в заметном увеличении интереса к выборам и деятельности самой Государственной Думы, в росте партийных списков и увеличении числа кандидатов по одномандатным избирательным округам.

Так, если на выборах 1993 г. в Алтайском крае по всем четырем одномандатным избирательным округам баллотировалось всего 13 кандидатов, то в 1995 г. их число возросло до 39. В этом плане активность кандидатов на Алтае почти не уступала среднероссийским показателям, где на каждое депутатское место претендовало в среднем чуть более 10 кандидатов. Необходимость сбора пяти тысяч подписей для регистрации кандидата не стала серьезным препятствием для регистрации малоизвестных, маловлиятельных политиков и управленцев. Наиболее активными, как и в прошлые годы, были промышленные, урбанизированные центры. Так, в Барнауле было зарегистрировано 15 кандидатов, в Бийском округе – 11.

При выдвижении кандидатов по одномандатным округам наибольшую активность проявили краевые отделения партий и блоков ЛДПР и «ДВР – Объединенные демократы» – 4 и 3 кандидата соответственно. КПРФ и Аграрная партия, объединенные в движение «За подлинное народовластие», договорились о разделении округов и выдвинули по два кандидата. Яблоко и НДР также выдвинуло по два кандидата, однако НДР поддерживало еще двоих кандидатов, шедших под «знаменем независимых». Почти половина кандидатов не принадлежали ни к каким политическим блокам. Они делали в пропагандистской кампании упор на решение местных злободневных проблем.

Кандидаты представляли самые различные социальные группы. Как и в 1993 г., преобладали управленцы: представители краевых и районных органов власти. Почти во всех избирательных округах также были представлены работники здравоохранения, образования, правоохранительных органов. Любопытно, что среди кандидатов практически не было крупных предпринимателей и промышленников. Предпринимательский класс на Алтае так и не смог стать серьезной политической силой, способной влиять на положение дел в крае, способной делегировать во власть своих сильных представителей. Так, например, известный предприниматель В. Толстых, несмотря на крупные вливания в избирательную кампанию, набрал всего 2,1% голосов избирателей. Не лучше обстояли дела и в промышленной сфере. Там продолжался спад производства, росла кредиторская задолженность предприятий, все еще низким оставался авторитет руководителей (в настоящее время ситуация изменилась: промышленники создали свою депутатскую фракцию в КЗС, начали отстаивать интересы своей отрасли, делегируют во власть своих представителей, создают на базе Союза промышленников политическое движение). Лишь каждого десятого кандидата можно было отнести к числу тех, кто лично мог бы в Думе серьезно заниматься вопросами права и законотворчества. Из 39 кандидатов всего 6 представляли «слабую половину». И тем значимее был успех: половина мандатов досталась именно женщинам – З. Воронцовой и Н. Даниловой. Также следует подчеркнуть, что ни один из трех бывших депутатов Госдумы так и не смог получить заветный депутатский мандат.

В целом избирательная кампания в крае проходила достаточно спокойно. Пресса явно страдала из-за отсутствия каких-либо скандалов, интересных предвыборных технологий. Исключение составляли знаменитая «русская рулетка» П. Акелькина, выдвижение ветерана-коммуниста А. Шведунова в разрез линии партии и листовка движения «За честные выборы» с «подсказками», как правильно в Барнауле выбрать одного кандидата из пятнадцати. Алтайские кандидаты на фоне «раскрутки» на центральных каналах многочисленных партийных списков и политических знаменитостей смотрелись весьма

провинциально. Те, кто делал ставку на электронные виды пропаганды, явно проигрывали. Те же, кто сосредоточил работу на встречах с избирателями, на создании региональных штабов и актива, на кампании «от двери к двери», не только сэкономили деньги, но и добились лучших результатов.

Коротко остановлюсь на одном из округов, на Барнаульском, № 34. Результаты известны, они отражены в таблице 2. Победу с небольшим перевесом одержала представитель КПРФ Н. Данилова. Наибольшего успеха Данилова добилась в пригородных населенных пунктах. Так, если в целом по округу ее поддержали 21,7% избирателей, то в Затоне за нее проголосовало 41,3%, в Бельмесево – 38,9%, в Лебяжье – 34,1% избирателей, пришедших к урнам.

Каким образом барнаульские кандидаты пытались привлечь голоса своих избирателей? Анализ большинства программ показал: ни один из них не имел какой-либо серьезной программы или системы мер по преодолению кризиса, повышению роли и ответственности парламента. Кандидат левых подчеркивала, что ее программа «целиком базируется на предвыборной платформе КПРФ» и поэтому «нет необходимости перечислять все бедствия, принесенные правящим режимом». Резкая критика федеральных властей и громкие заявления о желании заботиться о нуждах простых людей склонили мнения избирателей в ее пользу.

Ее основной соперник кандидат от НДР доктор медицинских наук А.Ф. Лазарев, уважаемый в городе человек, с одной стороны, слишком поздно включился в избирательную кампанию, с другой – его команда допустила серьезный стратегический просчет, делая основной упор на его профессию, тем самым заметно сужая электорат. Александр Федорович запомнился своими «10-ю заповедями против рака». Для «продвинутого» барнаульского электората этого было явно недостаточно. Да и связка с НДР явно не добавляла ему симпатий. А.Н. Сарычев также не изучил электоральные настроения, пытаясь убедить избирателей, насколько Думе необходимы квалифицированные, как он, юристы.

Предвыборная агитация П.С. Акелькина строилась на простом и понятном лозунге: «Голосуя за Акелькина, вы голосуете против мафии».

Он обещал защитить людей «от произвола милиции, судов и прокуратуры». Всем, кто прочитал его программу, предлагалось вырезать ее из газеты, принести на избирательный участок, сравнить ее с программами других кандидатов, чтобы избиратели могли убедиться, насколько она соответствует их интересам.

Известный актер Михаил Евдокимов так объяснял свое желание баллотироваться: все меня в Москве знают, артистов любят, поэтому передо мной будут раскрыты все тугие чиновничьи двери, и мне уж точно не откажут в решении злободневных проблем.

Достаточно профессионально была проведена кампания штабом Игоря Родионова. Она позволила набрать почти неизвестному в городе кандидату 16 тыс. голосов. Стоит отметить, что его кампания была, пожалуй, одной из самых дорогих.

Из четырех депутатских мандатов на Алтае три досталось представителям левых сил. Если бы не участие А. Шведунова, расколовшего левый электорат в Рубцовском округе, Алтайский край был бы абсолютно «розовым». В чем причины такого успеха левых? Очевидно, что основной ответ кроется в особенностях социально-экономического развития региона: более высокой доле сельского населения, деформированной структуре экономики, не способной гибко реагировать на изменения на потребительском рынке, более низком образовательном уровне населения, тяжелейшей ситуации на многих предприятиях края, традиционно крайне низких доходах населения. В то же время, результаты, особенно по Барнаулу, могли бы быть совсем иными, прояви федеральные и краевые власти больше интереса и внимания к думским выборам. Однако, как уже вчера говорил В. Рыжков, Президент не был готов работать с парламентом, заранее отводя ему второстепенную роль, а местные исполнительные власти, не желая связывать себя с непопулярной политикой центра, не считали думские выборы своим кровным делом. Часть алтайской элиты, отодвинутая от возможностей принятия серьезных политических решений, воспользовалась этой ситуацией. Именно краевое Законодательное собрание, а не КПРФ, как принято считать, стало мощным консолидирующим центром всех недовольных действиями правящего федерального центра. Победа на выборах в ГД стала

прологом будущих побед алтайских левых, включая губернаторские выборы.

Чем будут отличаться приближающиеся выборы от выборов 1995 года? Прежде всего – большей предсказуемостью. Уже очевидны фавориты и по партийным спискам и, по меньшей мере, лидеры в двух одномандатных избирательных округах. В Барнауле это В. Рыжков (32%) и Н. Данилова (13%, по данным Центра политических технологий), в Рубцовском округе – Н. Герасименко и коммунист М. Заповев. Более запутанная ситуация в Славгородском и Бийском округах, где пока не ясен окончательный список претендентов. Я убежден, что если основные политические силы края будут исходить не из конъюнктурных политических интересов, Алтайский край способен делегировать в Государственную Думу людей, способных повысить ее профессиональный уровень, стабилизировать ситуацию в общественно-политической сфере.

Вопросы и выступления

Емешин К.Н. – Я хотел бы посвятить часть своего выступления предыдущим докладам. Я хотел бы сказать коллегам из АШПИ, что надо поменьше уходить на какие-то общеполитические темы, которые навязаны шаблонами СМИ, политическими штабами и т.д. На чем основано это мнение? Меня вчера очень удивило заключение И. Бунина, который обсуждает проблемы какой-то семьи, что какая-то Семья правит. Это стандартный шаблон, навязанный людьми, от которых практически не зависят процессы, происходящие в России. И если мы хотим понять и как-то осмыслить эти процессы, то не нужно объяснять эти процессы какими-то упрощенными объяснениями.

И в связи с этим я хотел бы вернуться к выступлению В.А. Рыжкова. В частности, его фраза о проедании советских запасов. Но российская экономика принципиально менялась все эти годы на прямо противоположную. И если кто-то сегодня у нас пытался бы построить крупное производство, а уже была такая попытка (трасса Петербург – Москва), то я бы первым лег на эти рельсы, потому что в нынешних экономических условиях любой крупный проект – это просто-напросто воровская структура, через которую уходят бюджетные деньги.

И то, что сказал Г.П. Шейда: как бы прозвучало, что на прошедших выборах столкновение различных демократических кандидатов – это победа коммунистов. Это была стратегическая задача, – таково было мнение одного из экспертов, приближенных к администрации Президента. Этот эксперт и мне сказал, что победившие коммунисты себя дискредитируют, зато на президентских выборах мы выиграем. Существовало мнение, что для развития России в стратегическом плане нужно было победить коммунистам.

О договоренностях по округам. Уважаемые коллеги, я сам принимал участие в выборах и в переговорах. К сожалению, у нас, демократов, существует такая предельно простая схема ведения переговоров: один демократический кандидат говорит другому демократическому кандидату, что если тот не снимет свою кандидатуру в пользу первого, то победят коммунисты, а второй ему отвечает, что первый демократ должен снять свою кандидатуру в пользу второго, иначе победят коммунисты. После этого вступает в силу механизм интриг. Нам надо использовать другую технологию договоренностей. Должны быть элементы торга, но другого пути, чем заключить соглашение, у нас просто нет.

Я думаю, что предстоящие выборы в Думу мало повлияют на судьбу края и на те процессы, которые нас непосредственно касаются. Мы идем к тому, что в апреле 2000 г. у нас состоятся выборы в КЗС. И нам грозит единственный вариант – победа губернаторского списка А. Сурикова. Поскольку исход губернаторской гонки уже практически предрешен, то теперь задача власти – победа губернаторского списка. И это совершенно далеко от гражданского общества, к которому мы все с вами стремимся.

Как нам сохранить зачатки гражданского общества и предотвратить логическое развитие модели, которую В.А. Рыжков назвал «воровским, коррумпированным капитализмом»? Он выделяет три пути. Я не совсем с этим согласен. Поскольку коммунистический путь у нас в прошлом, воровской капитализм – это сегодня, а другого пути – либерального капитализма – я еще не вижу. Нам надо хотя бы 12 кандидатов провести в КЗС, поскольку это блокирующий пакет, чтобы не дать провести в жизнь идею губернаторского списка.

Барабанов О.Н. – Вы сказали, что найдены средства давления на потенциальных соперников Сурикова, чтобы устранить их на будущих губернаторских выборах. Уточните, пожалуйста, о чем идет речь.

Емешин К.Н. – Назарчуку определена функция на федеральном уровне. Аграрники уверены, что он стопроцентно победит на выборах в Думу и возглавит фракцию. В отношении Чертова сейчас я не могу все сказать, но определенный «дамоклов меч» над ним занесен.

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Шульце П. – Уважаемые коллеги! Мы смогли обсудить совершенно конкретные вопросы. Мы, конечно, не могли в достаточной степени принять участие в обсуждении региональных проблем. Наша задача состоит в том, чтобы участвовать в обсуждении и предложить вам ведение диалога по более общим вопросам и поддерживать такой диалог. Это не первая и не последняя конференция, которую мы совместно организуем и проводим с вами. Я считаю, что мы с немецкой стороны в огромной степени заинтересованы в том, чтобы в России развивался демократический базис, чтобы этот базис укреплялся и расширялся. В какой форме это будет протекать – это ваш вопрос.

У меня нет больших опасений, которые высказываются иногда в СМИ Запада, что ситуация в России будет развиваться слишком негативно. Если я проанализирую те события, свидетелями которых я стал за 6 лет моего проживания в России, то я могу лишь констатировать, что вы смогли совершить за короткое время фундаментальные изменения со всеми негативными и положительными элементами. Но в целом трансформация, которая была совершена в этом обществе, была уникальна для современных обществ двадцатого столетия, находясь в контексте западноевропейского процесса трансформации. Если рассмотреть пример Испании или Португалии, то там исходные условия, как общественные, так и экономические, были гораздо более благоприятными. Там существовало дифференцированное гражданское общество даже в условиях диктатуры, а экономики этих стран были составными частями европейской и мировой экономик. У вас нет таких предпосылок, у вас были гораздо хуже стартовые условия.

Я пришел к выводу, что, несмотря на то, что сегодня затронул Владимир Рыжков в своем докладе (насколько расколото сегодня российское общество), в этом обществе существует, пусть минимальный

и примитивный, но консенсус. Его можно описать следующими категориями. При всех альтернативах в области трансформации не произошло общественной катастрофы в использовании неполитических методов решения конфликтов. Этот консенсус формировался с октября 1993 года. Российское общество значительно более зрело и развито, чем политическая каста в России. До настоящего времени голоса на президентских выборах подавались в правильном направлении. В отличие от выборов в Думу, где в основном проявляется протестное голосование, на выборах Президента народ ясно выражал свою волю. Никто не хочет возврата назад, к командной экономике, к репрессивной политике. Имеется шанс для российской демократии, поскольку большая часть граждан думает в этом направлении.

В феврале мы приглашали господина Кириенко в Германию. Он хотел подготовить чиновников в министерствах финансов и иностранных дел Германии к тем решениям, которые должен был принять МВФ. В одном из своих публичных докладов он сказал, что реформаторы и демократы нанесли ущерб проекту рыночных преобразований, и удивительно, что по-прежнему российский народ разделяет содержание демократических реформ и не отвергает рыночную экономику. И я считаю, что это является базисом для основных ориентировок общества. Это гарантирует, что крайне левая и крайне правая тенденция развития не будут иметь будущее в России.

Как вы сможете заполнить оставшееся центристское пространство – это предмет политических дискуссий. Я думаю, что можно развивать различные модели. Я не считаю, что такой опыт будет слишком отличаться от других стран. Я абсолютно согласен с тем, что мы наблюдаем с августа прошлого года, что этот кризис открыл определенные шансы для того, чтобы развивать демократический процесс, который учитывает национальные особенности России. Его необходимо развивать. Август прошлого года символизировал собой перелом. Закончился этап, который в большей степени определялся извне. Теперь Россия идет более самостоятельным путем.

С немецкой стороны мы хотим, чтобы Россия была сильной страной с демократическими традициями, составной частью европейского демократического процесса. И я думаю, что наши заседания внесли вклад в таком направлении. Возможно, в будущем мы

сможем обсуждать конкретные проекты: экономическое развитие, экологию, концепции развития и т.д. Мы готовы к этому.

Рыжков В.А. – Я думаю, что по итогам этого семинара будет издан новый сборник. Этот семинар был так же удачен, как и в прошлые годы. Очень интересные сообщения, очень интересная дискуссия. Мы не будем прерывать нашу добрую традицию и проведем новый семинар в следующем году. Только нужно будет подумать, когда. Между первым и вторым туром президентских выборов? Или по итогам президентских выборов? У нас с П. Шульце родилась еще одна идея. Он говорит, что был уже несколько раз на Алтае, и все время жара, а настоящей Сибири он не видел. Поэтому у нас есть идея вместе с Фондом Эберта провести семинар в январе – феврале следующего года, накануне выборов в КЗС. На этом семинаре мы затронули федеральный уровень, а на новом будет рассмотрен региональный. Мы можем перейти на двухразовый режим. Не только в жару мучиться, но и померзнуть немного в какой-нибудь аудитории АГУ, чтобы наши немецкие и московские друзья почувствовали, что такое Сибирь. А то у них складывается впечатление, что у нас круглый год вот такая жара.

Я думаю, что Петер прав, когда говорит, что у нас сложился определенный консенсус в обществе. Но это скорее негативный, чем позитивный консенсус. У нас есть некоторые прививки от нашей истории. Я не думаю, что мы когда-нибудь будем вновь взрывать храмы, уничтожать священников. Мы это уже прошли один раз в нашей истории. Я надеюсь, что у нас больше не повторится Гулаг. Мне вчера священник Михаил Капранов, который сидел в пермских лагерях 7 лет вместе с Черновилом и др., рассказал интересный факт, что теперь в Пермлаге музей, куда возят школьников и показывают. Что-то вроде того, как возят школьников в Бухенвальд. Дай Бог, чтобы это навсегда осталось музеями и никогда не использовалось по назначению. Нам не хватает позитивного консенсуса – на каких основах должна строиться будущая Россия в XXI веке. И очень важно, что мы обсудили эту тему, и я очень рад, что это обсуждение будет издано, доступно в ИНТЕРНЕТ всему миру, читающему по-русски.

Я хотел бы поблагодарить всех организаторов семинара, Фонд Эберта за неизменную дружбу и неизменное участие, поблагодарить Ю.Г. Чернышова и всех сотрудников АШПИ за ежегодные усилия по подготовке семинаров, поблагодарить коллектив этого пансионата за эти

человеческие условия в этих нечеловеческих природных условиях, поблагодарить участников из других регионов и наших земляков, которые приняли участие в обсуждении. Я очень рад, что эта добрая традиция у нас закрепилась. У меня нет никаких сомнений, что мы будем проводить эти встречи и далее. У нас всегда найдутся темы для обсуждения.

Чернышов Ю.Г. – Я присоединяюсь к словам признательности, которые были произнесены. Я хочу поблагодарить всех участников семинара. По-моему, мы с вами нарушили одну закономерность: обычно летом многие к концу работы разбегаются, поскольку их привлекают пляжи, сады и т.д. Но у нас этого не произошло, потому что было действительно интересно. Наш семинар основан на жизнеспособной идее, он необходим обществу, и поэтому он будет продолжаться. Я благодарю всех гостей и всех, кто помог нам в организации семинара. Приглашаю вас на следующие заседания. Спасибо!

ТЕЗИСЫ И СТАТЬИ

Аничкин Е.С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В соответствии со ст. 55 Устава Алтайского края «порядок проведения выборов в органы государственной власти края и органы местного самоуправления устанавливается федеральным законом и избирательным законом края». Основу краевого законодательства о выборах составляют Законы Алтайского края «О выборах главы администрации Алтайского края» от 27.03.96, «О выборах депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания» от 05.10.95 и «О выборах депутатов представительных органов и должностных лиц местного самоуправления в Алтайском крае» от 05.12.95. Отдельные нормы о выборах содержатся также в Уставе Алтайского края, Законе Алтайского края «Об основах местного самоуправления в Алтайском крае», Уставе города Барнаула. В названные нормативные акты неоднократно вносились изменения и дополнения, в динамике которых просматриваются особенности эволюции алтайского избирательного законодательства.

Одной из особенностей является его либерализация, проявляющаяся в установлении более демократичной процедуры выборов главы администрации края и глав муниципальных образований. Предшествующий закон о выборах главы краевой администрации (от 27.11.95) предусматривал его избрание краевым Законодательным Собранием, что противоречило принципам непосредственной демократии при выборах глав исполнительной власти субъектов РФ.

Новый закон (ст. 1) исправляет ситуацию, устанавливая избрание губернатора жителями Алтайского края. В ст. 101 Устава Алтайского края наряду с избранием глав местного самоуправления населением или соответствующим представительным органом муниципалитета допускалось их назначение соответствующим представительным органом по контракту по результатам конкурса. Возможность назначения главы муниципального образования не соответствовала требованиям ст. 16 Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», предусматривающим именно выборность данных должностных лиц. С учетом Федерального Закона положения ст. 101 Устава Алтайского края были надлежащим образом переработаны.

В январе 1996 г. специальным краевым законом были оформлены изменения в Закон Алтайского края «О выборах депутатов представительных органов...». Новеллы направлены на снижение возрастного ценза пассивного избирательного права: депутатом представительного органа и должностным лицом местного самоуправления отныне может стать лицо, достигшее 18 лет, а главой муниципального образования – лицо, достигшее 21 года.

С отмеченной особенностью тесно связана тенденция дальнейшего выравнивания краевого законодательства на соответствие федеральному. В этом направлении проделана немалая работа при том, что краевая избирательная нормативистика не отличается ярко выраженными особенностями и во многом моделирует рамочное избирательное законодательство РФ. Так, приведены в соответствие с федеральным законодательством правила о выборах главы администрации Алтайского края, выборах глав муниципальных образований. Законом Алтайского края от 04.03.96 «О внесении изменений и дополнений в закон «О выборах депутатов

представительных органов...» был снят 6-месячный ценз оседлости при осуществлении права быть избранным в органы местного самоуправления. Однако на краевом уровне ценз оседлости при избрании депутатов краевого Законодательного Собрания сохранен, что противоречит п.5 ст.4 Закона РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», признающему ничтожность установления таких ограничений. Некоторые разночтения между общероссийским и краевым законодательством следует устранить. Так, например, согласно п.2 ст.14 Закона Алтайского края «О выборах главы администрации Алтайского края» решения избирательных комиссий, принятые в пределах их компетенции, обязательны, в частности, для органов государственной власти. Закон РФ «об основных гарантиях...» (п. 11. ст. 21) фиксирует, что решения избирательных комиссий, принятые в пределах их компетенции, обязательны для органов только исполнительной власти.

В последнее время на региональном уровне проявляется тенденция к использованию кодифицированной формы регулирования выборов. Алтайский край находится на пути к этому – ведется разработка Избирательного кодекса Алтайского края, призванного регламентировать все виды краевых и муниципальных выборов, референдум, отзыв депутатов и выборных должностных лиц.

Базылев А.В.
РОЛЬ ФРАКЦИИ НСДАП В РАЗРУШЕНИИ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЙМАРСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Проблема деятельности парламентских фракций – одна из наиболее актуальных и недостаточно изученных как в истории российского, так и зарубежного парламентаризма. В связи с этим заслуживает особого внимания роль фракции национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в разрушении парламентской системы Веймарской республики.

Только после неудачи «пивного путча» 1923 г. руководством национал-социалистов было принято решение о необходимости использования парламентских форм борьбы за власть. На протяжении 1924-1930 гг. фракция НСДАП занимала по количеству депутатов одно из последних мест в рейхстаге. Как заявил В. Фрик, руководитель

фракции НСДАП, основной задачей нацистских депутатов в этот период было «распространение с парламентской трибуны национал-социалистических взглядов».

Коренным образом изменилась деятельность нацистских депутатов после шумных успехов НСДАП на выборах 14 сентября 1930 г., когда вместо 12 в рейхстаге стали заседать 107 национал-социалистов. Нацистская фракция сразу заявила, что она не собирается заниматься парламентской политикой, а будет использовать рейхстаг как средство для нападок на «систему» и ее учреждения. Начиная с осени 1930 г., нормальной деятельности рейхстага со все возрастающей силой стали препятствовать национал-социалисты: бесконечные выступления по порядку заседания, пустые дебаты; отказ от участия в голосовании; свист, топот, захопывание выступающих, реплики с мест; физические столкновения между депутатами. Особенно горячими были летние парламентские дебаты 1932 г., когда в рейхстаг было выбрано 230 национал-социалистов. Наиболее крупная фракция парламента обладала теперь правом избирать председателя рейхстага. 30 августа 1932 г. большинством голосов пост председателя рейхстага занял Г. Геринг. Используя свое положение, Геринг смог надежно заблокировать работу рейхстага и застопорить принятие важных декретов, постепенно уменьшая значение рейхстага в политической жизни государства. Благодаря фракции НСДАП произошло ограничение прав выборных органов путем все более частого использования правительством республики методов чрезвычайного президентского правления.

История последних лет Веймарской республики наглядно показала: радикальная партия, обладающая достаточным количеством мест в парламенте, способна дестабилизировать его работу, что ведет к подрыву основ парламентаризма и скатыванию к чрезвычайным методам правления.

Бетмакаев А.М.
ПАРЛАМЕНТ БЕЗ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА
(ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА)

Система институтов Европейского Союза – в том виде, в котором она существует сегодня, – сложилась далеко не сразу. Пожалуй, главным фактором в развитии системы стало перераспределение полномочий

между сообществами, с одной стороны, и государствами – с другой. Речь идет, прежде всего, о некотором перераспределении функций, особенно в пользу Европейского парламента, который все более активно вовлекается в процесс принятия решений.

Формирование институционального механизма Европейского сообщества – это не механическое перенесение элементов национального регулирования, а создание нового механизма, дополняющего уже существующие. Как и сама европейская интеграция, система управления ее процессами во многом строилась на новых началах, неизвестных прошлому. И эта новизна состояла в том, что сообщества, а затем и Европейский Союз создавались не только как международные организации, но и как наднациональные образования¹.

В ходе развития системы институтов ЕС происходило усиление функций ЕП, который должен был доказывать право на свое существование на каждом этапе европейского интеграционного процесса.

Европейский парламент первоначально был уполномочен осуществлять лишь функции обсуждения и контроля действий Комиссии и Совета. Однако его полномочия претерпевали изменения в ходе интеграционного процесса. В 1970 году Парламент получил право участвовать в обсуждении и принятии всех финансовых документов наряду с Советом. Затем было установлено разделение бюджетных полномочий между Европейским парламентом и Советом: за Советом осталось последнее слово в так называемых «обязательных» расходах, а Парламенту принадлежало окончательное решение по статье «необязательных» расходов (около 45% бюджета)².

Для понимания истинной роли любого парламента важен объем его бюджетных полномочий. Уже в 1970 году, когда у Сообщества появились собственные бюджетные средства, потребовался парламентский контроль. Для расширения бюджетных полномочий Европейского парламента государства решили внести поправки в учредительные договоры. С этой целью были подписаны два договора:

---

¹ См. об этом подробнее: Топорнин Б. Н. Европейские сообщества: право и институты. М., 1992.

² Ноэль Э. Работать сообща – принцип деятельности органов Сообщества. М., 1994. С. 54.

22 апреля 1970 года и 22 июля 1975 года. С 1970 года Парламент получил право участвовать в обсуждении и принятии всех финансовых документов наряду с Советом. Договор 1975 года установил разделение бюджетных полномочий между Европейским парламентом и Советом: за Советом осталось последнее слово в так называемых «обязательных» расходах, особенно это касалось расходов на сельское хозяйство. Зато Парламенту принадлежало окончательное решение по статье «необязательных» расходов, то есть таких расходов, которые прямо не оговорены законодательством Сообщества. Бюджетные полномочия Европейского парламента включают в себя принятие статей по расходам на содержание управленческого аппарата органов Сообщества и эксплуатационные расходы (кредиты на структурные фонды, научные исследования, охрану окружающей среды и т. п.). Европарламент, кроме того, может предлагать изменения категории «обязательных» расходов. Если они не увеличивают общей суммы расходов, то они, скорее всего, будут приняты при условии, что Совет не отклонит их квалифицированным большинством.

Что касается самого бюджета, то роль Европарламента в его принятии стала особенно весомой после того, как ему было предоставлено право отклонять бюджет в целом. Но и здесь предусмотрено тесное взаимодействие Парламента с Советом.

Порядок принятия бюджета разработан во многих документах, в том числе в Регламенте Европарламента. Согласно порядку рассмотрения проекта бюджета, основные показатели бюджета представляются в Европарламент Комиссией, а затем направляются в соответствующий комитет. Все остальные комитеты также обязаны представить Европарламенту свою позицию по проекту основных показателей. Бюджетный комитет обобщает замечания и предложения и докладывает об этом Парламенту. Свое решение Европейский парламент принимает квалифицированным большинством.

Проект бюджета проходит в Парламенте две фазы обсуждения. Каждый депутат может выступить с предложением о внесении изменений и дополнений в проект бюджета. Замечания и дополнения, не вошедшие в доклад бюджетного комитета, заслушиваются Европейским парламентом, если они представлены комитетом или группой, состоящей не менее чем из 29 депутатов. Чтобы быть принятыми, поправки об изменении проекта бюджета должны получить

большинство голосов списочного состава Европарламента, а поправки с дополнениями к бюджету – большинство поданных голосов. В том случае, если Европарламент не вносит изменений в проект, бюджет считается принятым окончательно. Если же им вносятся изменения и дополнения, то проект бюджета вместе с ними передается Совету. Протокол заседания, на котором Парламент определил свое отношение к проекту бюджета, направляется в Совет и Комиссию.

На второй фазе рассмотрения бюджета в Европейском парламенте происходит следующее. Если Совет меняет то или иное предложение об изменениях и дополнениях проекта бюджета, внесенное Европарламентом, проект вновь направляется в соответствующий специализированный комитет. Одновременно каждый депутат, каждый комитет может также предлагать поправки к проекту бюджета, представленному Советом. Как и на первой фазе, общий доклад готовится соответствующим специализированным комитетом. Европейский парламент принимает решение тем же квалифицированным большинством. Если поправки Совета принимаются, соответствующая часть бюджета в редакции Совета считается принятой, в противном случае – отклоненной. Европарламент может отклонить проект бюджета в целом. Предложение об этом вправе вносить комитет или группа, состоящая не менее чем из 29 депутатов. Европарламент заслушивает мнение соответствующего специализированного комитета, и решение принимается в присутствии большинства депутатов квалифицированным большинством¹.

Европарламент несколько раз использовал право отклонения проекта бюджета, например, в 1979 и 1985 годах. Но сам разработать и утвердить этот документ он не вправе. Его несогласие с предложенным бюджетом не влечет за собой серьезных правовых последствий: он может требовать лишь представления нового проекта. Вместе с тем значение его решений по поводу бюджета не стоит недооценивать. Совету и Комиссии трудно настаивать на своем проекте, особенно если общественное мнение примет сторону Европарламента. Наконец, председатель Европейского парламента несет ответственность за

---

¹ Европейский Союз: Путеводитель / Под ред. Борко Ю.А. М., 1998. С. 27-42.

объявление бюджета окончательно принятым после завершения всех процедур.

В 1988 году Межинституциональное соглашение по бюджетной дисциплине и улучшению бюджетной процедуры установило совместную ответственность Европейского парламента, Совета и Комиссии в этой сфере с учетом полномочий, признанных за ними Договорами. Также по рекомендации Европейского Совета Европарламент должен давать Комиссии оценку ее деятельности о выполнении бюджета за предыдущий год. Таким образом, можно отметить, что с конца 70-х годов начался процесс постепенного расширения бюджетных полномочий Европейского парламента. Он стал очевидным и деятельным соучастником в бюджетных делах Европейского союза. Парламент расширяет рамки своего влияния и тем самым с большей эффективностью контролирует деятельность Сообщества. Однако даже с большой натяжкой Европарламент трудно назвать носителем законодательной власти. По существу за ним признаны три основных функции: совещательная, консультативная и функция соучастия в законодательном процессе. Европарламент не наделен правом законодательной инициативы. Как исключение можно рассматривать его право разрабатывать проект единого порядка выборов депутатов и утверждение собственного регламента.

В рамках Римских договоров вовлеченность Парламента в законодательный процесс была сведена к высказыванию своего мнения по предложениям Комиссии. Тем не менее, Европейский парламента не был удовлетворен консультативной ролью (особенно после того, как он стал выборным органом в 1979 г.). Он поставил перед собой цель добиться разделения законодательных полномочий между ним и Европейским советом. Еще в феврале 1984 года первый Парламент, избранный на основе прямого голосования, принял проект договора, учреждающего Европейский Союз, представленный по инициативе видного федералиста Альтиеро Спинелли. Его целью был глубокий пересмотр институциональной системы Сообщества. Кроме того, он был направлен на реформу законодательной системы Сообщества через предоставление Европейскому парламента и Совету равных

возможностей при принятии решений¹. Инициатива Европарламента дала толчок разработке Единого европейского акта, который вступил в силу в июле 1987 года.

Главным достижением Единого европейского акта в пользу Европарламента является введение процедуры сотрудничества, которая приблизила Европарламент к традиционной модели парламентского учреждения². Требование единогласия и квалифицированного большинства от Совета весьма существенно, ибо Европарламент может теперь найти минимальную поддержку в Совете и тем самым блокировать принятие неугодного ему «законодательного акта». В дальнейшем Акт был дополнен положениями Маастрихтского и Амстердамского договоров, которые в 90-е годы установили процедуру согласования между Советом, Комиссией и Парламентом, что усилило влияние ЕП на законодательный процесс в ЕС³.

Расширение полномочий парламента стало возможно в результате постоянно идущей в ЕС дискуссии между сторонниками двух концепций развития европейской интеграции – «Европы государств» и «Европы отечеств», или между приверженцами сотрудничества на межправительственном уровне и федералистами. При доминировании первого подхода федералистам все же удалось улучшить шансы превращения Европарламента в полноценный орган представительной власти путем проведения прямых выборов. Это способствовало повышению общеполитического престижа и легитимности Европарламента. То обстоятельство, что депутаты Европарламента представляют не национальные парламенты своих стран, а непосредственно избирателей, делает их более независимыми при обсуждении и решении проблем развития⁴. Претендуя на статус

---

¹ Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского Союза. М., 1998. С. 117-125.

² Единый европейский акт / Документы Европейского Союза. Т.2. – М., 1994.

³ Договор о Европейском Союзе // Документы ЕС. Т. 2. М., 1994. Treaty of Amsterdam. Luxembourg, 1994. Текст договора помещен в сети ИНТЕРНЕТ по адресу <http://www.eu.int>.

⁴ Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества. М. 1998. С. 29.

представителей населения Европы, депутаты Европарламента стали более активными во взаимоотношениях с Советом и Комиссией.

Ярким примером дальнейшего усиления позиций Европарламента стала деятельность парламентской комиссии, расследование которой привело к уходу в отставку Комиссии ЕС в марте 1999 г. из-за выявленных финансовых нарушений в ее работе.

Таким образом, специфичность ЕП проявляется, главным образом, в контроле за деятельностью КЕС, в частичном влиянии на бюджетный и законодательный процесс. Такая роль наднационального парламента предопределена преимущественно межгосударственной формой Европейского Союза.

Глушков А.Е.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Современная политическая нестабильность и кризис власти в России связываются многими отечественными политиками с ныне действующей Конституцией, отдавшей «предпочтение» властным полномочиям Президента, а не парламента. В связи с этим подвергается резкой критике президентская форма правления, усиливаются призывы изменить Конституцию страны и сделать «откат» в сторону парламентской республики. Основные недостатки президентской формы правления видятся ее противникам в независимости Президента как всенародного избранника, в наделении существенными полномочиями одного человека и в отсутствии временной гибкости. Критики «слева» и «справа» подчеркивают, что Президент не способен управлять страной, потерял доверие народа. Он не в состоянии предложить и осуществить позитивную программу по стабилизации политического и экономического положения страны, занимается «перетряхиванием» состава правительственных кабинетов, ориентируясь на собственные интересы, и находится в постоянной конфронтации с парламентским большинством. Однако парламент оказывается бессильным «воздействовать» на Президента. Хотя российская Конституция и предусматривает досрочную отставку Президента, в том числе путем импичмента, но, как показала практика, досрочное отрешение Президента от власти достаточно проблематично, особенно если импичмент носит откровенно политический характер.

Сторонники парламентской формы правления указывают на ее демократизм и наличие консенсуса, которые обеспечивают парламентский контроль над работой правительства и политическую стабильность. Однако они не учитывают слабость гражданского общества в России, отсутствие сложившихся политических партий и наличие глубоко идеологизированного электората. В условиях парламентской системы эти факторы таят опасность политической нестабильности. Действительно, история Четвертой республики во Франции свидетельствует, что за 12 лет ее существования сменилось более 20 правительств, страна пережила ряд серьезных кризисов, которые привели режим к падению. Партийное противостояние (нередко непримиримое) в нынешней Государственной Думе совсем не внушает оптимизма относительно политического консенсуса и стабильности парламентской республики в России.

В современной политологии существует понятие «устойчивость политического режима». Среди исследователей нет единой точки зрения на то, какие демократические институционные системы больше подвержены кризисам, ведущим к установлению недемократических режимов. Не исключено, что некоторые потерпевшие крах президентские республики, например, в Чили, выжили бы в парламентской, а потерпевшие крах парламентские демократии сохранились бы в президентской форме. В связи с этим большой интерес представляет первая попытка демократизации Германии, относящаяся ко времени Веймарской республики.

На рубеже XIX-XX вв. в результате экономической модернизации в Германии сложились политические силы, которые были заинтересованы в демократизации авторитарного монархического режима. Немецкие буржуазные либералы и социал-демократы, составлявшие костяк новых политических сил, выступили за упразднение значительной части властных полномочий императора и передачи их рейхстагу. В частности, они добивались вывода из-под контроля монарха правительства страны и формирования кабинета, ответственного перед всенародно избранным парламентом. В условиях военно-политического и экономического кризиса Германии осенью 1918 г. началась либерализация политической системы. Она открывала перспективы парламентаризации монархии через конституционную реформу. Политическим идеалом многих немецких либералов и

тогдашнего рейхсканцлера М. Баденского была Великобритания с всесильным парламентом и безвластной монархией.

Однако начавшаяся в Германии революция резко изменила наметившийся порядок реформ: монархия была сметена восставшим народом. Власть оказалась в руках немецких социал-демократов, которые отказались от «советизации» страны. Германское общество оказалось фактически единым в своем движении к демократическому строю. Избранному в 1919 г. на основе всеобщих выборов Национальному собранию предстояло разработать и утвердить новую Конституцию, которая бы, учитывая сложившиеся после революции реальности, обеспечила стабильное развитие демократической республике.

Национальное собрание отвергло крайние институционные формы государственности – президентскую и парламентскую республику. Депутаты нашли «срединный» вариант в виде президентско-парламентской модели. Именно этот вариант республики с некоторой спецификой сложился и в нынешней России. По германской Конституции, получившей название Веймарской, страна получала всенародно избранных Президента и парламент-рейхстаг. Полномочия по формированию правительства получал Президент и рейхстаг. Президент назначал и смещал правительство, но при этом правительство нуждалось в доверии рейхстага. Потеря правительством доверия могла привести либо к его отставке, либо к роспуску рейхстага и досрочным парламентским выборам. В политической практике Веймарской республики в целях достижения консенсуса между рейхстагом и правительством Президент поручал сформировать кабинет одному из лидеров парламентского большинства.

Национальное собрание приняло и соответствующую форму правления избирательную систему. Депутаты сделали выбор в пользу «консенсусной» избирательной модели, основанной на пропорциональном представительстве. Именно эта модель ассоциировалась с «полной» демократией и многопартийной системой, сложившейся в Веймарской республике. Причем был выбран крайний вариант пропорционального представительства, который фактически не ставил перед непопулярными партиями каких-либо барьеров. По результатам первых парламентских выборов 1920 г., проходивших по новому избирательному закону, в рейхстаге было представлено около 20

политических партий, получивших от 21,6% до менее 1% голосов избирателей. Закон поощрял возникновение множества партий-карликов, которые не способствовали консолидации немецкого общества. Закон давал возможность получить депутатские мандаты как партиям, представлявшим традиционную немецкую реакцию – военщину, земельную аристократию, – так и новым радикальным партиям, которые использовали парламентскую трибуну для борьбы против республики. В рейхстаге первого созыва четвертьма депутатами была представлена компартия, собравшая 2% голосов избирателей. В 1928 г. национал-социалисты прошли в рейхстаг, получив на выборах 2,6% голосов. В условиях политической стабилизации созданная конституционная система и избирательный закон широко использовались демократическими партиями в интересах Веймарской республики. К примеру, за социал-демократов, составлявших основу центристских сил республики, в 20-е гг. голосовало не менее 20% немцев, лидер СДПГ Ф. Эберт занимал президентский пост с 1919 по 1925 г.

Президентско-парламентская республика в Германии имела еще одну особенность. Президент страны в особых случаях (угроза конституционному строю, длительный правительственный кризис) имел право назначать правительство, основанное не на доверии рейхстага (ст. 48 Конституции). Это было «президентское правительство», «правительство специалистов», «независимое правительство», которое проводило в жизнь свои решения не через рейхстаг, а через декреты Президента.

В начале 30-х гг. Германия оказалась в состоянии глубокого социально-экономического кризиса, расколовшего немецкое общество. Рейхстаг раздирался межпартийной борьбой. Президент использовал данное ему Конституцией право и создавал внепарламентские правительства, находившиеся у власти с марта 1932 г. до конца января 1933. За это время экономический кризис дошел до предела, обозначилась резкая радикализация настроения масс, усилившая влияние антиреспубликанских сил. Компартия выступала за преодоление кризиса путем «советизации» страны. Фашисты боролись за «национал-социалистическую» Германию. Оба варианта предполагали ликвидацию демократической республики, т. е. коммунисты и нацисты объективно находились в одном

антиреспубликанском, антидемократическом лагере. Союз между коммунистами и нацистами был исключен, как исключен и насильственный путь к власти. Коммунистический путч был бы подавлен государством в союзе с нацистами, нацистский – государством в союзе с коммунистами.

Однако ни коммунисты, ни национал-социалисты не имели реальных шансов и на парламентский путь к власти. На выборах в рейхстаг в 1932 г. число голосов, поданных за компартию, достигло 16,8%, за национал-социалистов – 37,4%. Нацистская партия имела в рейхстаге самую многочисленную фракцию. Резко ослабили позиции сторонников демократической республики, имевших в рейхстаге менее 40% мандатов. Если на парламентских выборах 1920 г. демократическая партия получила 8,4%, а народная – 14% голосов избирателей, то в ноябре 1932 г. они получили соответственно 0,9% и 1,8%. Только СДПГ и партия Центра не утратили своих позиций. В условиях раскола немецкого общества, длительного парламентского и правительственного кризиса в результате сложных закулисных интриг, в которых были замешаны видные политики из окружения Президента, 30 января 1933 г. лидер нацистской партии Гитлер был назначен главой кабинета.

Правительство Гитлера не было «президентским». Новый кабинет был парламентским и коалиционным (к нацистам примкнула национальная партия), но коалиция имела в рейхстаге только 248 мест из 584. Расширить коалицию до парламентского большинства нацисты не стремились, поэтому переговоры с Центром закончились неудачей. По предложению Гитлера Президент распустил рейхстаг и назначил новые выборы на 5 марта. Это были последние свободные выборы в Германии, которые нацисты проиграли, получив доверие на управление страной только 43,9% избирателей. Больше Гитлер с выборами не «экспериментировал». Время демократической республики закончилось. Началась эпоха тоталитарного фашистского режима.

Из первого опыта немецкого парламентаризма следует, что сами по себе институционные системы не являются источниками политического кризиса и не ведут демократию к краху. И президентская и парламентская республики и их разновидности успешно действуют в условиях экономической и политической стабилизации, но не являются гарантами демократии. Любая модель демократической республики предполагает наличие развитого гражданского общества, и прежде всего

развитой структуры политических партий. Президентская и парламентская демократии наиболее успешно действуют в тех странах, где сложились 2-3 партии – лидера, опирающихся на большинство избирателей. В современной России процесс партийного строительства, особенно в демократическом движении, чрезвычайно затянулся. В условиях экономического кризиса, идеологического и политического противостояния в обществе связывать перспективы российской демократии с парламентской республикой весьма проблематично. Трудно рассчитывать на то, что какой-либо из ныне формирующихся избирательных блоков получит большинство мест в Государственной Думе, еще труднее поверить в способности наших политиков к компромиссу. Остается только ждать.

Емешин К.Н.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРЛАМЕНТА СО СТРУКТУРАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Нас всех можно поздравить с тем, что недавно выборы в Государственную Думу России были, по сути, отменены. Мало кто обратил внимание на реплику премьер-министра С. Степашина, когда он высказал мысль, что «негоже растаскивать губернаторов по партийным квартирам». Он имел в виду, что часть глав регионов вошли в блок «Вся Россия», часть – в «Голос России», многие по-прежнему опираются на структуры «левых» партий и т.д. И вслед за этой фразой была высказана мысль, что губернаторам надо вместе с правительством согласованно определиться по выдвигаемым кандидатам и составить списки кандидатов, которых будет поддерживать исполнительная власть. Можно оценить это как оговорку, но она, в соответствии с учением психоанализа, является очень важным элементом для понимания поведения человека. Эта оговорка не случайна, это и есть основная особенность формирования избирательной системы в России за последние годы.

Вспомним историю становления современной избирательной системы в России. Мы все были участниками избирательной системы еще в СССР. Там тоже были выборы, но эти выборы, по сути, происходили на подготовительном этапе, когда партийные структуры производили отбор кандидатов. Причем отбор шел тщательно и

согласовывался на различных этажах партийной иерархии. Задавались определенные требования – процент рабочих, интеллигенции, крестьян и т.д. На этом подготовительном этапе и осуществлялся «выбор», который как бы подтверждался всенародным голосованием. И результаты этого голосования были довольно легитимны. Я сам много раз возглавлял избирательную комиссию и, уверяю вас, явка, хоть и обеспечивалась активным «приводом» избирателей, была значительной. А в бюллетенях были лишь отдельные «Против», хотя столько же было бюллетеней с выражением благодарности «родной партии и правительству». Таким образом, основной выбор делался до всенародного голосования, которое было как бы подтверждением правильности выбора партийной властной машины.

Суть революции конца 80-х годов не только в том, что мы стали выбирать из двух и более кандидатов, но и в том, что центр тяжести выбора переместился от подготовительного этапа к самому голосованию избирателей. Эволюция избирательной системы была направлена в соответствии с вектором движения к гражданскому обществу. На какой-то момент власть потеряла контроль над формированием списка кандидатов. Это особенно выразилось при выборах в Государственную Думу и появлении партийных списков. Правда, властная машина попыталась взять под контроль выборы по партийным спискам путем выделения «партии власти», но победа партии В.Жириновского в декабре 1993 г. показала, что «власть предполагает, а жизнь располагает». И основную роль здесь сыграли «избирательные технологии».

И вот именно с освоением структурами власти избирательных технологий начался, на наш взгляд, обратный процесс в эволюции избирательной системы как составной части формирования гражданского общества. Центр тяжести выбора в нынешней избирательной системе России вновь переместился на подготовительный этап.

Все четче стали проявляться факты, когда власть берет под контроль партийные структуры. Недавно мы стали свидетелями и участниками формирования движения «Россия молодая». Эта структура была создана Б. Немцовым, и для ее создания была выбрана удачная ниша – «молодежная». В Алтайском крае попытались создать ячейку этой организации студенты из независимого профсоюза политехников.

Поскольку «Россия молодая» входит в коалицию «Правое дело», «Демвыбор» организационно помогал коллегам. И тут произошло нечто интересное. Ячейка как бы раскололась – была группа студентов, которая создавала эту ячейку. Во главе были молодые, хоть и амбициозные лидеры, но появился еще один лидер, который вел себя довольно странно. Он пытался расколоть ячейку, отличался неисполнением договоренностей, попытался создать альтернативную партийную структуру, причем делал это как-то «кулуарно». Активно искал контактов не с партиями «Правого дела», а с конкурирующими партиями, с представителями власти. Потом оказалось, что этот молодой человек был в свое время доверенным лицом губернатора Сурикова. Все стало понятным. Еще одним примером такого стремления власти взять под контроль партийные структуры явилось становление «Отечества». Не секрет, что алтайская организация этого движения, по сути, контролируется краевой и городской властью. Еще одним примером мог бы стать процесс формирования «Конгресса интеллигенции», которых у нас в крае образовалось два – один подконтролен власти, другой менее контролируем ею¹.

Одной из немногих партийных структур, которая пока не контролируется краевыми властями, осталась парторганизация «Демвыбора». Вот почему краевые власти и здесь отработали определенную схему для «нейтрализации» этой неконтролируемой партии. В эту схему входят следующие элементы: формирование образа этой партии как «крайней, экстремистской»; устранение из структур власти любых сторонников этой партии, жесткое преследование любого чиновника, который хоть как-то общается с этой партией; полное перекрытие информационных каналов для этой партии; попытка расколоть эту ячейку с выделением ее сторонников, лояльных властям, как это недавно имело место при встрече Немцова с губернатором

---

¹ Автор имеет в виду события января 1998 г., когда в результате бесцеремонного вмешательства левоориентированных краевых чиновников «Конгресс интеллигенции Алтайского края» был расколот, из него выделилась марионеточная (по оценке многих наблюдателей) организация людей, называющих себя «народными интеллигентами». Подробное освещение этого события, имевшего большой общественный резонанс, дано в 5-м выпуске «Дневника АШПИ», который называется «Интеллигенция и власть» (Барнаул, 1998).

Суриковым (Суриков посоветовал сменить руководство «Правого дела» на Алтае, и даже вызвался порекомендовать «уважаемых людей»); жесткий прессинг предпринимателей, которые хоть как-то пытаются поддержать эту партию; поощрение тех партий, которые как бы конкурируют на «демократическом» поле, но лояльны к власти и безобидны для нее.

Власть, стремясь взять под контроль результаты выборов, выбрала тактику взятия под контроль партийных структур и тактику раскола тех партийных структур, которые мало подвластны ей.

Властные структуры, начиная от глав местного самоуправления, главы краевой администрации, вплоть до администрации Президента, в том числе и аналитические центры спецслужб, стали проводить активную политику в предварительном отборе кандидатов, в предварительной «раскрутке» кандидатов и «подавлении» неугодных кандидатов. Причем избирательные технологии используются еще до объявления избирательной кампании – формулируют для этих кандидатов определенный «месседж», используют СМИ.

Пример – довыборы в 1998 году в КЗС директора Шинного завода – Ю. Бобкова. Сам он никогда не проявлял каких-либо политических амбиций. Но, занимаясь своим делом, попав в жесткие рамки определенной финансово-промышленной группировки, был рекомендован как кандидат для политической деятельности. Причем как кандидат списка резерва городской и краевой власти. Он удачно стартовал на довыборах в своем Ленинском районе, где находится его завод, жилые массивы завода и клуб. Власть очень умело научилась использовать свои возможности для поддержки кандидата, не нарушая закон о выборах. Ну, какое тут нарушение закона, если районная власть устраивает встречу с ветеранами в клубе Шинного завода, раздает им подарки, а во время концерта ведущий вдруг говорит, что вот этот номер школьники подготовили при поддержке руководства завода и лично Ю. Бобкова? Только один раз власть допустила «ляпсус». А именно, все директора школ Ленинского района по команде администрации написали письма родителям с предложением голосовать за Ю. Бобкова. Но одна из директоров школ оказалась членом избирательной комиссии и не имела право по закону агитировать. Это упущение оказалось легко поправимым – ее просто отстранили от деятельности в комиссии.

Таким образом, у власти как бы формируется список «резерва» кандидатов на разного рода выборы. Причем в этом списке есть кандидаты не только для выполнения «позитивных» задач, т.е. победить на выборах, но есть в этом списке и кандидаты, которые должны сработать «против» какого-нибудь кандидата. Уверяю вас, что стоит только власти озаботиться по выдвижению по Барнаулу кандидатом в Государственную Думу Ю. Бобкова, как это будет выигрышный кандидат.

Вот почему эта тенденция эволюции избирательного процесса в России выразилась в формировании так называемых «губернаторских» или «мэрских» списков. Возьмите пример выборов в Петербурге. А еще ранее в Москве. Кстати, в Москве, казалось бы, «Яблоко» и «Демвыбор» договорились и согласовали списки кандидатов на выборах в Мосгордуму. Но все прекрасно знают, что победили только те кандидаты, которые одновременно прошли по списку Ю. Лужкова. Еще ранее так была выбрана Барнаульская городская Дума. Очевидно, что подобные представительные органы всенародно избраны, но не представляют никого, кроме самой власти.

Одним из направлений такой постоянной работы власти по выборам является создание за счет бюджетных средств своеобразных постоянно действующих избирательных штабов. В результате такой постоянной работы в любой момент, например, В. Баварин и люди из его списка легко обеспечат себе победу. Причем только за счет избирательных технологий, а не за счет своей работы во власти. Одна из особенностей российской избирательной системы – то, что она успешно пользуется разрывом в сознании российских избирателей. С помощью избирательных технологий у них формируются предпочтения, но это никак не связано с реальными действиями избранных. Нет достаточного понимания у избирателей, что те проблемы, которые их заботят, и есть порождение выбора, который они сделали.

Сейчас практически решается проблема будущих губернаторских выборов в Алтайском крае. Сошел с губернаторской гонки А. Назарчук. Убран из власти В. Райфикешт. Найдены средства давления власти на Л. Коршунова. Определена роль и найдены средства давления на такого амбициозного политика, как Н. Чертов. А. Суриковым уже создано несколько избирательных штабов, которые он лично возглавляет – оргкомитеты по празднованию 55-летия Победы, по празднованию

2000-летия христианства, попечительские советы спортивных команд. Краевая власть объявляет и проводит массу конкурсов среди СМИ «На лучшее освещение деятельности краевой администрации». А. Суриков полностью взял под контроль электронные СМИ в крае.

Одним из мощнейших средств давления власти на избирательную кампанию является контроль за финансовыми потоками государственных финансовых средств. Так, например, А. Суриков уже к своим будущим выборам развивает ранее контролировавшиеся им потоки финансовых средств дорожного фонда, потоки средств, контролировавшиеся ранее И. Апариним, а сейчас им же, но уже через «Агропрод». Но в последнее время А. Суриков расширил свою финансовую базу – добавились средства свободной экономической зоны, финансовые средства «Коксохима», многочисленные структуры, наживающиеся на взаимозачетах, поставках алкоголя, нефтепродуктов и цветных металлов.

Не случайно А. Суриков раньше С. Степашина заявил, что он определится с кандидатами, которые будут им поддержаны на выборах в Государственную Думу, и что он озвучит этих кандидатов позднее. Пока только можно с уверенностью утверждать, что А. Суриков и все структуры власти поддержат по Рубцовскому округу Н. Герасименко. И не случайно ему конкурентом от коммунистов подставлен крайне одиозный представитель «левых» М. Заповев. Любой аналитик поймет, что это самый удобный противник для Н. Герасименко. И только грубые ошибки могут привести к поражению Н. Герасименко.

Таким образом, мы, введя в России альтернативные выборы, незаметно для себя оказались на том же уровне – когда власть осуществляет выбор за нас, а нам остается только проголосовать. Многочисленные несистемные кандидаты, как правило, не опасны власти, они используют выборы для решения личных проблем. Причем даже альтернативные кандидаты зачастую также подбираются властью – на всякий случай, чтобы не сорвались альтернативные выборы. В чем причина подобного результата, когда мы вновь так же далеки от гражданского общества, как и ранее?

На наш взгляд, это прежде всего результат сформировавшейся в России системы латиноамериканского капитализма, когда власть не только тесно переплетена с бизнесом, но и сами властные чиновники занимаются бизнесом, а властные полномочия используют в интересах

своего бизнеса и подавления конкурентов. Вот почему только формирование конкурентной экономики, либеральной модели капитализма позволит дать толчок демократии и формированию системы, когда воля избирателей будет определять действия властей, а действия властей не будут предопределять результаты выборов.

Второй выход у сторонников гражданского общества – шире использовать технологии индивидуальной работы с избирателями. Например, технология «от двери к двери». Поиски финансовой поддержки не от финансовых структур, а от рядовых избирателей, пусть это будет один или два рубля, но это будет прямой мостик от воли избирателя к депутату. А с этим связана очень трудоемкая работа по просвещению избирателей – они должны научиться понимать, что в их бедах виноват не «Чубайс», что за здравоохранение в городе отвечает мэр, за величину налогов – депутаты Госдумы, а за чистоту подъезда – сами жильцы.

Третья надежда у сторонников гражданского общества – использование противоречий различных административно – финансовых групп. Учитывая эти противоречия, можно повлиять на власть. Но наш опыт пока убедил нас в бесперспективности этого подхода, так как это зачастую лишь видимость противоречий. В этом случае я привожу классический пример – конкуренцию А. Сурикова и В. Германенко в 1994 году на выборах председателя КЗС. Страсти были накалены до предела – шла борьба за каждый голос. Но после победы А. Сурикова все наблюдатели отметили дружеский характер общения конкурентов. И мотивы этой дружбы были непонятны только некоторым непосвященным – ведь сын А. Сурикова и дети В. Германенко являются учредителями «Алтайкапиталбанка»... Выборы даже при двух кандидатах были, по сути, безальтернативными: в любом случае побеждал «Алтайкапиталбанк».

Еремин И.А.

ВЛИЯНИЕ ЛОББИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

После принятия на всенародном референдуме Конституции постсоветской России в декабре 1993 г. в нашей стране утвердилась президентская республика. Тем не менее, роль парламента в новой конструкции российской власти весьма значительна. После первых

парламентских выборов на многопартийной основе в нашей стране сформировался широкий спектр самых различных политических сил. Выборы в Государственную Думу в 1999 г. станут уже третьей пробой сил для политических партий и движений современной России.

Среди множества самых различных факторов, оказывающих существенное влияние на формирование и современное состояние парламентской демократии в России, лоббизм играет далеко не последнюю роль. Под лоббизмом традиционно понимается деятельность групп представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику.

Прежде всего, в нашей политической системе присутствует отраслевой лоббизм, характерный и для многих зарубежных стран. Так, политической силой на парламентской арене России, проводящей в жизнь интересы аграрного лобби в колхозно-совхозном варианте развития, является Аграрная партия (лидер – М. Лапшин). Политический вес аграрного лобби сегодня настолько значителен, что, даже не имея в Думе отдельной фракции по итогам выборов 1995 г., аграрии сумели добиться в сформированном в сентябре 1998 г. правительстве Е. Примакова поста вице-преьера для своего выдвиженца Г. Кулика. Надеясь на успех на предстоящих в декабре парламентских выборах, аграрии на своем VII съезде, прошедшем в марте 1999 г., приняли решение идти на выборы не в составе левого Народно-патриотического союза России (НПСР), а отдельным избирательным списком. Видимо, здесь кроется политическая уверенность приверженцев колхозно-совхозной системы, что их последовательная борьба против частной собственности на землю будет по достоинству оценена сторонниками сохранения существующей формы хозяйствования, число которых в стране весьма значительно. Как известно, основополагающие принципы, на основе которых должны были развиваться земельные отношения в России в новых политических условиях и нашедшие свое отражение в Земельном кодексе, неоднократно торпедировались в Думе коллективными усилиями левых сил.

Крупнейшая политическая партия России, имеющая по итогам парламентских выборов 1995 г. самую большую фракцию в Государственной Думе, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), возглавляемая Г. Зюгановым, пытается

лоббировать интересы директорского корпуса тяжелой индустрии, в том числе военно-промышленного комплекса. О роли этих отраслей в формировании политических пристрастий правительства Е. Примакова говорит деятельность в нем функционера КПрФ Ю. Маслюкова, который занимал пост первого вице-преьера, оказывавшего решающее влияние на формирование экономической политики. Под лозунгом «защиты отечественного товаропроизводителя» депутаты от КПрФ и их представители в правительстве своими действиями практически блокировали структурную перестройку в обрабатывающей промышленности, направленную на повышение эффективности производства. Это проявилось, в частности, в фактическом отсутствии такого механизма банкротства в промышленности, который бы приводил к появлению рационального собственника, способного модернизировать производство. Большая часть директорского корпуса советской школы выступает против этого, опасаясь потерять свои руководящие кресла, а представители КПрФ во властных структурах защищают их интересы.

Проводником интересов топливодобывающих отраслей промышленности можно считать движение «Наш дом – Россия» – НДР (лидер – В. Черномырдин), считавшееся на выборах 1995 г. партией власти. Сам В. Черномырдин, в прошлом руководитель нефтегазовой отрасли страны, в бытность свою премьер-министром России с 1992 по 1998 гг. стремился оказать всемерную поддержку, в том числе через различные налоговые послабления, концерну «Газпром» и другим нефтегазовым компаниям. В этом ему активно помогала и фракция НДР в Государственной Думе. В итоге, к концу 1998 г., по данным одного из руководителей Счетной палаты России Ю. Болдырева, «Газпром» так и не заплатил государству 6 млрд. долларов положенных налогов. Разумеется, подобная «благотворительность» объясняется политической благодарностью властей за оказываемую им финансовую поддержку со стороны крупных концернов. Так, спокойная реакция властей на нежелание «Газпрома» платить положенные налоги объясняется, по словам Ю. Болдырева, тем, что газовый концерн финансировал избирательную кампанию Б. Ельцина в 1996 г. Не приходится сомневаться, что и на предстоящих парламентских и президентских выборах НДР будет рассчитывать, прежде всего, на финансовую подпитку «Газпрома». Не случайно ведь, что народная молва

перефразировал название движения: вместо «Наш дом –Россия» – «Наш дом – Газпром».

Вновь появляющимся на политической арене России партиям и движениям, особенно если они реально хотят придти к власти, приходится искать свою нишу на ниве лоббизма. Так, достаточно громко заявившее о себе политическое движение «Отечество» (лидер – Ю. Лужков) на предстоящих думских выборах планирует опереться на Российский энерготехнологический конгресс – крупнейшую лоббистскую организацию, руководимую А. Дьяковым. Сам Дьяков в конце 1998 г. объявил о своей поддержке «Отечества» на конференции возглавляемого им конгресса. Учитывая численность энергетиков и наличие энергопредприятий во всех уголках страны, можно не ошибиться, предположив, что движение «Отечество» приобретает солидную материальную базу и союзников, чьи интересы обязательно будут учитываться сторонниками Ю. Лужкова в случае их успеха на выборах в Государственную Думу.

Однако не отраслевой лоббизм оказывает решающее воздействие на все ветви власти современной России. Речь пойдет о лоббистских действиях так называемых олигархов. Истоки современного экономического и политического могущества олигархов уходят в начальный этап экономической реформы правительства Е. Гайдара. Нерациональная ваучерная модель приватизации, проводившаяся А. Чубайсом, способствовала невиданному расхищению богатств страны и коррупции государственного аппарата. В этом практически признался в газете «Коммерсант» министр гайдаровского правительства П. Авен.

Следствием этого стало то, что в результате такой модели приватизации большая часть национальных богатств России перешла в руки даже не бывшей партийно-государственной номенклатуры, не так называемых «красных директоров», а доселе никому не известной, практически моноэтнической крошечной группе новоявленных олигархов в составе Березовского, Гусинского, Ходорковского, Смоленского, Абрамовича, Баскина, Кукеса, братьев Черных и К°. Лоббистскую политику этой группы образно можно назвать березовщиной, по фамилии наиболее известного олигарха — миллиардера Б. Березовского.

По большому счету, на наш взгляд, фигура Березовского является символом той модели демократии и капитализма, которая утвердилась

в России с 1992 г. Модель эту политологи разных политических взглядов совершенно справедливо называют криминально-олигархическим капитализмом. Символом того, насколько, к примеру, свободна и независима пресса, вполне можно считать «Независимую газету», являющуюся собственностью и рупором Березовского (как и 1-й канал телевидения, который Березовский также успешно приватизировал). Совершенно очевидно, что экономическое и политическое могущество новорусских олигархов базируется не только на чубайсовской модели приватизации, но и на поддержке на самых высоких властных уровнях.

Огромное влияние Б. Березовского, которого авторитетный американский журнал «Форбс» назвал «крестным отцом русской мафии», основывается, скорее всего, на небескорыстной близости последнего к семье Президента. Не случайно в этой связи сравнение роли и места Березовского в высших эшелонах российской власти с фигурой печально знаменитого Г. Распутина. Многие обозреватели и в нашей стране, и за рубежом Березовского не называют иначе, как «новым Распутиным».

О том, насколько влиятельной фигурой стал Березовский в последние несколько лет, говорит и факт назначения его в 1996 г. заместителем секретаря Совета безопасности страны, несмотря на скандал в связи с двойным гражданством Бориса Абрамовича. В 1998 г. при поддержке Президента Березовский становится исполнительным секретарем СНГ. Политическое кредо Березовского, человека, который, по словам Б. Немцова, делит людей на богоизбранных и всех остальных, заключается в консервации той общественно-политической и экономической модели общества, которая сложилась к настоящему времени и благодаря которой он сумел сказочно обогатиться. А, учитывая, что практически все крупные партии и движения в России олицетворяются в общественном сознании с возглавляющими их лидерами, для Березовского и его товарищей по олигархическому клану нет важней задачи, чем всемерная поддержка необходимых для сохранения нынешней ситуации политиков. При этом Березовский публично даже не скрывает, на чьей стороне его политические симпатии. Он делит политиков с их партиями и движениями на проходные и непроходные. А. Лебедь и его Российская народно-республиканская партия России (РНРП), по Березовскому, проходные

политические фигуры, а вот В. Черномырдин с НДР – не проходные. Впрочем, это не помешало Березовскому в августе-сентябре 1998 г. проявить кипучую лоббистскую энергию с целью проталкивания В. Черномырдина на пост главы правительства с перспективой для последнего занять президентское кресло после ухода Б. Ельцина с руководящего поста. Когда Государственная Дума проявила строптивость с назначением Черномырдина, Березовский стал делать ставку на А. Лебеда, намекая на возможность создания диктаторского режима в стране во главе с бывшим генералом. Перед этим Березовский успешно спонсировал избирательную кампанию А. Лебеда в Красноярском крае. Здесь цель двоякая: прибрать к своим рукам богатства в вотчине своего ставленника и держать его в стратегическом резерве с прицелом на политическое завоевание Кремля.

Не менее прямолинеен Б. Березовский и в отношении тех политических сил, которые, по его мнению, могут угрожать сложившейся стабильности в случае прихода к власти. Этими силами, по Березовскому, являются КПРФ Г. Зюганова и «Отечество» Ю. Лужкова. Почему? Потому что они не исключают пересмотра некоторых итогов столь успешной для Березовского приватизации. Насколько далеко он может зайти в отстаивании своих коммерческих интересов, говорит, к примеру, требование Березовского запретить КПРФ. Подход к «Отечеству» тоньше, но Кремль, где влияние Березовского и его выдвиженцев очень велико, не скрывает своего раздражения к лужковскому движению.

Продолжая тему криминального лоббирования в политике, нельзя не сказать о такой колоритной организации, как Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) во главе с В. Жириновским. Эта партия понесла самые большие потери в ходе разного рода разборок и заказных убийств. Случайностью это не назовешь. По свидетельству бывшего заместителя вождя ЛДПР А. Венгеровского, партия становится криминальной организацией. Лоббизм ЛДПР, по словам А. Венгеровского, носит специфический характер. Так, работая над государственным бюджетом 1996 г., фракция ЛДПР уделила повышенное внимание оффшорной зоне в Ингушетии: туда были пробиты огромные средства и очень быстро подписаны соответствующие законы о создании там международного центра. По данным А. Венгеровского, ингушская зона является основным

поставщиком денежных средств чеченским боевикам, а с другой стороны – именно через нее последние расплачиваются за поставки оружия из России. Заинтересованность ЛДПР в этом деле объяснялась просто – руководит этой оффшорной зоной и банком «Бин» известный функционер партии, заместитель председателя Государственной думы Гучериев. Сам лидер партии В. Жириновский задает тон в коммерческой ориентации ЛДПР. На последних съездах партии все руководители региональных организаций, которым поручалось приобретать какую-либо недвижимость (квартиру или дом) получали на руки доверенность о том, что при совершении акта купли-продажи они представляют интересы Жириновского как собственника. Это же касается и всех приобретаемых, якобы для партии, машин. То есть вся собственность (движимая и недвижимая) на территории России, числящаяся за ЛДПР, документально принадлежит лично Жириновскому.

Таким образом, следует признать, что создать демократию собственников, опирающуюся на многомиллионный, политически активный средний класс у реформаторов постсоветского периода не получилось. Вместо этого оформился строй криминального капитализма с олигархией и плутократией на вершине власти. Политические партии и движения во все большей степени радуют не столько за интересы страны и большинства народа, сколько заботятся о том, чтобы не было проблем у организаций и лиц, оказывающих им не бескорыстную поддержку.

Заусаева Н.А.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПРЕДДВЕРИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Сегодня невооруженным взглядом можно обнаружить усталость среднего российского гражданина, обусловленную всевозможными социальными и политическими экспериментами советского периода, а также попытками реформирования общества последнего десятилетия. Следствием этого является отказ россиян от прежних политических ценностей и интуитивный переход на позиции консерватизма, когда в качестве главной цели рассматривается обретение стабильности и порядка в обществе. Конечно, большинство людей, стремящихся к этому, отнюдь не считают себя консерваторами или их сторонниками. Более того, они имеют весьма смутное представление о современных

консерваторах, по большей части негативного плана. В этой ситуации утверждение консервативных ценностей даже в такой интуитивной, обыденной форме настоятельно требует оформления консерватизма в виде определенной политической силы. Тем более это становится актуальным в преддверии очередных парламентских выборов, ибо наличие консервативной силы в новом парламенте было бы весьма плодотворно. В этой связи заслуживающей внимания и одобрения выглядит официально объявленная переориентация одной из парламентских фракций на консерватизм, ибо как раз парламентская деятельность более всего сегодня нуждается в здоровом консерватизме. Хотелось бы верить, что мы, как и немецкая нация, наиболее адекватно сможем выразить свое государственное и политическое сознание в русле консервативного течения. Какие же проблемы, касающиеся специфики и трудностей развития российского консерватизма, можно выделить сегодня?

Прежде всего, мы должны решить для себя вопрос, почему нам так необходим консерватизм в сегодняшней ситуации. Представляется, что, во-первых, консерватизм во все времена очень эффективно выполнял роль механизма «сдержек и противовесов» как в рамках всего общества по отношению к радикальному либерализму и революционаризму социалистического и коммунистического толка, так и в рамках парламентской деятельности, где безудержные всплески эмоций зачастую чреваты опасными последствиями для всего общества. Во-вторых, именно консерватизм способен обеспечить ту преемственность между поколениями, эпохами, парламентами, правительствами, которая периодически отрицалась или ставилась под сомнение в нашем обществе. В-третьих, сама объективная тенденция развития общества, кризисная ситуация приводят к тому, что люди все более и более научаются ценить консервативные ценности в реальной жизни.

Касаясь специфики отечественного консерватизма, следует отметить, что он непременно должен быть российским, базироваться на отечественных традициях, носить творческий характер. Этому консерватизму необходимо вобрать в себя весь положительный потенциал, ценности других политических традиций, укорененных на российской почве. Немаловажным аспектом является и наличие меры, границ у формирующегося консерватизма, чтобы не заболеть

«всеохватной» болезнью социализма-коммунизма или отечественного либерализма 90-х годов.

Естественно, развитие консерватизма на современной российской почве сопряжено с различными трудностями, главной из которых является укоренившаяся в общественном сознании ложная, негативная оценка консерватизма, связанная не только с констатацией его классового характера, но и неверным пониманием его сущности, отождествлением его с реакционностью. Преодоление этих трудностей наиболее эффективным может оказаться именно в грядущей предвыборной кампании, когда неизбежно оживляется и актуализируется разъяснительная и просветительская деятельность в лице конкретных политических лидеров, партий, блоков и т.п. Таким образом, стартовавшая предвыборная борьба за парламент способна усилить позиции здорового и конструктивного консерватизма в нашем обществе.

Кацаева М.В.

ЗАКОН «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ» – ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

Свобода выбора вероисповедания, равно как и выбор атеистического мировоззрения всегда являлись безусловными признаками демократизации общественной жизни. В различных странах достижение этих свобод происходило по-разному. Так, большинство европейских стран прошли через эпоху средневекового господства церкви, Реформацию, просветительский нигилизм, и лишь затем – через эпоху конституционных преобразований. У России в области построения отношений между государством и церковью свой путь, характеризующийся жестким государственным контролем. До революции 1917 православие было составной частью государственной идеологии. Авторитет Русской православной церкви был настолько велик, что о соперничестве других конфессий не могло быть и речи. В советское время провозглашалось отделение церкви от государства, равно как и школы от церкви. Научный атеизм был положен в основу государственной идеологии. И, не смотря на то, что в Конституции РСФСР (1936 и 1977 годов) была провозглашена свобода совести и свобода отправления религиозного культа, на деле, как известно, лица духовного сана подвергались

«всеохватной» болезнью социализма-коммунизма или отечественного либерализма 90-х годов.

Естественно, развитие консерватизма на современной российской почве сопряжено с различными трудностями, главной из которых является укоренившаяся в общественном сознании ложная, негативная оценка консерватизма, связанная не только с констатацией его классового характера, но и неверным пониманием его сущности, отождествлением его с реакционностью. Преодоление этих трудностей наиболее эффективным может оказаться именно в грядущей предвыборной кампании, когда неизбежно оживляется и актуализируется разъяснительная и просветительская деятельность в лице конкретных политических лидеров, партий, блоков и т.п. Таким образом, стартовавшая предвыборная борьба за парламент способна усилить позиции здорового и конструктивного консерватизма в нашем обществе.

Кацаева М.В.

ЗАКОН «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ» – ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

Свобода выбора вероисповедания, равно как и выбор атеистического мировоззрения всегда являлись безусловными признаками демократизации общественной жизни. В различных странах достижение этих свобод происходило по-разному. Так, большинство европейских стран прошли через эпоху средневекового господства церкви, Реформацию, просветительский нигилизм, и лишь затем – через эпоху конституционных преобразований. У России в области построения отношений между государством и церковью свой путь, характеризующийся жестким государственным контролем. До революции 1917 православие было составной частью государственной идеологии. Авторитет Русской православной церкви был настолько велик, что о соперничестве других конфессий не могло быть и речи. В советское время провозглашалось отделение церкви от государства, равно как и школы от церкви. Научный атеизм был положен в основу государственной идеологии. И, не смотря на то, что в Конституции РСФСР (1936 и 1977 годов) была провозглашена свобода совести и свобода отправления религиозного культа, на деле, как известно, лица духовного сана подвергались

преследованиям, а исповедание религиозного культа было фактором, исключавшим личность из всех других сфер общественной жизни. Такие элементарные свободы, как свобода слова, свобода печати, свобода собраний, предоставлялись только трудящемуся населению, к которому служители культа, как и другие верующие, не относились. Впрочем, нам хорошо известно, что провозглашение этих свобод имело чисто декларативный характер.

С началом демократических преобразований в нашей стране появилась потребность изменить существовавшие законодательные нормы. В этой связи в октябре 1990 года был принят новый закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», по которому все религии и религиозные объединения признавались равными перед законом, ни одна религия не пользовалась преимуществами. Данным законом провозглашалось отделение от государства не только религиозных, но также атеистических объединений (ст. 8). Учреждался экспертно-консультативный совет при ВС РСФСР по свободе совести и вероисповеданиям. Религиозным объединениям предоставлялся статус юридического лица при условии регистрации их уставов (ст. 18-20). Собственность религиозных объединений признавалась неприкосновенной, в том числе и на территории других государств (ст. 26). Имущественные и финансовые пожертвования освобождались от налогообложения (ст. 30).

В данной редакции закон просуществовал недолго. 14 июля 1993 года в закон «О свободе совести...» были внесены дополнения, необходимость которых связывали с изменением общественно-политического положения: распадом СССР, заключением федеративных договоров и т.д. Однако содержание этих дополнений мало увязывается с изменением политического статуса. Так, например, ст. 14 предусматривала ограничение деятельности зарубежных религиозных организаций. Отныне зарубежные конфессии могли действовать в России только при наличии в России аналогичных религиозных организаций и по их разрешению. Граждане РФ, назначенные на свои должности согласно каноническим правилам своего вероучения религиозными организациями, находящимися вне России, должны получить государственную аккредитацию. Исчезла ст. 10 о равенстве религиозных объединений перед законом. Была исключена также и ст. 12, учреждающая экспертно-консультативный совет. К данным

изменениям различные слои общества отнеслись по-разному. Так, Ю.А. Розенбаум, возглавлявший ранее экспертно-консультативный совет, ясно давал понять, что эти изменения внесены по настоянию леворадикальных сил в Госдуме. Государственные чиновники министерства юстиции РФ выступали за необходимость ужесточения регистрационных норм для религиозных объединений в связи с возрастающей популярностью нетрадиционных культов.

Дальнейшее развитие законодательства по данному вопросу происходило в рамках ужесточения правил регистрации для религиозных объединений. В 1995-1996 годах были приняты поправки, согласно которым запрещалось создание религиозных объединений в воинских частях. Также вводилось положение, предусматривающее обязательную регистрацию иностранных религиозных организаций с последующей их перерегистрацией каждые 3 года. Такие шаги, казалось бы, вполне оправданы в ситуации, когда нетрадиционные религиозные секты с довольно сомнительными формами культа приобретают значительное влияние в кругу молодежи. Но, во-первых, в законодательстве не существовало определения для «иностранных религиозных организаций», не было и критериев, по которым сомнительные действия подобных объединений могли быть признаны незаконными, нарушающими моральное здоровье граждан, способствующими подрыву основ конституционного строя и т.д. Во-вторых, сама постановка вопроса о правах религиозных организаций приобрела негативную политизированную окраску.

Как известно, устранить противоречия и утвердить новые законодательные нормы может новый закон, тем более, что работа по его подготовке проводилась давно. В июле 1997 года в Государственную Думу для обсуждения поступил новый проект закона, который был разработан группой экспертов (В. Борщев), юристов (В. Ряховский), религиозных деятелей (М. Мень). Предметом нового закона должны были быть не только отношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, но и правовое положение религиозных объединений. Несмотря на то, что подготовка закона была длительной, закон был принят с большим количеством недостатков. Главным из них является то, что закон не способствует защите граждан от негативного влияния сект спиритуалистического, мистического, тоталитарного характера. Новый закон, по мнению многих аналитиков,

ущемляет права религиозных конфессий, не имеющих ничего общего с нетрадиционной религиозностью, и прежде всего Русской Православной церкви.

Так, ст. 3 содержит запрет на вовлечение малолетних в религиозные объединения, обучение их без согласия родителей. В данном случае достаточно несогласия одного из родителей, чтобы ребенок не был крещен, даже если ребенок того в действительности желает. Фактически это противоречит той же статье, где провозглашено, что никто не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии. Статья 7 устанавливает необходимый уведомительный порядок деятельности религиозных групп, которые не наделяются статусом юридического лица. Деление религиозных организаций на местные и централизованные является нарушением принципа невмешательства государства в дела религиозных объединений. Фактически, они структурируются государством. Закон ограничивает права учредителей религиозной организации, поскольку они обязательно должны проживать на территории одной местности в течение длительного времени. В ст. 6 право на образование религиозных организаций признается только за гражданами, «постоянно и на законных основаниях проживающими на территории РФ». Правда, иностранная религиозная организация может быть учреждена российскими гражданами. Это нарушает права иностранных граждан, а также иностранных религиозных организаций, имеющих долгую историю на территории России.

Список недостатков нового закона можно было бы продолжить. Каково отношение РПЦ к новому закону? Многие священнослужители, не участвующие в светской и политической жизни, в том числе о. Михаил Вологодский, игумен Иннокентий Павлов отмечали, что любые запрещения выставляют в дурном свете РПЦ. Учение должно утверждать свою правоту на основании духовной силы. Что же касается уменьшения авторитета РПЦ в кругу молодежи, то здесь виновата сама церковь. Православие должно утверждать себя качественным улучшением. Для этого необходима церковная реформа, поскольку ни язык, ни обряд не создают сегодня духовной близости. Необходима внешняя реформа «службы», а не утрирование и популяризация евангельских сюжетов.

В целом, рассматривая развитие религиозности в России, нужно отметить, что этот процесс имеет много новых моментов. В частности, в общественном сознании укрепляется понимание того, что в основании религиозного чувства лежит стремление человека преодолеть разрозненность и фрагментарность современного индустриального мира и скупых научных постулатов. Уменьшение влияния традиционной церкви связано с уменьшением внимания к внутреннему миру индивидуального человека. Интерес к нетрадиционной религиозности связан не только с длительным отсутствием «Бога у нас», но и с объективными факторами. Так, популярность восточных культов связана с тем, что они уделяют большое внимание пониманию основных жизненных ценностей и огромных психофизических возможностей человека. И, наконец, атеизм воспринимается сегодня не просто как отрицание ради отрицания, а как определенная мировоззренческая система со своими исходными предпосылками.

Коваленко Л.Г.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Парламентаризм в России не имеет таких давних традиций, как на Западе, но интерес к проблеме уходит в глубь истории. Выборные учреждения, представляющие определенные сословия и ограничивающие власть монарха, имели место еще в средние века. В современном понимании парламентаризм начал формироваться только в XX в. Первый опыт – Государственная Дума, созданная в 1905 году, но этот институт носил весьма ограниченный характер. Государственная Дума была представительным органом, законосовещательным, существовали ограничительные цензы, т.е. она все-таки не стала представительным учреждением народа, хотя его представители и были избраны депутатами. Не будем рассматривать эту проблему в советский период, имеющий много специфического, обратимся к 90-м годам XX в.

Суверенная Россия. В 1990-93 гг. формируется новый для России институт – парламент – на принципиально новой основе. Это определило суть данного института, то есть из законосовещательного он превращается в действительно законодательный и представительный орган народа. Но народ фактически не может оказать влияние на работу парламента после избрания депутатов. Необходимы механизмы

обратной связи, механизмы контроля над деятельностью парламентариев. Хотя, согласно либерально-демократической концепции и мировой практике, избиратели не могут и не должны отзывать депутата, давать ему наказания. Но в таком случае должны быть задействованы другие механизмы, например, подробная роспись расходов депутата, ограничение его деятельности в других сферах, кроме депутатской, получение заработной платы только в парламенте, все остальное – на общественных началах (лекции, интервью, статьи и т.п.). Должна быть упрощена процедура лишения депутатского иммунитета, так как в противном случае создаются благоприятные условия для совершения противоправных действий депутатами и их помощниками.

Злободневной в конце 90-х годов стала и проблема объема полномочий Государственной Думы и ее взаимодействия с исполнительной властью. Это связано с политическим плюрализмом и формирующейся многопартийностью, так как западноевропейская практика показывает, что в условиях многопартийной системы у парламента должно быть больше полномочий в вопросах формирования правительства и решения социально-экономических и политических проблем. Дискуссионным стал вопрос о переходе к парламентской форме правления, которая, по мнению оппозиции в Государственной Думе, в наибольшей степени отразит сущность сформировавшихся политических отношений и обеспечит действительно ответственное и эффективное управление. Соответственно, это требует внесения изменений в действующую Конституцию.

Таким образом, проблема формирования политической системы, структуры управления не снята с повестки дня, и этот процесс, как можно предположить, будет достаточно длительным. При определенном соотношении политических сил возможны какие-либо изменения и в форме правления.

Козулин В. Н. ***К ВОПРОСУ ОБ ИМИДЖЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА***

Воссозданием Государственной Думы в ходе недавних реформ был сделан первый серьезный шаг к развитию исторической преемственности в государственной жизни новой России. Но нашел ли этот шаг в дальнейшем какое-то логическое продолжение, послужил ли

он укреплению престижа и значения российской законодательной власти наряду с укреплением ее «традиционности»? Думается, что нет. Ведь у Государственной Думы в российском обществе и, в частности, в СМИ создан вовсе не самый престижный имидж. Этому важнейшему законодательному органу порой отказывают (иногда справедливо, а иногда и нет) в солидности, авторитете и принадлежности к политической и культурной элите общества (довольно распространены, скажем, спекуляции на «деревенскости», низком уровне речевой и интеллектуальной культуры некоторых депутатов, упреки в грубом политиканстве и т. п.).

Конечно, и у прежней (имперской) Государственной Думы в тогдашнем общественном мнении не было идеального имиджа. Весьма часто подвергались критике как ее общие характерные черты, так и отдельные парламентарии. В народе же Думу тогда еще сразу окрестили «говорилкой». Но в целом авторитет Думы как единственного подлинно демократического института в общественном мнении и либеральной прессе тогда был незыблем, и она всегда превозносилась над исполнительной властью (последний момент стал даже, на наш взгляд, определенной политической традицией России). То же самое касается многих современных западных государств с давней историей парламентаризма, где, хотя и до сих пор имеют место различные негативные черты в восприятии парламентов, однако в целом они уже давно превратились в «святыню демократии». Их престижу в значительной мере способствует сам вид исторических парламентских зданий, исторические залы заседаний со старинными скамьями, иногда историческая одежда парламентариев (например, в случае с британским парламентом). Разумеется, авторитет нынешней Государственной Думы пока еще крайне далек от того авторитета, каким обладают многие западные парламенты. И это во многом справедливо, хотя бы потому, что в западных демократиях парламенты, кроме прочего, выполняют одну важную функцию — функцию рекрутирования и социализации политической элиты.

Достичь того положения, которое имеют парламенты в западных демократиях, российская Дума когда-нибудь сможет лишь при условии, что уже сейчас наши парламентарии (и общество в целом) задумаются о том, почему Государственная Дума до сих пор не имеет того имиджа, которого достойно учреждение с таким названием и историей.

Возможно, для того, чтобы обрести соответствующий имидж, нужна еще большая опора на историю и традиции. И, может быть, следует согласиться с пожеланием, высказанным известным тележурналистом Е. А. Киселевым, о том, чтобы когда-нибудь российская Государственная Дума заседала не в Москве на Охотном ряду, а в своем историческом зале заседаний, который сохранился до сих пор в почти неприкосновенном виде — Таврическом дворце Санкт-Петербурга (кстати, это способствовало бы уже давно стоящей на повестке дня «разгрузке» Москвы). Не исключено, что недостаточно «солидный» образ современного российского парламента отчасти является следствием негативного отношения к деятельности предыдущих российских законодательных органов (Верховного Совета и Съезда народных депутатов). Между тем, необходимо помнить, что современный российский парламент — это уже не вполне обычный постсоветский парламент бывших союзных республик, возникший на месте прежних, слегка преобразованных, «верховных советов». Нынешний парламент России скорее претендует на преемственность по отношению к дореволюционному, досоветскому российскому парламенту. Причем, судя по определенной преемственности в названии, на это может претендовать не только нижняя, но и верхняя палата, Совет Федерации (правопреемник верхней палаты дореволюционного парламента — Государственного Совета).

У российского парламента есть шанс со временем войти в число традиционных парламентских систем, приобрести более достойный имидж, — во всяком случае, в той мере, в какой есть шанс у российского народа «вписаться» в общеевропейскую цивилизацию, найти, наконец, в ней, и именно в ней, свое достойное место. От способности нашего общества снова встать на тот путь, по которому оно уже начинало идти в начале XX века, от умения связать искусственно прерванную нить времен во многом зависит дальнейший успех в нашей стране демократии и парламентаризма как одного из главнейших элементов демократии.

Колобова А.И.
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АГРАРНАЯ
РЕФОРМА

За годы становления рыночной экономики так и не определены роль и место аграрных реформ в рыночных отношениях. И сегодня сохраняется два взгляда на аграрную реформу – это государственное регулирование и финансирование; либерализация внутреннего и внешнего рынка, углубление реформ. Кризисные же явления в сельском хозяйстве – результат ухода от каких-либо реформ в аграрном производстве. Не способствует совершенствованию производственных отношений на земле и имеющаяся нормативно-правовая база реализации конституционных прав граждан на землю.

Законодатели края приняли закон «О регулировании земельных отношений в Алтайском крае», посвященный решению одной из наиболее актуальных проблем российского общества – земельным отношениям, решению экономических и социальных проблем. Системный анализ Закона показывает, что он не способствует решению основных социально-экономических проблем в России, связанных с земельными отношениями, а именно: эффективности использования земли. Авторы закона уповают на административные методы органов государственной и муниципальной власти, которые якобы обеспечат решение этой проблемы. Однако 70-летняя история СССР и опыт других стран показали, что при этой модели отношений не обеспечивается эффективное использование земли. Вот почему новая Российская Конституция предоставила право частной собственности на землю, которая при определенных условиях и призвана решить эту проблему. Хотя авторы Закона декларируют право частной собственности на землю, но в тексте Закона это право фактически сводится на нет. Поэтому данный закон может усугубить проблему неэффективного использования земли.

Неэффективность сельскохозяйственного производства тесно связана и с усугублением социальных проблем сельских жителей, которых данный закон ставит в неравноправное положение по отношению к горожанам. Так, в городах становится легитимным рынок земли и, если учесть, что стоимость земли в городах в 1000-10000 дороже, то сельский житель в этих условиях остается «нищим». Его несколько соток приусадебного участка не идут в сравнение со

стоимостью земельного участка горожанина, а купля-продажа крестьянами земель сельскохозяйственного назначения Законом не предусматривается. Существенно ущемляет данный Закон права и интересы крестьянских (фермерских) хозяйств.

Лишив жителей края права на залог и куплю-продажу земельных участков сельскохозяйственного назначения, авторы Закона тем самым предопределили инвестиционную непривлекательность сельскохозяйственного производства. Вероятно, наши законодатели надеются, что основным инвестором села вновь будет государство, бюджетные деньги будут упорно «выбиваться» для аграрного комплекса, а общество по-прежнему будет терпеть сложившийся диспаритет «эффективности», когда другие отрасли и бюджет должны покрывать стабильную неэффективность аграрной экономики. Однако это нереально, а, следовательно, Закон не решает, а усугубляет проблемы сельскохозяйственного производства, ведет аграрный сектор в экономический тупик.

В 1992-1994 гг. крестьяне получили земельные паи (доли), но из-за отсутствия механизмов купли-продажи земли наступил «застой» в обороте, что повлекло не только большое количество неиспользуемых земель, но и существенно ограничило права вновь появляющихся субъектов хозяйственной деятельности. Конечно, аграрная реформа требует много знаний, сил и времени, но при разумном ее осуществлении она вытянет всю экономику и решит социальные проблемы. И там, где региональные власти рынка не боятся, а, напротив, считают его спасением, земельная реформа далеко обогнала госдумовские установки. Ориентируясь на Конституцию, региональные руководители утвердили на своих территориях рыночные принципы земельных отношений. Наши же законодатели в Госдуме не решили для крестьян ни одной проблемы. Не принят Земельный кодекс, не сформирована эффективная налоговая, финансово-кредитная политика.

Отсутствие рынка земли сдерживает ипотеку, лишает крестьянина возможности упорядочить взаимоотношения с банкирами, решить проблему малоземелья, защитить свою старость и др. Все эти вопросы остаются для решения депутатскому корпусу нового созыва на федеральном и краевом уровнях. Отсюда и более ответственным должно быть отношение к выборам нового высокопрофессионального депутатского корпуса, ориентированного на проведение либеральных

реформ и создание условий для достойного уровня жизни граждан России на основе эффективного законодательного права.

Курныкин О.Ю.
СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Индийцы нередко именуют свою страну «самой большой демократией в мире», имея в виду, прежде всего, наличие самого многочисленного корпуса избирателей среди государств с демократическим устройством. Парламентская форма правления в условиях Индии на протяжении полувека постколониального развития продемонстрировала свою устойчивость, хотя и не избежала в ходе своей эволюции критических моментов (введение чрезвычайного положения в 1975 г.), а на протяжении 1990-х гг. дает основания для критики из-за участившихся правительственных кризисов в этой стране. В индийских политических кругах серьезно обсуждается вопрос о целесообразности перехода к президентской форме правления. Вместе с тем в индийском обществе, по сути, сложился консенсус в понимании ценности и необходимости сохранения демократических институтов и процедур, высшим проявлением которых является волеизъявление индийцев во время парламентских выборов.

Опыт Индии тем более уникален и заслуживает особого внимания в силу того, что дает нечастый пример утверждения парламентской демократии в одной из стран Востока, для которых представительные формы правления явились не результатом их естественноисторической эволюции, но новшеством, привнесенным европейцами. Среди политологов и историков не утихают дискуссии о соотносимости и соответствии демократических институтов в их европейском варианте своеобразным социальным структурам и политической культуре восточных обществ. Причины относительной устойчивости демократической государственно-политической системы в Индии видятся, прежде всего, в глубоком и целенаправленном воздействии английской колониальной администрации на политические процессы в индийском обществе на протяжении почти двухсотлетнего периода британского правления, а также в готовности индийской политической элиты воспринять соответствующие импульсы, шедшие из метрополии.

Нет оснований утверждать, что английские колониальные власти изначально располагали далеко идущими проектами приобщения индийцев к ценностям демократии и правового государства в их британской модификации. Однако прагматизм, гибкость и политический опыт правящей элиты Англии позволили ей со временем выработать для своей крупнейшей колонии стратегический курс, предусматривавший, с одной стороны, сознательное поощрение умеренных политических тенденций, направлявшихся в русло конституционализма и либеральных ценностей, и, с другой стороны, жесткую борьбу (в рамках закона) с радикальными течениями, склонными к насильственным методам в достижении своих целей. Данный курс предполагал также постепенное расширение возможностей для проявления растущей политической активности современных социальных сил индийского общества, складывание необходимых для этого форм и механизмов под верховным контролем британских властей.

Для успешной реализации этого курса первостепенное значение имело возвращение среды, способной воспринять и адаптировать к индийской почве ценности демократического и правового государства. В связи с этим трудно переоценить значение реформы системы образования в Индии, о начале которой колониальные власти объявили в 1835 г. Реформа предполагала расширение сети начальных, средних и высших учебных заведений, обучавших по английским стандартам. Ее логическим продолжением стало основание в 1857 г. первых не только в Индии, но и на всем Востоке трех университетов классического типа. Учебные программы находившихся под контролем правительства колледжей и университетов были оторваны от индийских реалий, но сыграли выдающуюся роль в формировании среди индийцев новой генерации, хорошо знакомой с европейской политической традицией, с трудами европейских мыслителей XVIII-XIX вв.

Индийцы, получившие европейское образование, постепенно по инициативе колониальных властей начинают заполнять низшие должности административной и судебной систем, а также внедряться в коммерческие структуры. В высших слоях местного общества исподволь накапливались интеллектуальный потенциал и практический опыт, необходимые для усвоения западных норм и стандартов. С середины XIX в. отдельные представители индийской элиты начинают инкорпорироваться в законосовещательные органы, созданные

колониальными властями и являвшие собой некий прообраз представительных учреждений.

Некоторая либерализация английской колониальной политики в последних десятилетиях XIX в. способствовала возникновению в Индии элементов гражданского общества. На основе религиозно-реформаторских и культурно-просветительских объединений постепенно складывались общественно-политические организации. В 1885 г. с согласия английской властей и при их прямом участии возникла первая политическая партия Индии – Индийский национальный конгресс. основополагающими принципами ИНК становятся конституционализм, умеренность, ориентация на либеральные ценности и британскую политико-правовую систему. В качестве политических и интеллектуальных лидеров партии выдвигаются представители англоязычной интеллигенции, хорошо знакомые с европейской общественной мыслью. В колониальной Индии были созданы уникальные для стран Востока условия для развития национальной прессы: в начале XX в. число издававшихся в стране газет составляло около полутора тысяч с общим тиражом около 1 млн. экземпляров. Пресса сыграла незаменимую роль в консолидации многонационального и многоконфессионального индийского общества.

Английские колониальные власти понимали необходимость создания условий для реализации стремления политизированных слоев индийцев к расширению самоуправления. При этом принципиально важным они считали направить политические процессы в Индии в русло парламентаризма. Не случайно с конца XIX в. англичане начинают «впрыскивать» в политическую жизнь своей крупнейшей колонии тщательно дозируемые порции парламентской системы. Конституционные реформы 1892, 1909, 1919 и 1935 гг., являвшиеся реакцией на активизацию национальных сил, содействовали становлению в Индии представительных учреждений и подключению все большего числа индийцев к современным избирательным процедурам. Постепенно происходило «привыкание» политической элиты, а затем средних и отчасти низших слоев индийцев к парламентским нормам и механизмам. Борьба за голоса избирателей, поиск финансовых ресурсов для участия в избирательных кампаниях, заключение предвыборных блоков на основе взаимных компромиссов

становятся обычным явлением в политической жизни страны, все больше воспринимаются обществом как «норма».

Важным элементом становления гражданского общества является, как известно, местное самоуправление. В Индии муниципальные органы появляются (с санкции колониальных властей) довольно рано – в последней четверти XIX в. Избирались они первоначально немногочисленным кругом состоятельных граждан, но после проведения муниципальной реформы в 1920-е гг. расширяется корпус избирателей, органы самоуправления получают дополнительные полномочия, укрепляется их финансовая база. Муниципальные службы становятся центрами подготовки национальных управленческих кадров.

В широком спектре индийских политических сил заметное место занимали радикальные течения, стремившиеся выйти за рамки конституционных средств политической борьбы. Часть из них была готова прибегнуть к индивидуальному террору против представителей колониальной администрации (террор именовался в Индии «русским методом» борьбы). Однако английские власти жестко и решительно подавляли действия экстремистов, не отказываясь в то же время от проведения постепенных и осторожных преобразований колониально-государственной системы Индии.

Пожалуй, более сложную, чем акции экстремистов, проблему для английской администрации в Индии составляли ненасильственные кампании гражданского неповиновения под руководством М.К. Ганди, не укладывавшиеся в привычные для европейского политического опыта рамки, а потому вызвавшие первоначально заметную растерянность среди колониальных чиновников. Одним из основополагающих принципов гандистского метода являлось несотрудничество с властями, в том числе бойкот выборов и официальных государственных органов.

Казалось бы, последнее обстоятельство могло столкнуть индийское национальное движение с проторенной дороги конституционализма и подорвать процесс усвоения индийским обществом основ парламентаризма. Но этого не произошло, во-первых, в силу того, что еще одним фундаментальным принципом гандистского метода являлась готовность к компромиссу с оппонентом, что препятствовало возведению непроходимых барьеров между британскими и индийскими политическими кругами. Во-вторых, ИНК, хотя и провозгласивший гандизм своей официальной идеологией,

рассматривал несотрудничество не как стратегический курс партии, но как одно из возможных, причем сильнодействующих, а потому применимых лишь в крайних случаях средств политической борьбы. В рядах партии на всех этапах ее эволюции сильными позициями обладали сторонники конституционных методов. В силу этого гандизм, несмотря на присущее ему неприятие европейской цивилизации, в том числе и парламентских форм демократии, не мог поменять основной вектор политической эволюции индийского общества, определившийся еще в XIX в. и указывавший на вестминстерскую систему как желаемую модель государственно-политического устройства.

Критически важным для институционализации парламентаризма в колониальной Индии было принятие Закона об управлении Индией 1935 г. и проведение на его основе в 1937 г. выборов в представительные органы. Индийский национальный конгресс, одержавший победу в 8 из 11 провинций, несмотря на сильную оппозицию слева в рядах партии, согласился сформировать местные правительства, ответственные перед провинциальными законодательными собраниями. В результате в Индии произошли серьезные политические и психологические сдвиги: был сделан решительный шаг по пути индианизации колониально-государственного аппарата, а политическая элита убедилась в эффективности и применимости парламентской формы демократии к условиям страны. Не случайно в Конституции Индийской республики 1950 г. была закреплена демократическая государственно-политическая система вестминстерского образца.

Таким образом, опыт Индии свидетельствует о том, что для прочного закрепления демократических форм в политической жизни общества необходим целый ряд условий, важнейшими из которых являются: глубокие изменения в сфере образования, способствующие распространению современного мышления и знакомству с функционированием демократических систем в других странах; постепенность и последовательность в реформировании социально-политических структур, недопущение срывов в эволюции общества в направлении демократии; ограничение роста и влияния радикально-экстремистских тенденций; подключение к общемировым процессам с учетом национальных традиций и особенностей, но без абсолютизации последних.

Притчина Е.В.
МОТИВАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Мотивы поведения избирателей – основная проблема любой избирательной кампании. Почему люди участвуют в выборах и почему они голосуют за ту или иную партию или того или иного кандидата? Вот основные вопросы, которые определяют формирование и функционирование политической системы.

Классическая теория демократии исходит из того, что человек – существо рациональное, то есть он способен сделать правильный выбор из всех возможных альтернатив в соответствии со своими принципами, ценностями и целями. Такая модель предполагает, что граждане должны интересоваться политикой, быть хорошо информированными, иметь четкие представления о своих интересах и общественном благе и голосовать в соответствии с этими представлениями, взвешивая последствия своего выбора. В реальной действительности эта нормативная модель не реализуется прежде всего потому, что понятие рационального выбора в политике весьма относительно. В современной политической науке доминируют два подхода к исследованию мотивов электорального поведения: социальный и психологический.

Социальный состоит в том, что каждый человек находится в определенной позиции на социальной лестнице, и эта позиция определяет его политический выбор. При этом для мотивирования политических решений считаются наиболее важными три вида характеристик: социально-экономический статус, который определяется профессией, образованием, доходом; принадлежность к демографическим, религиозным, этническим группам; место жительства – регион и тип поселения.

Чем выше социально-экономический статус человека, тем выше вероятность, что он проголосует за кандидата правых партий. И, наоборот, малообеспеченные слои населения склонны отдавать свои голоса левым. Есть регионы так называемого «красного пояса» и регионы, где большинство голосов отдают демократическим кандидатам. Считается, что жители крупных городов более привержены либеральным ценностям, чем сельские жители. Однако социальная позиция влияет на политический выбор, но не детерминирует его абсолютно.

Сторонники психологического подхода утверждают, что поведение избирателей определяется их взглядами на политическую систему, которые формируются в процессе политической социализации. Иными словами, в большинстве случаев избиратели делают выбор не в соответствии со своим интересом, а только в соответствии с представлениями, которые они имеют о своем интересе.

Для мотивации электорального поведения важно учитывать два ряда факторов: те, которые определяют решение участвовать в выборах, и те, которые определяют, за кого голосовать.

Участие в голосовании мотивируется чувствами политического влияния, гражданской ответственности, а также интересом к политике и доступной информацией. Также важно чувство принадлежности к группе. Чем оно сильнее, тем больше вероятность участия в выборах. Абсентеизм связан с низкой социальной интеграцией и чувством невозможности повлиять на политическую ситуацию.

Решение, за кого голосовать, частично определяется чувствами и настроениями, связанными с личностью избирателя, его социальным опытом и окружением. Но, тем не менее, политический выбор осуществляется и на уровне рефлексии, избиратели делают выводы о позициях кандидатов и о том, как они соотносятся с их взглядами, используя всю доступную информацию. При этом основное влияние оказывают два фактора: имидж кандидата и партийная ориентация.

Чистопашина О.В.
ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ КАК ЖАНР
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проблема соотношения языка и политики является одной из центральных в теории политической коммуникации, о чем свидетельствуют работы политологов, журналистов, лингвистов и других представителей общественных наук. Подтверждением тому служит и недавний всплеск интереса к языку политики, инициированный «Интернет-Парламентом», организаторы которого считают, что «отсутствие общепринятой терминологии, нечеткость языка лежат в основе многих политических проблем, не позволяя

адекватно сформулировать цели, задачи и стратегию политических изменений в России»¹.

Одной из причин данного интереса является приближение президентских выборов. Но и помимо этого существует ряд проблем в осуществлении эффективной политической коммуникации, обозначившихся в нашей стране в последние 10-15 лет. Традиционный взгляд на язык политики, отождествляющий его с общественно-политической лексикой (ОПЛ), явно устарел в эпоху информационных технологий, стремительное развитие которых приводит к радикальному изменению привычного социокультурного пространства. Язык оказывается как индикатором, так и катализатором подобного изменения во всех сферах его употребления.

«Политическая» картина мира, закреплённая в базовых понятиях ОПЛ, также претерпевает серьёзные изменения, что отмечается как зарубежными, так и отечественными исследователями. Известный политолог К.С. Гаджиев в недавно вышедшей работе «Политическая философия» указывает на необходимость переосмысления и более четкого толкования многих политических понятий с учетом нынешних реалий. Организаторы «Интернет-Парламента» также говорят о необходимости приступить к работе по созданию «Нового политического словаря», адекватного реалиям нынешнего политического процесса в России, что невозможно без всестороннего изучения свойств и типологических характеристик современного политического дискурса.

Проходящая в «Интернет-Парламенте» дискуссия «Языки политики» в целом наводит на мысль о метафоричности в понимании такого феномена, как язык политики. П.Б. Паршин в статье «Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики» отмечает, что под языком политики «вовсе даже не язык или не совсем язык и не только язык имеется в виду», поэтому с научной точки зрения более продуктивным оказывается понятие «политический дискурс», под которым, в одном из его пониманий, подразумевается совокупность политических дискурсов социума (то есть социально-дифференцированных речевых практик: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики), закрепляющих

---

¹ Web-адрес: <http://www.elections.ru/cgi-in/ip/show.cgi?101/151.html>

сложившуюся систему общественных отношений, либо дестабилизирующих ее.

С введением в российскую политическую систему парламентской практики изучение политического дискурса в его новом воплощении становится особенно актуальным. Между тем, лингвистическая составляющая парламентских дебатов и ее роль в политическом процессе в России не являются на сегодняшний день достаточно изученными. Исследователей в этой области интересуют, как правило, результаты голосований парламентариев по тому или иному вопросу, используются компьютерные, в том числе и оригинальные, методики обработки данных. Организаторы «Интернет-Парламента», к примеру, предлагают повысить ответственность депутатов за принимаемые законопроекты путем обнародования результатов голосования по ним.

Проблема же соотношения языка и политики рассматривается либо в отрыве от конкретной речевой практики, либо ограничивается изучением отдельных политических понятий, либо фрагментарным контент-анализом текстов СМИ. Мы считаем, что необходимо систематическое исследование если не всего массива политических текстов (что вряд ли возможно), то какого-либо жанра политического дискурса, в котором характерные черты данного вида дискурса были бы воплощены.

На наш взгляд, таким жанром являются парламентские дебаты, особую значимость которым придает их функция в политическом процессе. Уникальность данного жанра заключается прежде всего в том, что в нем актуализируются практически все существующие дискурсии, в отличие от таких жанров политического дискурса, как речи политических лидеров вне пределов парламента (интервью, выступления в СМИ, пресс-конференции), политические слоганы, заседания правительственного кабинета и др., к тому же этот жанр является и наименее изученным, несмотря на свою репрезентативность.

Еще в начале 90-х годов новая языковая реальность (публичная политическая речь) в нашей стране привлекла внимание исследователей, поставивших вопросы разработки теоретико-методологических подходов к ее изучению, однако и до настоящего момента эти вопросы остаются открытыми. Вероятно, на решение задачи по разработке некоего интегративного метода отечественной науке потребуется еще какое-то время, но уже вполне очевидно, что решение этой задачи

должно вестись параллельно с активным исследованием политического дискурса с тем, чтобы не допустить разрыва актуального практического запроса с абстрактным теоретическим поиском.

Эффективным методом изучения политического дискурса, давно зарекомендовавшим себя в западной науке, является метод критического анализа дискурса (*critical discourse analysis – CDA*), имеющий ярко выраженную социально-политическую направленность и получивший широкое распространение во многом благодаря теории социальных представлений Сержа Московичи. На сегодняшний день этот метод сам по себе отличается довольно высоким уровнем когнитивной сложности, благодаря чему с его применением возможно исследование отношений неравенства, подчинения, дискриминации, проявлений разнообразных форм расизма, а также различных идеологических и политических представлений, выраженных в языке и дискурсе.

Парламентские дебаты являются весьма перспективным жанром для исследования в рамках CDA, в том его направлении, которое разрабатывает Т.А. ван Дийк. По мнению этого ученого, при изучении политической речи и роли политического контекста в производстве и восприятии политического дискурса необходимо введение понятия «ментальные модели» (*mental models*), которые обеспечивают взаимосвязь между общими политическими знаниями, разделяемыми членами социума, с одной стороны, и личными убеждениями, с другой. Эти модели также служат когнитивным базисом политического дискурса и влияют на процесс принятия решений. В то же время они взаимосвязаны с макроструктурами политических групповых представлений, на выявление которых направлен метод CDA.

Поскольку нынешние партии, имеющие парламентское представительство, могут быть названы партиями только с известной долей условности в силу, прежде всего, недостаточной проработанности ими идеологических и ценностных положений, речь может идти как раз о превалировании тех или иных групповых представлений в парламентской практике (как в дебатах, так и в законодательстве).

По мнению С.Д. Баранова, все думские фракции (за исключением КПРФ и ЛДПР) и группы в Государственной Думе 1993 и 1995 гг. «следует признать группами давления, маскирующимися под партии в целях привлечения избирателей... Главными лицами в них являются лидеры, СМИ и стоящие за ними финансово-политические

группировки». Функциональным признаком группы давления (или иначе – «группы интересов») С.Д. Баранов считает преобладание лоббизма в ее деятельности¹.

На проблемы изучения групповых мнений и установок и их роли в современном политическом процессе в России выводят также работы В.М. Сергеева и Н.И. Бирюкова. В одной из недавно вышедших работ задаются вопросы: «Складываются ли позиции фракций и депутатских групп в некую систему, и если да, то что она из себя представляет? Насколько скоординировано политическое поведение членов фракций и связана ли такая координация с характером обсуждаемых проблем?»².

С точки зрения метода СДА речь, к примеру, содержащая расистские установки, будучи произнесенной в парламенте, может рассматриваться на микроуровне, пока мы относим ее на счет личных пристрастий и убеждений парламентария. Но та же самая речь, идеи и установки которой находят свое отражение в законодательном процессе, должна рассматриваться на макроуровне в категории макроструктур групповых представлений участников политического процесса. А макроструктуры, в свою очередь, могут являться показателем наличия реальной власти у группировки, представления которой отражены в законодательстве.

Приведем более конкретный пример – из практики пятой Государственной Думы: на осенней сессии 1995 года обсуждался проект федерального закона о национальных меньшинствах в Российской Федерации. В процессе этого обсуждения депутаты пытались прояснить вопрос о том, кого же считать представителями национальных меньшинств, поскольку в законопроекте содержалась расплывчатая формулировка этого понятия. Депутатом В.П. Ивановым, членом фракции ЛДПР, было внесено предложение ввести в определение данного понятия «медико-демографические показатели», с

---

¹ Круглый стол «Социальные факторы формирования популизма в представительных органах власти» // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 1. С. 71.

² Сергеев В.М., Беляев А.В., Бирюков Н.И., Гусев Л.Ю. Становление парламентских партий в России. Государственная Дума в 1994-1997 годах // Полис. 1999. № 1. С. 50-72.

аргументацией, что «тогда мы уйдем от национального вопроса»¹. Мы считаем, что введение подобной формулировки в законопроект свидетельствовало бы о проявлении расистских установок на макроуровне. Применяв в исследовании метод CDA, мы можем ответить на вопрос – являются ли подобные установки личными мнениями отдельных членов каких-либо фракций, либо они являются групповыми мнениями, а, следовательно, – потенциально способными выйти на политический макроуровень.

В завершение следует отметить, что, помимо углубления наших знаний о свойствах и характеристиках политических жанров, вычленения главных идеологов, на которых выстраивают свою аргументацию конкретные политические деятели, определения роли влияния групповых установок на процесс принятия решений, вычленения стратегий лоббирования, метод CDA может оказаться наиболее плодотворным при изучении вопроса о формировании образа парламента в СМИ, играющих зачастую определяющую роль в политическом процессе.

Шашкова Я.Ю.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Несмотря на растущее недоверие общества к политическим партиям как основным выразителям его интересов, они продолжают играть роль основного инструмента при проведении выборов и организации избирательных кампаний, особенно в России.

Большое количество партий, имеющих право участвовать в выборах 1999 г., затрудняет не только выбор избирателя, но и работу самих партийных организаций. Однако время атомизированной партийной системы, при которой количество партий столь велико, что не имеет значения, а сами партии почти не оказывают влияния на политический процесс, прошло, уступив место системе крайнего плюрализма. Кроме того, выборы осени 1999 г. будут характеризоваться рядом особенностей. Во-первых, летом следующего года пройдут президентские выборы, в которых не будет принимать участие

---

¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 4-18 октября 1995 г. Т. 21. С. 87.

действующий Президент, а потому население будет рассматривать парламентские выборы как предварительные президентские. Во-вторых, усиление экономического кризиса приведет к снижению агитационной активности многих партий и перераспределению их электоральной базы. На этом фоне ожидается большая роль региональных политических лидеров в продвижении своих кандидатов и ожесточение борьбы в одномандатных округах. Это означает, что реальную борьбу за депутатские места в Государственной Думе–99 на федеральном и региональном уровнях проведут 8–10 крупных политических партий и движений (КПРФ, АПР, НДР, «Яблоко», «Правое дело», «Отечество – Вся Россия», ЛДПР, РНРП). Такая ситуация ожидается и в Алтайском крае. Но, в отличие от Центра, здесь основная борьба развернется, как обычно, между «народно-патриотическим движением» и «демократическими» партиями.

Движение «За подлинное народовластие...», объединяющее краевые организации КПРФ и АПР, по-прежнему сохраняет лидирующее положение в крае. Это объясняется дотационным характером его экономики, преобладанием аграрного сектора и предприятий сельхозперерабатывающей промышленности и сельхозмашиностроения, низким уровнем жизни, отсутствием финансовых ресурсов для развития мелкого и среднего бизнеса, традиционной политической культурой большей части населения. С другой стороны, движение ведет активную пропагандистскую и организационную работу, имеет четкую структуру, крупную и влиятельную фракцию в ЗС Алтайского края, регулярно проводит митинги, собрания и конференции, контролирует часть аппарата Администрации Алтайского края. Оно контролирует работу Краевого совета ветеранов, краевой организации РКСМ, четко определяет свою социальную базу и ведет с ней постоянную работу через членов партии.

Перед краевыми же отделениями «демократических» партий и организаций (НДР, «Яблоко», «Правое дело», «Отечество»), в силу их организационных особенностей и относительной слабости, встают задачи консолидации путем заключения соглашений о разграничении сфер влияния, выдвижения единых кандидатов, поиска и аккумуляции финансовых и других ресурсов, четкого определения своего электората и адресной работы с ним, анализа социально-политической ситуации и расстановки политических сил в Алтайском

крае, потенциала своих возможных сторонников и соперников. Дополнительные сложности создает слабое присутствие представителей демократических сил в органах краевой власти и местного самоуправления, а также желание ряда руководителей местного уровня лично баллотироваться в депутаты по своим округам.

Уже сейчас ясно, что выборы 1999 г. будут проходить в очень сложной обстановке и потребуют от политических партий и организаций значительных затрат ресурсов, а потому необходим тщательный расчет своих действий, анализ работы и потенциала соперников.

Щеглов С.Г.
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Парламентские выборы – это серьезное испытание общества на политическую зрелость. В настоящее время накоплен значительный опыт в проведении избирательных кампаний. Их технологии от выборов к выборам совершенствуются. На мой взгляд, можно выделить три основные группы технологий: классические или традиционные; нестандартные или спецпроекты; «грязные». На выборах различных уровней все три группы используются одновременно. Автор данных тезисов является сторонником первых двух групп.

Выборы по одномандатному округу наиболее перспективны для известных политиков. Однако следует учитывать местную политическую конъюнктуру, социально-экономическое состояние округа, демографический состав населения, географические условия и др. Главным в предвыборной работе для кандидата являются встречи с избирателями, которые должны быть четко подготовлены как в организационном, так и в содержательном плане. Встречи могут быть не только целевые, с изложением предвыборной платформы, но и носить бытовой, праздничный или иной характер, когда речь идет не о выборах, а о других связанных с жизнью избирателей проблемах. Количество участников встреч может быть разным. На мой взгляд, следует особое внимание уделить камерным встречам (до 30-40 человек). В данном случае имеется возможность индивидуального общения, что наиболее эффективно.

Особое внимание следует уделить индивидуальной работе с избирателями. Это могут быть целевые, служебные,

незапрограммированные встречи, а также индивидуальные поздравления по случаю профессиональных или иных праздников и юбилеев. К этой форме работы можно отнести и персональные приглашения на встречи с кандидатом. Важным дополнением к классическим избирательным технологиям являются спецпроекты. К ним можно отнести профессиональные конкурсы, олимпиады и т.д., организованные штабом кандидата.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИИ¹

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

Дума II созыва избрана 17 декабря 1995 на 4 года. Приступила к заседаниям 16 января 1996. Председатель – Селезнев Геннадий Николаевич.

АДРЕС – 103265, Охотный ряд, 1; Георгиевский переулок, 2.

ТЕЛЕФОНЫ – пресс-служба – 292-83-10; справочная – 292-80-00; приемная – 202-91-63.

WWW – <http://www.duma.gov.ru>

СТАТУС. Государственная Дума – нижняя палата Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, впервые избранного 12 декабря 1993 года одновременно с принятием новой Конституции.

Дума избирается на четыре года, но может быть досрочно распущена Президентом в случаях, предусмотренных Конституцией.

ИСТОРИЯ. Выборы в Государственную Думу первого созыва были назначены президентским указом 1400 от 21 сентября 1993 года о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Дума первого созыва (1993-1995), в порядке исключения, установленного переходными положениями Конституции, была избрана на два года и заседала с 11 января 1994 до 22 декабря 1995 г. Председателем Государственной Думы с 14 января 1994 года по 17 января 1996 года был Иван Петрович Рыбкин.

---

¹ Автор: Г.В.Белонучкин. Источники: <http://www.panorama.org/fs/gd.shtml>
<http://www.panorama.org/fs/sf.shtml>.

незапрограммированные встречи, а также индивидуальные поздравления по случаю профессиональных или иных праздников и юбилеев. К этой форме работы можно отнести и персональные приглашения на встречи с кандидатом. Важным дополнением к классическим избирательным технологиям являются спецпроекты. К ним можно отнести профессиональные конкурсы, олимпиады и т.д., организованные штабом кандидата.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИИ¹

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

Дума II созыва избрана 17 декабря 1995 на 4 года. Приступила к заседаниям 16 января 1996. Председатель – Селезнев Геннадий Николаевич.

АДРЕС – 103265, Охотный ряд, 1; Георгиевский переулок, 2.

ТЕЛЕФОНЫ – пресс-служба – 292-83-10; справочная – 292-80-00; приемная – 202-91-63.

WWW – <http://www.duma.gov.ru>

СТАТУС. Государственная Дума – нижняя палата Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, впервые избранного 12 декабря 1993 года одновременно с принятием новой Конституции.

Дума избирается на четыре года, но может быть досрочно распущена Президентом в случаях, предусмотренных Конституцией.

ИСТОРИЯ. Выборы в Государственную Думу первого созыва были назначены президентским указом 1400 от 21 сентября 1993 года о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Дума первого созыва (1993-1995), в порядке исключения, установленного переходными положениями Конституции, была избрана на два года и заседала с 11 января 1994 до 22 декабря 1995 г. Председателем Государственной Думы с 14 января 1994 года по 17 января 1996 года был Иван Петрович Рыбкин.

---

¹ Автор: Г.В.Белонучкин. Источники: <http://www.panorama.org/fs/gd.shtml>
<http://www.panorama.org/fs/sf.shtml>.

Государственная Дума второго созыва избрана 17 декабря 1995 сроком на четыре года и приступила к работе 16 января 1996 г. Председатель с 17 января 1997 г. – Геннадий Николаевич Селезнев.

Четырехлетний срок полномочий Думы второго созыва истекает 17 декабря 1999 г., но Дума сохраняет свои полномочия до начала работы нового состава Думы, который (если не произойдет роспуска Думы и досрочных выборов) должен быть избран 19 декабря 1999 года и приступить к работе 18 января 2000 г.

Неофициально Думу первого созыва называли также «пятой Государственной Думой» (считая первые четыре, существовавшие в 1906 – 1917 гг.), а нынешнюю Думу иногда называют «шестой Думой».

ПОЛНОМОЧИЯ. Дума принимает постановления простым большинством голосов от общего числа депутатов (за исключением случаев, когда Конституция предусматривает более высокий кворум).

Законодательные: Государственная Дума принимает федеральные законы, федеральные конституционные законы и законы о поправках к Конституции, которые вступают в силу после одобрения Советом Федерации, подписания Президентом и опубликования. Федеральные законы принимаются простым большинством голосов. Дважды третями (300 голосов) Дума преодолевает вето Совета Федерации или Президента; одобряет федеральные конституционные законы и законы о поправках к Конституции.

Кадровые: выдвижение обвинения против Президента РФ для отрешения его от должности (дважды третями голосов) дача согласия Президенту РФ на назначение Председателя Правительства РФ; решение вопроса о доверии Правительству РФ; назначение и освобождение от должности Председателя Центрального банка РФ; назначение членов Совета директоров Центрального банка (12 человек), двух представителей Государственной Думы в Национальном банковском совете (НБС) и других членов НБС (в пределах 6 человек по представлению Председателя ЦБ); назначение и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов; назначение и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека; назначение 5 из 15 членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; назначение представителей Государственной Думы в Совете по вопросам государственной службы при Президенте Российской Федерации;

назначение одного из 15 членов Коллегии Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг;

Прочие: объявление амнистии; определение аудиторской фирмы для проведения ежегодной проверки Центрального Банка России.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Нынешний Совет Федерации сформирован 23 января 1996 г. на неограниченный срок. Приступил к заседаниям 23 января 1996 г. Председатель – Строев Егор Семенович.

АДРЕС – 103426, Москва, ул. Большая Дмитровка, 26.

ТЕЛЕФОНЫ – пресс-служба – 292-11-50; справочная – 292-64-07; приемная – 202-55-23.

СТАТУС. Совет Федерации – верхняя палата Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, впервые избранного 12 декабря 1993 года одновременно с принятием новой Конституции.

Ныне действующий Совет Федерации в соответствии с Федеральным законом «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», вступившим в силу 13 декабря 1995 г., сформирован 23 января 1996 г. из руководителей регионов по должности. Срок полномочий палаты в целом не ограничен, а срок полномочий каждого из ее членов определяется сроком нахождения его во главе своего региона. В обиходе Совет Федерации иногда именуют сенатом, а членов Совета Федерации – сенаторами.

ИСТОРИЯ. Впервые орган под названием «Совет Федерации» был создан 17 июля 1990 года при Председателе Верховного Совета РСФСР и включал председателей Советов автономных республик, областей и округов (31 человек) и Председателей некоторых областных, краевых и городских Советов (31 человек). С 1991 года включал председателей Советов всех 88 (затем – 89) субъектов Федерации.

Совет Федерации в качестве верхней палаты парламента создан президентским указом 1400 от 21 сентября 1993 года о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Утвержденное указом Положение о федеральных органах власти на переходный период предусматривало, что Совет Федерации действует в составе председателей законодательных (представительных) органов власти и руководителей исполнительной власти (президентов республик) каждого субъекта Федерации до истечения полномочий Советов народных

депутатов текущего созыва (март 1995). Совет Федерации должен был приступить к парламентской функции после избрания новой Государственной Думы. Вскоре Ельцин пересмотрел свое решение: 9 октября 1993 г. он издал указ о выборах новых представительных органов в регионах, а 11 октября назначил прямые выборы в Совет Федерации по 89 двухмандатным округам.

Конституция, принятая на референдуме 12 декабря 1993 года, установила, что в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти.

Совет Федерации первого созыва, в порядке исключения, установленного переходными положениями Конституции, был избран непосредственно населением 12 декабря 1993 года на двухлетний срок и заседал с 11 января 1994 до 15 января 1996 г. Председателем Совета Федерации с 13 января 1994 г. до 23 января 1996 г. был Владимир Филиппович ШУМЕЙКО.

Конкретный механизм формирования Совета Федерации из представителей органов власти регионов должен был быть установлен федеральным законом. Первый вариант закона (июль 1995 г.) – о прямых альтернативных выборах из числа кандидатов, выдвинутых органами власти региона, – был отклонен Президентом. Проект Президента – орган власти избирает представителя из своего состава – не принят Думой. За неделю до истечения срока полномочий парламента первого созыва, 5 декабря 1995, ввиду цейтнота, Дума приняла, а Президент подписал лаконичный закон, который вступил в силу 13 декабря 1995 г. и действует до сих пор.

В соответствии с этим законом в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти, по должности. В двухпалатном законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации совместным решением обеих палат определяется его представитель в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. При этом закон предписал во всех регионах, где главы администраций назначены указами Президента, провести выборы не позже декабря 1996 г.

Ныне действующий Совет Федерации сформирован 23 января 1996 г. на неограниченный срок и приступил к работе в тот же день. Председатель Совета Федерации с 23 января 1996 г. – Егор Семенович СТРОЕВ.

Закон о порядке формирования СФ был обжалован в Конституционный Суд обеими палатами парламента. Однако запрос, направленный 9 декабря 1995 г. Советом Федерации первого созыва, был отозван новым составом палаты на первом же его заседании. Аналогичный запрос Думы был отклонен 10 апреля 1997: КС напомнил, что Дума сама могла бы реализовать свои полномочия по внесению изменений в оспариваемый ею закон, вместо того, чтобы пытаться «с помощью решения КС повлиять на позиции во внутрипарламентской дискуссии, в результате которой должно быть найдено целесообразное и сбалансированное решение».

В отличие от Совета Федерации первого созыва, нынешний Совет Федерации официально не имеет подобного порядкового номера, т.к. считается вечным.

СОСТАВ. К моменту формирования Совета Федерации 23 января 1996 г. в России были 47 невыборных губернаторских должностей. К концу установленного законом срока проведения сплошных выборов их осталось 6, а к 19 октября 1997 г. выборы состоялись везде.

Единого срока полномочий члена Совета Федерации не существует. Состав палаты меняется постепенно, по мере смены руководства в субъектах Федерации после очередных выборов. Срок полномочий выборных органов власти и глав администраций не может превышать 5 лет (существуют отступления от закона: например, президент Калмыкии избран на 7-летний срок). Количество сроков для одного лица федеральными законами пока не ограничено. Не установлены и сроки полномочий руководства палаты – председателя и замов.

ПОЛНОМОЧИЯ. Основные полномочия Совета Федерации перечислены в статье 102 Конституции. Совет Федерации принимает постановления простым большинством голосов от общего числа депутатов (за исключением случаев, когда Конституция предусматривает более высокий кворум).

Законодательные: Совет Федерации может одобрить или отклонить принятый Государственной Думой федеральный закон, федеральный конституционный закон, закон о поправках к Конституции. Законы, одобренные Советом Федерации, передаются на подпись Президенту РФ. Федеральный закон может быть одобрен простым большинством голосов либо пассивным образом – путем нерассмотрения его в 14-х-дневный срок (однако, этот механизм не может быть применен, если закон относится к списку законов, подлежащих обязательному рассмотрению в Совете Федерации). Двумя третями (119 голосов) Совет Федерации преодолевает вето Президента; тремя четвертями (134 голоса) – одобряет федеральные конституционные законы и законы о поправках к Конституции.

Кадровые: отрешение Президента РФ от должности (двумя третями голосов) назначение судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда РФ; утверждение членов Президиума Верховного Суда; назначение и освобождение от должности Генерального прокурора РФ, назначение заместителей Генерального прокурора; назначение двух представителей Совета Федерации в Национальном банковском совете (НБС); назначение и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов; назначение 5 из 15 членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; назначение представителей Совета Федерации в Совете по вопросам государственной службы при Президенте Российской Федерации; назначение одного из 15 членов Коллегии Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг;

Прочие: утверждение изменения границ между субъектами Федерации; утверждение указа Президента РФ о введении военного положения; утверждение указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения; решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ; назначение выборов Президента РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 17 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ОКРУГУ

**(с учетом поправок, внесенных в протокол ЦИК
4 января и 19 февраля 1996)**

Общее число избирателей – 107.496.856.

Приняли участие в выборах (определяется по числу бюллетеней, выданных избирателям) – 69.614.693 (64.76%).

Приняли участие в голосовании (определяется по числу бюллетеней установленной формы, обнаруженных в избирательных ящиках) – 69.204.819.

Величина 5-процентного барьера – 3 460 241 голосов (в 1993 – 2.687.585)

Действительных бюллетеней – 67.884.200.

Недействительных бюллетеней – 1.320.619 (1.91%).

Число голосов, поданных за избирательные объединения (в порядке убывания)

Название	№ в бюллетене	Количество голосов	В %	Места
1. Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	25	15.432.963	22.30	99
2. Либерально-дем. партия России (ЛДПР)	33	7.737.431	11.18	50
3. Наш дом – Россия	17	7.009.291	10.13	45
4. Яблоко	19	4.767.384	6.89	31
5. Женщины России	1	3.188.813	4.61	
6. Коммунисты – Тр. Россия – За Сов. Союз	36	3.137.406	4.53	
7. Конгресс русских общин (КРО)	31	2.980.137	4.31	
8. Партия самоуправления трудящихся (ПСТ)	35	2.756.954	3.98	
9. Дем. выбор России – Объед. демократы	23	2.674.084	3.86	
10. Аграрная партия России (АПР)	41	2.613.127	3.78	
11. Держава	2	1.781.233	2.57	
12. Вперед, Россия!	20	1.343.428	1.94	

Название	№ в бюллетене	Количество голосов	В %	Места
13. Власть – народу!	30	1.112.873	1.61	
14. Памфилова – Гуров – Вл. Лысенко (ПГЛ)	18	1.106.812	1.60	
15. Профс. и промышл. России – Союз Труда	32	1.076.072	1.55	
16. Кедр	22	962.195	1.39	
17. Блок Ивана Рыбкина	38	769.259	1.11	
18. Блок Станислава Говорухина	26	688.496	0.99	
19. Мое Отечество	13	496.276	0.72	
20. Общее дело	15	472.615	0.68	
21. Партия любителей пива	37	428.727	0.62	
22. Общерос. мусульманское движение «Нур»	7	393.513	0.57	
23. Преображение Отечества	4	339.654	0.49	
24. Национально-респ. партия России (НРПР)	28	331.700	0.48	
25. Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты пенсионеров и ветеранов и др.	34	323.232	0.47	
26. Партия Росс. единства и согласия (ПРЕС)	24	245.977	0.36	
27. Ассоциация адвокатов России	27	242.966	0.35	
28. За Родину!	14	194.254	0.28	
29. Христ. - дем. союз – Христиане России	42	191.446	0.28	
30. Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты детей (Мира, Добра и Счастья) и др.	9	145.704	0.21	
31. Партия Народный союз	40	130.728	0.19	
32. Тихонов – Туполев – Тихонов	5	102.039	0.15	
33. Союз работников жил.-ком. Хозяйства	43	97.274	0.14	
34. Социал-демократы	29	88.642	0.13	

Название	№ в бюллетене	Количество голосов	В %	Места
35. Партия экономической свободы (ПЭС)	39	88.416	0.13	
36. Российское общенародное движение (РОД)	6	86.422	0.13	
37. Блок независимых	16	83.742	0.12	
38. Федерально-дем. движение (ФДД)	8	82.948	0.12	
39. Стабильная Россия	11	81.285	0.12	
40. Дума-96	3	55.897	0.08	
41. Поколения рубежа	12	44.202	0.06	
42. 89 (89 регионов России)	21	40.840	0.06	
43. Межнациональный союз	10	39.592	0.06	
Против всех		1.918.151	2.77	

Результаты выборов по одномандатным округам

Объединение (блок)	Число депутатов	В %
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	58	14.25
Аграрная партия России (АПР)	20	6.67
Яблоко	14	3.63
Наш дом – Россия	10	6.21
Власть – народу!	9	2.21
Демократический выбор России – Объединенные демократы	9	2.99
Конгресс русских общин (КРО)	5	3.26
Блок Ивана Рыбкина	3	1.75
Вперед, Россия!	3	1.73
Женщины России	3	1.17
Памфилова – Гуров – Владимир Лысенко	2	0.78
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	1	6.12
Блок независимых	1	0.62
Блок Станислава Говорухина	1	0.79
89 (89 регионов России)	1	0.29
Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз	1	2.05
Мое Отечество	1	0.58
Общее дело	1	0.24

Объединение (блок)	Число депутатов	В %
Партия Российского единства и согласия (ПРЕС)	1	0.47
Партия самоуправления трудящихся	1	0.78
Партия экономической свободы	1	0.33
Преображение Отечества	1	0.37
Профсоюзы и промышленники России – Союз труда	1	1.02
Выдвинуты избирателями	77	35.42

Источник: <http://www.cityline.ru/politika/fs/gd2rezv.html> Процент голосов, отданных за всех кандидатов объединения/блока по одномандатным округам, подсчитан авторами книги «Выборы депутатов Государственной Думы – 1995. Электоральная статистика» от числа голосов, поданных за кого-либо. Таким образом, в базу для отсчета не включалось число голосов «против всех», которое составляло 9.86% от числа действительных бюллетеней. Из блоков, которым не удалось провести ни одного кандидата, больше всего голосов получили «Держава» (0.69%), Кедр (0.50%) и Социал-демократы (0.39%).

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 17 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА ПО АЛТАЙСКОМУ КРАЮ

Список избирательных объединений и блоков приводится в порядке убывания числа голосов, полученных ими в целом по стране

№ в бюллетене, название	Число голосов	В %
Общее число избирателей, внесенных в списки	1947413	
Приняли участие в голосовании	1303890	100.00
25.Коммунистическая партия Российской Федерации	338717	25.98
33.Либерально-демократическая партия России	203264	15.59
17.Наш дом – Россия	64658	4.96
19.Яблоко	46670	3.58
1.Женщины России	58374	4.48
36.Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз	61309	4.70
31.Конгресс русских общин	22121	1.70
35.Партия самоуправления трудящихся	46260	3.55
23.Демократический выбор России – Объед. демократы	27057	2.08
41.Аграрная партия России	161429	12.38
2.Социал-патриотическое движение «Держава»	40128	3.08
20.Вперед, Россия!	21682	1.66
30.Власть – народу!	22679	1.74

№ в бюллетене, название	Число голосов	В %
18.Памфилова – Гуров – Владимир Лысенко (РПРФ)	17778	1.36
32.Профсоюзы и промышленники России – Союз Труда	17717	1.36
22.Экологическая партия России «Кедр»	18639	1.43
38.Блок Ивана Рыбкина	14822	1.14
26.Блок Станислава Говорухина	7105	0.54
13.Мое Отечество	9057	0.69
15.Общее дело	6421	0.49
37.Партия любителей пива	6028	0.46
7.Общероссийское мусульманское движение «Нур»	1063	0.08
4.Преображение Отечества	1803	0.14
28.Национально-республиканская партия России	2245	0.17
34.Предвыб. блок, включ. рук. Партии защиты пенсионеров...	5771	0.44
24.Партия Российского единства и согласия	3196	0.25
27.Ассоциация адвокатов России	3757	0.29
14.За Родину!	2560	0.20
42.Христианско-демократический союз – Христиане России	2636	0.20
9.Предвыб. блок, включ. рук. Партии защиты детей...	2031	0.16
40.Партия «Народный Союз»	2734	0.21
5.Тихонов – Туполев – Тихонов	1575	0.12
43.Союз работников жилищно-коммунального хозяйства	1218	0.09
29.Социал-демократы	1134	0.09
39.Партия экономической свободы	1421	0.11
6.Российское общенародное движение	1323	0.10
16.Блок независимых	499	0.04
8.Федерально-демократическое движение	2335	0.18
11.Стабильная Россия	2505	0.19
3.Дума – 96	1709	0.13
12.Поколения рубежа	685	0.05
21.89 (89 регионов России)	569	0.04
10.Международный союз против всех	306	0.02
число действительных бюллетеней	29477	2.26
	19423	1.49

Источник: <http://www.nns.ru/elects/izbobyed/i95f22ak.html>

Барнаульский избирательный округ № 034

Количество избирателей – 465310. Территории в составе округа – Центр – г. Барнаул. Кандидаты в депутаты:

1. Акелькин Петр Степанович, 1952 г.р., депутат Барнаульской Городской Думы, выдвинут избирателями
2. Богданов Юрий Дмитриевич, 1957 г.р., председатель Алтайского Союза ветеранов Афганистана, выдвинут избирателями
3. Данилова Нина Петровна, 1947 г.р., Законодательное Собрание Алтайского края, зам. председателя Комитета по бюджету, налоговой и кредитной политике, выдвинута избирательным объединением КИРФ
4. Евдокимов Михаил Сергеевич, 1957 г.р., ИЧП «Театр Михаила Евдокимова», художественный руководитель, выдвинут избирательным объединением «Стабильная Россия»
5. Лазарев Александр Федорович, 1947 г.р., директор Алтайского онкологического центра, выдвинут избирательным объединением ВОПД «Наш дом – Россия»
6. Макеев Николай Николаевич, 1963 г.р., начальник отдела прокуратуры Алтайского края, выдвинут избирателями
7. Марченко Игорь Анатольевич, 1954 г.р., пенсионер, выдвинут избирателями
8. Потапов Сергей Григорьевич, 1952 г.р., директор представительства Российского центра приватизации по Алтайскому краю, выдвинут избирателями
9. Родионов Игорь Николаевич, 1961 г.р., руководитель Алтайского представительства Центра стратегического анализа и прогноза, выдвинут избирателями
10. Сарычев Алексей Николаевич, 1956 г.р., председатель подкомитета по законодательству в сфере безопасности личности и чрезвычайным ситуациям ГД ФС РФ, выдвинут избирателями
11. Степанов Виктор Иванович, 1956 г.р., Алтайский высший экономико-юридический колледж, ректор, выдвинут избирательным объединением «Образование – будущее России»
12. Стригина Людмила Дмитриевна, 1942 г.р., Алтайский краевой совет родителей военнослужащих, председатель, выдвинута избирательным блоком «Памфилова-Гуров-Лысенко»

13. Тимошенко Галина Николаевна, 1946 г.р., Алтайский фонд защиты потребителей, генеральный директор, выдвинута избирательным объединением «ЯБЛоко»
14. Толстых Василий Петрович, 1957 г.р., президент фирмы «Павловский тракт», выдвинут избирателями
15. Шмаков Юрий Анатольевич, 1957 г.р., помощник депутата ГД ФС РФ, выдвинут избирательным объединением ЛДПР

Результаты выборов

Число голосов, поданных за каждого кандидата

Акелькин П.С.	27929	Родионов И.Н.	16075
Богданов Ю.Д.	3690	Сарычев А.Н.	33593
Данилова Н.П.	61813	Степанов В.И.	4066
Евдокимов М.С.	18456	Стригина Л.Д.	7952
Лазарев А.Ф.	45067	Тимошенко Г.Н.	11849
Макеев Н.Н.	4243	Толстых В.П.	6008
Марченко И.А.	2448	Шмаков Ю.А.	19832
Потапов С.Г.	4299		

Число избирателей, принявших участие в выборах – абсолютное – 291490, в процентах – 60,67. Депутатом избрана Данилова Нина Петровна

Источник: <http://www.nns.ru/elects/spiski/34.html>

Бийский избирательный округ № 035

Количество избирателей – 489061. Центр – г. Бийск. Территории в составе округа – г. Бийск, г. Заринск, г. Новоалтайск, районы: Алтайский, Бийский, Ельцовский, Залесовский, Заринский, Красногорский, Кытмановский, Первомайский, Советский, Солтонский, Тальменский, Тогульский, Целинный. Кандидаты в депутаты:

1. Берулава Михаил Николаевич, 1950 г.р., Бийский государственный педагогический институт, проректор по научной работе, выдвинут избирателями
2. Бобрышев Владимир Павлович, 1939 г.р., НПО «Алтай», заместитель генерального директора, выдвинут избирательным объединением «Лига независимых ученых России»
3. Воронцова Зоя Ивановна, 1947 г.р., школа №1, директор, выдвинута избирательным объединением КППРФ

4. Жильцов Юрий Иванович, 1940 г.р., директор департамента РАО ЕЭС «Россия», выдвинут избирательным объединением ВОПД «Наш дом – Россия»
5. Кирьянов Виталий Дмитриевич, 1948 г.р., исполнительный директор АООТ «Быстроистокский маслозавод», выдвинут избирательным блоком «Демократический выбор России – Объединенные демократы»
6. Корницкий Леонид Иосифович, 1953 г.р., заместитель командира в\ч 52929, выдвинут избирателями
7. Насырова Вера Александровна, 1959 г.р., директор внешнеторговой фирмы «Верал», выдвинута избирательным объединением ОПД «Дума-96»
8. Олешевич Валерий Мефодьевич, 1957 г.р., начальник Целинного РОВД, выдвинут избирателями
9. Останин Валерий Сергеевич, 1947 г.р., научно-производственный концерн «Алтай», вице-президент, выдвинут избирательным объединением «ЯБЛоко»
10. Пякин Валерий Викторович, 1963 г.р., второй секретарь Алтайского краевого комитета ЛДПР, выдвинут избирательным объединением ЛДПР
11. Фокин Геннадий Михайлович, 1937 г.р., АООТ Бийский котельный завод ПО Сибэнергомаш, генеральный директор, выдвинут избирателями
12. Шабанов Николай Владимирович, 1956 г.р., Бийское территориальное отделение Союза ветеранов Афганистана, выдвинут избирателями

Результаты выборов

Число голосов, поданных за каждого кандидата

Берулава М.Н.	---	Насырова В.А.	3484
Бобрышев В.П.	5981	Олешевич В.М.	21682
Воронцова З.И.	118449	Останин В.С.	24113
Жильцов Ю.И.	21036	Пякин В.В.	26492
Кирьянов В.Д.	13829	. Шабанов Н.В	39559
Корницкий Л.И.	8572		

Число избирателей, принявших участие в выборах – абсолютное – 328715, в процентах – 65,29. Депутатом избрана Воронцова Зоя Ивановна.

Источник: <http://www.nns.ru/elects/spiski/35.html>

Рубцовский избирательный округ № 036

Количество избирателей – 482966. Центр – г. Алейск. Территории в составе округа – г. Алейск, г. Белокуриха, г. Змеиногорск, г. Рубцовск, районы: Алейский, Быстроистокский, Егорьевский, Змеиногорский, Зональный, Косихинский, Краснощековский, Курьинский, Локтевский, Петропавловский, Пospelихинский, Рубцовский, Смоленский, Солонешенский, Третьяковский, Троицкий, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский, Шипуновский. Кандидаты в депутаты:

1. Бессарабов Владимир Григорьевич, 1954 г.р., депутат ГД ФС РФ, выдвинут избирательным блоком «Блок Ивана Рыбкина»
2. Вислогузов Юрий Александрович, 1948 г.р., глава администрации Алейского района, выдвинут избирательным объединением «Аграрная партия России»
3. Герасименко Николай Федорович, 1950 г.р., Комитет по здравоохранению Алтайского края, председатель, выдвинут избирателями
4. Дорохов Александр Владимирович, 1961 г.р., спортивно-оздоровительный комплекс АО «Кристалл», директор, самовыдвижение
5. Жогов Валерий Леонидович, 1965 г.р., заместитель главного редактора газеты «Правда Жириновского», выдвинут избирательным объединением ЛДПР
6. Корниенко Василий Александрович, 1937 г.р., литератор-профессионал, самовыдвижение
7. Садыков Владислав Закиевич, 1955 г.р., Рубцовская городская станция переливания крови, главный врач, выдвинут избирателями
8. Шведунов Алексей Иванович, 1927 г.р., персональный пенсионер республиканского значения, выдвинут избирателями

Результаты выборов

Число голосов, поданных за каждого кандидата

Бессарабов В.Г.	27955	Жогов В.Л.	34634
Вислогузов Ю.А.	102822	Корниенко В.А.	2154

Герасименко Н.Ф.	110995	Садыков В.З.	24286
Дорохов А.В.	4773	Шведун А.И.	18928

Число избирателей, принявших участие в выборах – абсолютное – 350513, в процентах – 71,24. Депутатом избран Герасименко Николай Федорович.

Источник: <http://www.nns.ru/elects/spiski/36.html>

Славгородский избирательный округ № 037

Количество избирателей – 462915. Центр – г. Славгород. Территории в составе округа – Камень-на-Оби, г. Славгород, районы: Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Волчихинский, Завьяловский, Калманский, Каменский, Ключевский, Крутихинский, Кулундинский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Новичихинский, Павловский, Панкрушинский, Ребрихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Суетский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Тюменцевский, Угловский, Хабарский. Кандидаты в депутаты:

1. Аскалонов Алексей Иванович, 1940 г.р., директор территориального Государственного фонда обязательного медицинского страхования, выдвинут избирателями
2. Бондарчук Николай Михайлович, 1936 г.р., ректор Алтайского государственного аграрного университета, выдвинут избирательным объединением «Образование – будущее России»
3. Вернигора Владимир Сергеевич, 1937 г.р., генеральный директор АО Алтайводмелиорация, выдвинут избирательным объединением «Аграрная партия России»
4. Гельмел Александр Яковлевич, 1965 г.р., ведущий специалист АО «Траст», выдвинут избирателями
5. Еннер Аркадий Эдуардович, 1937 г.р., администрация Бурлинского района Алтайского края, глава, выдвинут избирательным объединением «Экологическая партия России «Кедр»
6. Колобова Альбина Ивановна, 1938 г.р., Алтайский государственный аграрный университет, зав. кафедрой, выдвинута избирательным объединением «Демократический выбор России – объединенные демократы»

7. Носачев Андрей Васильевич, 1957 г.р., командир в/ч 21452, выдвинут избирателями
8. Попов Виктор Иванович, 1951 г.р., старший уполномоченный ГУВД, выдвинут избирателями
9. Соловьев Михаил Николаевич, 1957 г.р., первый секретарь Алтайского краевого комитета ЛДПР, выдвинут избирательным объединением ЛДПР
10. Тевонян Сергей Михотарович, 1957 г.р., глава администрации с. Родино Алтайского края, выдвинут избирателями

Результаты выборов

Число голосов, поданных за каждого кандидата

Аскалонов А.А.	57794	Колобова А.И.	12809
Бондарчук Н.М.	13641	Носачев А.В.	9939
Вернигора В.С.	109751	Попов В.И.	32092
Гельмель А.Я.	23894	Соловьев М.Н.	19404
Еннер А.Э.	8188	Тевонян С.М.	21689

Число избирателей, принявших участие в выборах – абсолютное – 337159, в процентах – 71,52. Депутатом избран Вернигора Владимир Сергеевич

Источник: <http://www.nns.ru/elects/spiski/37.html>

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

АШПИ – общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. С февраля 1999 г. Школа получила статус учебно-научной лаборатории АГУ. Основные цели деятельности Школы состоят в повышении уровня культуры в регионе, изучении политической системы и политической жизни общества, оказании консультативных, научных и просветительских услуг в области политологии. Опираясь на лучшие традиции Московской Школы Политических Исследований, АШПИ стремится объединить либерально мыслящих людей – политиков, журналистов, ученых самых разных специальностей (историков, политологов, социологов, экономистов, юристов и др.). В работе Школы уже приняли участие десятки известных экспертов, докторов и кандидатов наук.

Одно из направлений деятельности – **консультирование, социологическое и политологическое обеспечение предвыборных кампаний**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы с охватом более 2000 респондентов. Кроме того, проводились исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. на средства фонда «Открытое общество» АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». Результаты всех опросов были опубликованы в печати.

Вместе с тем Школа постоянно занимается **просветительской работой** – организацией «круглых столов», конференций, семинаров, чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в различных СМИ. На краевом телевидении и радио были проведены **«круглые столы»** на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о президентских и губернаторских выборах, о национальной идее в России и др. В июле 1997 г. руководитель АШПИ провел в Новосибирске семинар по проблемам защиты общественных интересов для лидеров инвалидных организаций Западной Сибири.

Организовывались и крупные **научно-практические конференции**. Так, 28 мая 1996 г. был проведен семинар на тему «Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории»; 16 июля 1996 г. состоялся семинар «Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии»; 31 января 1997 г. была проведена конференция «Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России»; 16 – 18 июля 1997 г. состоялась конференция «Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней)». Материалы этих конференций были опубликованы в специальных выпусках **«Дневника АШПИ»** (№№ 1-4). Выпуск Дневника №5 (январь 1998 г.) был посвящен теме «Интеллигенция и власть. По материалам I съезда ОД «Конгресс интеллигенции Алтайского края». 17-18 июля 1998 г. АШПИ провела научно-практическую конференцию «Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы» (материалы

опубликованы в выпуске «Дневника АШПИ» № 6). 30-31 июля состоялась конференция «Роль парламента в демократическом государстве». Тексты выпусков «Дневника АШПИ» представлены в информационной сети ИНТЕРНЕТ.

Школа продолжает научно-просветительскую работу и **приглашает к сотрудничеству** всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Алтайская Школа Политических Исследований

✉ 656099 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, к. 408а

☎ (3852) 22-53-57 Fax: 22-28-75

✉ E-mail: ashpi@hist.dcn-asu.ru

Internet: <http://hist.dcn-asu.ru/ashpi/aspi/aspi.html>

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Аничкин Евгений Сергеевич – ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ

Базылев А.В. – аспирант КемГУ

Барабанов Олег Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Российского института стратегических исследований, г. Москва

Бетмакаев Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент АГУ

Бунин Игорь Михайлович – доктор политических наук, генеральный директор независимого фонда «Центр политических технологий»

Галактионов Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории КемГУ, г. Кемерово

Галкина Лилия Александровна – редактор журнала «Полис», г. Москва

Герасимов Алексей Сергеевич – заместитель главного редактора газеты «Алтайская правда», председатель региональных отделений «Союза реалистов» и «Социал-демократического союза»

Глушков Анатолий Ефимович – кандидат исторических наук, профессор АГУ

Емешин Константин Николаевич – кандидат медицинских наук, профессор, председатель Алтайской краевой организации ДВР

Еремин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории БГПУ

Заусаева Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии АГУ

Кашаева Мира Васильевна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ

Киселев Валерий Иванович – доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ региональных медико-экологических проблем

Коваленко Людмила Георгиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии АГУ

Козулин Вячеслав Николаевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ

Колобова Альбина Ивановна – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой АГАУ

Корнева Лидия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран КемГУ, г. Кемерово

Курныкин Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель АГУ

Лёше, Петер – доктор политологии, профессор факультета общественных наук университета г. Геттинген, Германия

Литвинов Михаил Владимирович – главный специалист контрольно-аналитического управления администрации г.Барнаула

Ляпунов Андрей Федорович – главный специалист аппарата полномочного представителя Президента РФ в Алтайском крае

Мельников Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии АГУ

Негреев Дмитрий Викторович – редактор отдела политики еженедельника «Свободный курс»

Огарь Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой «Связи с общественностью» АГУ

Притчина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии АГУ

Рыжков Владимир Александрович – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, лидер фракции «Наш дом Россия»

Старков Анатолий Иванович – главный врач краевого кардиологического центра

Устюгов Алексей Николаевич – журналист

Цицилин Валерий Павлович – помощник депутата Государственной Думы

Чернышов Юрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, директор Алтайской школы политических исследований, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки

Черченко Эдуард Александрович – директор ТОО «Алтайская промышленная компания»

Шаповалова Светлана Олеговна – главный редактор журнала «Вестник АТН: Экономикс-пресс»

Шашкова Ярослава Юрьевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры политологии АГУ

Шейда Геннадий Петрович – руководитель Алтайского отделения Фонда «Российский общественно-политический центр», исполнительный директор ОПД «Согласие»

Шуба Николай Михайлович – полномочный представитель Президента РФ в Алтайском крае

Шульце, Петер В. – доктор политологии, профессор, руководитель московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта, Германия

Щеглов Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, первый проректор АГУ.